

де(калм.)

И 899

-32532-

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

**И С С Л Е Д О В А Н И Я
П О Л Е К С И К Е
К А Л М Ы Ц К О Г О Я З Ы К А**

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛЕКСИКЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

3253a
M
1985

Библиотека Калмыцкого ИИ

Элиста 1981

Утвержден к печати редакционно-издательским
Советом Калмыцкого НИИ ИФЭ

Редакционная коллегия:
Э.Ч.Бардаев /ответ.редактор/,
Н.Н.Убушаев

Сборник посвящен актуальным вопросам лексикологии современного калмыцкого языка. Словарный состав калмыцкого языка — наименее изученная область языкознания. Публикуемые статьи освещают отдельные вопросы по данной проблеме как в синхронном, так и в диахронном плане.

Сборник состоит в основном из статей научных сотрудников сектора языкознания Калмыцкого НИИ ИФЭ и ученых Института языкознания АН СССР, Института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР и преподавателей Калмыцкого госуниверситета.

Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1981

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Калмыцкий язык с точки зрения фонетики и морфологии исследован довольно обширно. Иначе обстоит дело относительно лексикологии. В частности в описательно-нормативном плане словарный состав калмыцкого языка совершенно не изучен. В настоящей статье делается попытка в кратком виде осветить основные вопросы лексикологии современного калмыцкого языка.

Семасиология (семантика)

Семасиология является одной из важных отраслей языковедения, изучающей значения слов и устойчивых выражений и их изменение в различных речевых ситуациях, т.е. интересующейся внутренней или смысловой стороной слова.

Слово имеет одно или несколько лексических значений. Если оно однозначное, то его называют моносемичным: деосн "веревка", ааһ "чашка", эмэл "седло", шикр "сахар", аһар "воздух", сүүдр "тень", седкл "желание" и т.д. В этом случае как сами вещи, так и названия их находятся между собой в прямой пропорции: слово — вещь, т.е. слово употребляется только в прямом и конкретном своем значении. Однако таких слов в калмыцком языке, как и в любом другом, не очень много. Большинство слов калмыцкого языка имеют более одного значения. Когда слово приобретает два и более значений, оно становится многозначным или полисемичным: залу "мужчина; муж; молодой", улс "народ, население, держава", мөн "да, правильно; совершенно, именно так", дөрө "стремя, педаль, лестница", дор "внизу, вниз, под; хуже", зерг "ряд, звание, степень, чин, ранг, титул; одновременность", цацу "равный, равно, одинаково, одновременно; как только" и т.д.

С течением времени у слова могут развиваться новые значения. Так, например, слово толһа некогда, наверняка, имело одно значение "голова" (у живых существ). Сейчас оно выражает несколько понятий: толһа деер һарх "возвратиться на возвышение", толһате күн "толковый человек", һардэрин толһад

"во главе руководства". Слово гер в кочевой период калмыков означало "кибитка, юрта". Теперь носители языка понимают его и как "дом, здание, квартира". Тот же семантический путь прошло и слово келги, которое раньше отражало понятие "гужевой ~ верховой транспорт", в первую очередь конный. Для современного носителя языка это слово стало означать всякое средство передвижения, и, конечно, прежде всего - автомобильное.

Полисемия

Многозначность связана с тем, что названия одних предметов или явлений переходят на другие, или у одного и того же слова развивается новое значение или комплекс новых значений: һол "спящий мозг" - һол "сердцевина" - һол "река" - һол "коренной"; ул "подшва обуви" - ул "остов горы" - ул "фундамент" - ул "база, основа"; дуудвр "призыв, зов" - дуудвр "обращение"; даалһвр "поручение" - даалһвр "задание", түмн "десять тысяч" - түмн "множество". Расширение семантики слова идет и путем переосмысления исконного его значения: үр "сверстник" - үр "товарищ"; эмтн "все живое существо" - эмтн "люди, человечество", харсач "заступник" - харсач "защитник" (спорт); долач "кучер" - долач "ведущий за собой".

Многозначность слова - явление положительное, в котором отражается внутреннее богатство языка. Полисемичностью обладают обычно исконные слова, а не заимствованные.

В калмыцком языке наличествует несколько типов многозначности.

Метафора. Это самый распространенный вид полисемии. При ней наименования переносятся с одних вещей на другие, чем-то похожих на первоначальные. Примеры, основанные на сходстве различных признаков предмета и явлений:

метафоры по форме - келн "язык" (анат.) - хавхин келн "язычок капкана", сала "разветвление пальцев" - һолнн сала "рукав реки", ора "крыша" - уулын ора "вершина горы" - тедгрин ора "высь неба" - күүнэ толһан ора "макушка головы человека" - модна ора "вершина дерева";

метафоры по функции - живр "крыло птицы" - самолетин живр "крыло самолета", хамр "нос у человека" - хамр "возвышен-

ность";

метафоры по схожести других сторон вещей: керин "корабль" – теегин керин "верблюды" /букв. "степные корабли"/, алтн "золото" – алтн хамтхасн "желтые листья дерева" /букв. "золотой лист"/, шатх "гореть" – кедлмштэн шатх "целком отдаваться работе" /букв. "гореть на работе"/, кийтн "мороз" – кийтн хэлэц "холодный взгляд", догшн "злой" – догшн салькн "свиристый ветер".

Различаются метафора языковая и метафора литературная. В языкознании метафора – это любой перенос названия по сходству. Литературная метафора, особенно поэтическая, обладает высокой экспрессивностью и представляет собой троп или образное выражение.

Метонимия. Это перенос названия не на основании сходства внешних или внутренних признаков нескольких вещей, а на основании смежности самих предметов, т.е. соприкосновения вещей в пространстве или во времени.¹ Здесь два или более предмета или явления, поименованные одним названием, должны быть смежными.

Типичные метонимии обычно строятся по определенному принципу, например, одно на другом: цаасн "бумага" /материал/ и цаасн "документ", ширэ "стол" /мебель/ и ширэ "трон" /власть/; одно под другим: эрк "кошма, закрывающая верхнее отверстие юрты" /т.е. часть юрты, например, эркэн секх "открывать дымовое отверстие юрты"/ и эрк "семья, семейство" /т.е. люди под одной крышей, например, нег эркин улс "люди одной семьи" или эрк эндэлх "обзавестись семьей и продолжить род"/; одно в другом: гер "юрта" /например, гер тэвгдв "юрта поставлена"/ и гер "семья, домохозяин" /например, нег гер нүүж ирв "прикочевала чья-то семья"/ и т.д. Такая смежность обуславливает, о чем свидетельствуют примеры, появление у слова двух и более значений.

Примеры метонимии, основанной на пространственной смежности: хотн э-чимэн уга бээшго "хотон /село/ не будет молчать" – "люди хотона не будут молчать", хош нүүж одв "стан перекочевал" – "люди со скотом переехали на новое место",

сәлән бүкдән кедимит һарь "село целиком вышло на работу" - "все люди села вышли на работу", һег шил бүкднһ уучкв "выпил целую бутылку" - "выпил все содержимое в бутылке", һег һаһз татчкв "искурил трубку" - "искурил весь табак в трубке", һе идчкз "съел овцу" - "съел баранью тушу - мясо".

Метонимия, построенная на временной смежности: кедимит әрүн әрт әкмәд, аска ора төгсв "работа началась рано утром и закончилась поздно вечером" указывает на процесс труда. Бяһсн кедимтән тәр һәһд илгәв "он прислал мне свою рукописную работу" указывает на результат работы - сочинение. Дәгтр орчулһн - күнд кедимит "перевод книги - это сложная работа" называет ход действия. Дәгтриһ орчулһн сән болд "перевод книги получился хорошим" показывает на итог работы.

Примеры на другие типы метонимии. Слово называет и материал, и изделие из него: цә "чайные плантации" - цә "высушенные и обработанные листья чайных растений" - цә "выпиток"; тәмк "растение, содержащее никотин" - тәмк "высушенные и изрезанные или растертые листья этого растения, табак"; оһсн "конопля" - оһсн "веревка, шпагат из ниток, дратва"; мөцгн "серебро" - мөцгн һш "серебряная ручка"; адтн "золото" - адтн деевр "золотая крыша"; цаһан маһн "прямая клевка" (анат./ - цаһан маһн "особо приготовленная мясная колбаса"; цусн "кровь" - цусн "кровяная колбаса" и т.д. Из примеров видно, что при метонимическом переносе меняется не только вещь, но и само первоначальное понятие в целом.

Метонимия в калмыцком языке может выражаться разными частями речи. Но больше всего ей бывают имена существительные и прилагательные. Например, иһәдтә күн "веселый человек" - иһәдтә дәгтр "веселая книга", т.е. "книга которая веселит человека". Благодаря смежности таких предметов, их признаки определяются одним словом иһәдтә. То же самое можно наблюдать и в примере адта гер "дом для сумасшедших" (букв. "сумасшедший дом") вместо адта улс бәәдг гер.

В разговоре или в художественной литературе метонимия используется как художественный прием, как средство украшения речи. Поэтому она часто встречается при устной беседе, в са-

тирических или юмористических рассказах для образного выражения мысли, например, чийкэ арси "только что снятая шкура животного" (букв. "мокрая шкура") - чийкэ арси бээдлч "оказывается, ты тьюфак, никуда не пригодный человек", цалм "аркан" - "Цалм" /сатирический уголок в газете "Хальмг үнэ"/, күүнэ домбрт баялх "плясать под чужую домбру" - "находиться в зависимости от кого-либо, угождать кому-либо", мал "скот"-махлата мал "балбес" /о человеке/.

Синекдоха - вид полисемии, употребляющийся и как название целого, и как название части этого целого. Существенным для синекдохы является количественный признак - соотношения вещей: большее к меньшему или меньшее к большему. В калмыцком языке в основе такого переноса лежат следующие соотношения:

1/ когда вещь в целом получает название по какой-либо ее части: үлү амн-хотыи һару "лишний рот - лишний расход", где под словом амн "рот" подразумевается человек. Күүнэ чирэ хэлэх "смотреть на чужое лицо", т.е. лицедерничать. Здесь чирэ "лицо" заменяет человека. Эп кедлмшиг нег һарар оруулс болхла, сэн болх билэ "было бы хорошо, если бы эту работу пропустили через одни руки" - под словом һар "рука" имеется ввиду человек;

2/ когда через общее название предмета получает название часть этого же предмета: толһач "руководство, начальство" - мана толһач аашна "начальник наш идет", йөксүд "племя йоксид" - йөксүд көвүн "мальчик из племени йоксид", то "число, счет, численность" - то "цифра";

3/ когда родовое название употребляется вместо видового: модн "дерево" вместо, например, хусм "береза", харһа "ель", уласн "тополь"; өвсн "трава" - шарлжн "полынь", буя "лакрица", бардмч "чернобыльник"; мал "скот" вместо любого вида скота и т.п.

Омсины

Слова одинаковые по звучанию, но совершенно разные по значению, в лингвистике известны как омонимы.

В калмыцком языке различаются следующие типы омонимов:

I/ лексические омонимы или собственно омонимы - хурһи "пле-лец" - хурһи "ягненок", үсн "волосы" - үсн "молоко", ач "за-слуга" - ач "внук", ер "заря" - ер "недра земли". Встречают-ся тройные и более омонимы - цар "вол" - цар "парша" - цар "жернов", үлгүр "поговорки, пословицы" - үлгүр "пример" - үл-гүр "выкройка", ки "газ" - ки "грязь" - ки "мимо";

2/ грамматические омонимы или омоформы: һар "рука" (сущ./ - һар "выиди" /глагол. повел.накл./, ке "нарядный" /прил./ - ке "делай" /глагол./, улм "болото" (сущ.) - улм "еще путь"/нар./, чи "ты" (мест.) - чи "вишня" (сущ.). Бывают омоформы, выра-женные в трех и редко в четырех грамматических категориях: чис "шест" (сущ.) - чис "совершенно" (нар.) - чис "все"/мест./;

3/ фонетические омонимы или омофоны. При них слова произ-носятся одинаково или почти одинаково, но пишутся с некото-рым различием: ең "каприза" - еңг "ковш", сең "тост" - сеңг "одня из пары", зун "сто" - зун/о/ "осень".

Синонимы

Калмыцкий язык очень богат синонимами. Они встречаются среди различных частей речи: имен существительных, прилагательных, наречий, глаголов и т.д.

Синонимия противоположна и полисемия, и омонимия. Если последние две семантические группы похожи друг на друга тем, что в них одна и та же форма наполнена разным содержанием (тэмк "табачное растение" - тэмк "курево"; һу "балка, канал" - һу "дня"), то синонимы - это близкие по содержанию, но разные по звучанию слова: цуугән-кердән "ссора", ухата-тол-һата "умный", чирэ-нүр "лицо человека, физиономия", уурлх-шоодх "ругать, бранить".

Группа синонимов близких или одинаковых по значению образуют синонимический ряд. В калмыцком языке их несколько :

I/ синонимическая пара тождественная, т.е. такая, в ко-торой значения слов совпадают полностью или близки к этому: илх - эдлх "есть", аяртан - асхдан "вечером", эңгдән - эр-гмдән "кругом, повсюду". Число синонимов этого ряда в кал-мыцком языке насчитывается немного, и многие из них стремят-ся к дифференциации по значению. Так, слова адр и туурмд

означают "великий, доблестный, со славой". Теперь за словом аддр закрепилось значение "великий", а туурмд стало означать доблестный, слава". Одни из синонимичных слов вытесняются другими и становятся при этом или малоупотребительными, или вообще уходят в архаизм: слово эки некогда имело значение "девушка". Параллельно с ним с тем же значением употреблялось другое слово куукн. Теперь значение "девушка" закрепилось лишь за последним словом, и оно стало в этом значении общеупотребительным, а слово эки существует в современном калмыцком языке или как имя собственное Оки, или используется писателями в стилистически-экспрессивных целях в значении "красная девица". В одно время калмыки самолет называли ярплан (русск. аэроплан). Потом стали говорить ярплан и самолет. Теперь слово ярплан стало архаизмом, как и в русском языке;

2/ синонимическая пара по семантике не совсем тождественная, т.е. такая при которой каждый из компонентов ее содержит в себе известное различие в значениях: үр - иньг "друг" (үр "товарищ", иньг "возлюбленный"), байрта - жирһлтэ "счастливый" (байрта "радостный", жирһлтэ "счастливый"), шав - шарх "рана" (шав "рана", шарх "болячка"), дүлэ - таңх "глухой" (дүлэ "глухой", таңх "совсем глухой"), бичг - тамһ "письмо" (бичг "письмо", тамһ "тавро, клеймо"), көк - цеңкр "синий" (көк "синий", цеңкр "голубой");

3/ синонимы стилистические, различающиеся особой окрашенностью: мөрн - күлг "лошадь", хулхалх - тонх "обокрасть", идх - зооглх "есть", в которых первые слова являются общеупотребительными, вторые - стилистически окрашенными: күлг "сильная молодая лошадь" чаще употребляется в поэтических жанрах, тонх - в литературе, зооглх - для выражения высокого стиля;

4/ синонимы, отличающиеся один от другого степенью современности: энчин - тулһу "освротевший, одинокий", төгрг - мөндгр "круглый", шава (цусн) - ножд "застывшая кровь", дилон "год". Каждое второе слово из этих рядов относится к устаревшей лексике;

5/ синонимы, различие между которыми заключается в сфере употребления: таг - тэвд "полка", хавг - дураг - чанач "тыква", буудя - зарм "зерно". В приведенных примерах (более широкое употребление получили) слова первого ряда (я потому они) приняты в норму литературного языка, хотя оба варианта рядов по происхождению являются диалектными, т.е. дербетским и торгутским;

6/ фразеологические синонимы (устойчивые выражения или словосочетания): аман аңһах - алдчх "прозябать", дилыр-бэ-рх - шуух "одержать победу", бахан хаңһах - цадх "насытиться", зуркн тусх - дурлх "полюбить", э-чимэн уга - тагчг "тихо, глухо", нарт-делкэ - орчлц "вселенная".

Синонимические ряды могут состоять не только из двух, но и более членов: чиикте - шал-уси "совершенно мокрый", чидлэ-күчте - маңһс "сильный, мощный", дала-олн - түмн-шора "множество" и т.д. Важно при этом отметить, что в любом синонимическом ряде одно из слов выделяется как главное. Ведущими во всех приведенных двучленных и многочленных примерах являются первые слова.

Антонимы

Эти слова диаметрально противоположны по значению и выражают соотносительные друг с другом понятия: цаһан "белый" - хар "черный", ик "большой" - бичкн "маленький", эклц "начало" - чилгч "конец". Такое противоположное значение имеют только те слова, которые обладают качественным, количественным, временным и пространственным значениями: сэн "хороший" - му "плохой", цөөкн "немного, несколько" - олн "много", шу-дун "быстрый" - хашц "медлительный", хурдн "быстрый" - удадн "долгий", герл "свет" - харцһу "тьма", зун "лето" - увд "зима", өдр "день" - се "ночь", өрүн "утро" - аскн "вечер", эрт "рано" - ора "поздно", өөрхн "близко" - хол "далеко". Но чаще всего такие пары образуют качественные прилагательные и наречия качества.

Антонимические пары могут составить и некоторые послелогия: деер "наверху" - дор "внизу", өөр "вблизи, возле" - хол "вдали", өмн "вперед" - ард "позади", отрицания уга "нет" с

глаголом бээнэ "есть", биш "не" с утвердительной частицей мен "да", слова с отрицанием эс "не" и без него: юңгад эс меднэч? "почему не знаешь?" – меднэч "знаешь". При отрицательных частицах слова антонимы чаще бывают однокорневыми.

Однако в природе вещи и явления не всегда противопоставляются друг другу. Поэтому далеко не все слова имеют антонимические пары. Нет антонимов у существительных с конкретным или прямым значением, у прилагательных, обозначающих названия цветов, кроме слов цаһан "белый", хэр "черный", у количественных и порядковых числительных, у местоимений, за исключением пары эврэ "свой" – күүнэ "чужой", собственных имен: Бадм, Эрднь, Санж и т.д.

В калмыцком языке встречаются и такие случаи, что слова в одном случае имеют антонимы, в другом – нет. Например, к таким словам, как сар "луна", өөки "сало", теңгр "небо", усн "вода", взятых в изолированном виде, невозможно подобрать слова, противоположных в значениях. Однако в определенных контекстах они могут приобрести контрастные пары: Сар кеду герлэ болыч чигн нарна өдлцгэ "Месяц каким бы он ни был светлым не сравнивается с солнцем", Мөңдүрк өкиэс эндрк оошг "Чем завтращнее сало (ждать), лучше сегодняшнямь легкими (обойтись)". Уснас урһц шавштг, шораһас тоосн гүргдг "От воды – урожай, от мусора, – пыль". Теңгр өндг, һазр авдг "Небо дает, земля забирает".

Антонимы широко употребляются как в устной речи, так и в художественной литературе для резкого противопоставления признаков.

Антонимы, как сильное стилистическое средство, часто используются в калмыцком фольклорном жанре, например, в героическом эпосе "Джангар":

Үкл уга мөңкин фта,
Үрглэд хөрн тавн наснь дүрэр бээдг,
Үвл уга хавриң кевэр,
Зун уга намрар,
Даврх кийтн угаһар,
Халх халун угаһар,

Сер-сер гисн салъкта,

Бур-бур гисн хурта

Бумбин ори болна.

Счастье и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда – весна,
Где несмолкая ведут хоромы свои
Жаворонки сладкоголосые и соловьи,
Где и дожди-подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все,
Благоуханная сильных людей страна,
Обетованная богатирей страна;

в пословицах, поговорках и загадках: Му күн модн көшэ, сэн күн сөөвүр дора "Плохой человек, что идол деревянный, хороший – что иноходец добрый". Хатуг жөөлн идг "Твердое покрывается мягкому". Мергн эрдм дотр нуух, мунхг эрдм амнд бэрх "Мудрый хранит свои достоинства при себе, глупый держит их за язык". Хашань праһан, хөнь хар "Ограда белая, овцы черные": отгадка – "бумажка и письмо". Чи тендөһүр йов, би эн-дөһүр йовсв, хаана үүнд одж харһий "Ты иди по той стороне, я пойду по этой, и у двери хена мы встретимся": отгадка – "два конца тесьмы, опоясывающие юрту"; в сказках: Экинь күүкөн сурһжана: "Күүкм, ода насн-цагчи болад, күүнө һаза оди гһөд бөөвүч, күүнө һазр күчр гидг, күрни махи һашун гидг, эврэ һазр эңкр, элка махи энтөхи гиж кедг. Күүнө һаза ирси күн көлөи чаңһад вшкх кергтэ, ахиг адд күндях, дүүг делм күндях – гидг үлгүр бөөдг эс билэ" (Х.т., II б., 225) Мать поучает дочь: "Дочь моя, пришло твое время, настала пора покинуть родные места. Чужая земля не мила, как мясо хорька /зверька/ горька, своя же земля дорога, как мясо-печень сладка. В чужих краях человек должен твердо ступать по земле, старших не сажень уважая, младших на полсажень уважая – не так ли пословица гласит".

Калмыцкий язык довольно богат парными словами, построенных по принципу антонимичности: ах-дү "братья" (букв. "старший брат – младший брат"), эх-зах "последовательность, по-

рядок" /букв. "начало, край"/, хаза-дота "везде, всюду" /букв. "снаружи - внутри"/, деер-дор "наверху-внизу", ору-пару "оборот материальных средств" /букв. "прибыль, расход"/, ик-бички "всякие по возрасту" /букв. "старшие, младшие"/ и т.д.

Табу и эвфемизм

Довольно распространенное явление в различных языках - это табу. Сам термин заимствован языкознанием из религиозных обычаев индонезийских племей и по смыслу означает "неприкосновенный, запретный", соответствует калмыцкому деер.

Следует подчеркнуть, что слова табу в калмыцком языке носят почти пережиточный характер и по мере все большего приобщения их носителей к социалистической культуре они все дальше уходят от современной действительности. Сейчас табу в калмыцком языке, можно сказать, вовсе не появляются. В народе бытуют /да и то в речи узкого круга людей пожилого возраста/ только те табуистические слова, которые были изобретены в далеком прошлом.

Как известно, раньше у калмыков запрет налагался на различные слова и предметы. Например, женщина калмычка не имела право публично называть имя своего мужа, его родственников, а также произносить слова, имеющие какое-либо отношение к этим именам. В силу этого она должна была придумывать свои особые слова, заменяющие прямые наименования вещей, например, собственное имя Улан заменялось словом Нелэн. Отсюда и цветочное прилагательное улан "красный" также передавалось тем же вторичным словом нелэн. Чона /собственное имя от чон "волк"/ - Белтрег /букв. "волчонок"/ и т.д.

Табу первоначально возникли на почве мифологических верований, предрассудков, точнее говоря, суеверного страха человека перед злыми силами. Однако появление таких слов в основе своей имело и другие мотивы. В калмыцком языке можно обнаружить и такие слова, которых в соответствии с правилами приличия и вежливости нельзя было произносить в культурном обществе, например, агтих "кастрировать", геста "беременная" /букв. "с животом"/. Причем, запрет на произношение подобных слов налагался не только на женщин, но и на любого члена се-

мья. В замен им употреблялись смягченные слова ясх (букв. "поправить"), кел күнд (букв. "нога тяжелая").

Все то, что относится к смерти и болезням, люди часто стремятся назвать как-то помягче, например, понятие о смерти үкх "умереть" они выражают несколькими глаголами и глагольными сочетаниями того же значения, что и үкх: өңүрх "скончаться", залрх, сөөнь орд төрх, сөөһөн хээх "вознестись" эмнь һарх "испустить дух"; состояние гемтэ "больной" передают словами шалтгта, эрмдгтэ, шартэ, бийнь эвго и т.д.

Люди избегают прямо называть ту или иную слабость человека, например, догши цаһанд дурта күз "человек пристрастный к алкоголю" (букв. "человек, любящий белое зло") вместо эркнч күн; тату күн "умственно неразвитый человек" (букв. "недостаточный человек") - һэрг "глупец, глупый, дурак"; тонач "вор" - вместо прямого - хулхач.

Если в жизни встречаются ситуации, когда вещи нельзя называть своими именами, то, естественно, возникает потребность называть их иначе. Слова, употребляемые вместо запрещенных, в лингвистике известны под термином эвфемизмы, что значит по гречески "говорю вежливо".

В калмыцком языке встречаются различные случаи эвфемистической замены подлинного названия, например, ноһхи вместо күүкн "девушка", самһв в значении эмгя "старушка", арут - көвүн "мальчик", тээһн - ноха "собака", амбу - темэн "верблюд", улая юмп (букв. "красная вещь") - мяхн "мясо", вместо собственного имени домохозяйки нередко употребляется словосочетание хойр үст (букв. "имеющая две косы").

В качестве эвфемизма в женской речи часто выступает лично-притяжательное местоимение I-го лица мана "наш" с последующим словом күн "человек": мана күн "хозяйин дома, муж" (букв. "наш человек").

Для калмыков весьма своеобразными являются эвфемизмы, образованные путем замены начальных звуков некоторых слов согласным й: бор "серый, сизый" - йор, бөк "сильный" - йөк. Иногда в словах начальные согласные выпадают: Санж (собств. ямя) - Анж.

Существуют афемизмы, созданные по принципу "чтобы не оглядеть": Му Кәвүн — имя собств. /букв. "плохой мальчик"/, Хар Кууки /букв. "черная девушка"/, которые даются новорожденным детям как средство, предохраняющее их от злых духов.

Абстрактное и конкретное в слове

Многое из того, что окружает нас, является реально существующим, т.е. конкретным. В то же время в природе немало и такого, которого нельзя уловить ни одним органом восприятия, какими располагает человек. Все то, что относится к последнему, предстает перед нами в абстракции. Слова же, обозначающие эти отвлеченные понятия, составляют пласт абстрактной лексики.

Процесс развития абстрактного значения у слова связан с длительным историческим развитием самого языка. Поэтому, те языки, которые стоят на более высокой ступени общественного развития, соответственно располагают более широким словарным составом, выражающим абстрактные понятия.

Калмыцкий язык является языком до недавнего времени имевшим свою оригинальную письменность. Литературное наследие калмыцкого языка, представленное, в частности, устным народным творчеством, особенно эпическим, весьма богато, и оно впитало в себя достаточно много слов абстрактного значения.

Развитие в слове абстрактного значения переплетается с проблемой движения слова от прямого его значения к переносному.

Прямое и переносное значение слова

Слова существуют прежде всего в прямом своем значении. Не будь этого — в сознании человека все бы перемешалось и люди перестали бы понимать что их окружает. Другие, побочные значения слова — явление гораздо позднего времени, результат длительного исторического развития человеческого мышления и языка. Поэтому, например, слова селгэн "смена", хорн "яд", эки "головной мозг", боодг "связка", неря "ямя, название", харңду "темный" в первую очередь являются не чем иным, как номинациями в собственном смысле слова, а их переносные значения, приведенные в той же последовательности — "молодое

показание", "злоба", "ум", "плотина", "известность", "непросвещенный" — есть плод образного мышления человека, что в свою очередь свидетельствует о довольно высоком уровне развития данного языка.

Говоря о переносном значении слова, однако, не следует думать, что всякое переносное значение уже есть факт языка. Переносное значение очень часто возникает как троп, а именно как литературно-стилистическое средство. Так, возьмем к примеру слово мерн "конь, лошадь". Переносное значение его, приобретенное в сочетании мерн гүүдэнэ "везет, сопутствует удача" (букв. "лошадь его бежит") — есть литературно-стилистическое выражение, не обязательное для каждого говорящего. Отсюда, следует различать переносные значения, представляющие собой факты языка, от образных метафорических выражений, не являющихся обязательным элементом речи. Вот почему они и не находят в словаре своего отражения, в то время как переносные значения даются в нем с пометой перен.

Однако, говоря так, ни в коем случае нельзя думать, что в общении вовсе можно обходиться без метафорического употребления слова, ибо последнее явилось бы одной крайностью, превращающей язык в сухой штамп, что на деле означало бы пользоваться языком анимичным, лишенным каких-либо живых красок, точно также, как чрезмерное увлечение им стало бы другой крайностью, создающей в языке много символического и условного.

Контекст

Он играет огромную роль в речевом общении людей. Как известно, слова в языке большей частью многозначны. Однако люди в разговоре достигают однозначного понимания. Это осуществляется благодаря контексту, который в данном речевом потоке устраняет полемсемию. Так, если слово утх взять в изолированном виде, как дано в словаре, то оно означает, во-первых, "нож", во-вторых, "суть, соль, содержание, смысл". Но понимание его именно в том значении, в какое мы разумеем в данном конкретном случае, достигается в контексте, в ок-

ружения других слов: утх авад ир "принеси нож", үгии утх "содержание, смысл слова". В примерах видно как контекст совершенно точно выявляет семантику данного слова в различных его окружениях и никто при этом не перепутает значение одного употребления со значением другого.

Основной словарный фонд калмыцкого языка

Лексика калмыцкого языка состоит из совокупности всех слов, имеющих в данном языке.

Главным ядром словарного состава калмыцкого языка является основной словарный фонд, куда в первую очередь входят все корневые слова. Этот круг слов в языке менее обширен, но более устойчив по сравнению с другими разрядами слов основного словарного фонда. Он в основном и служит базой для образования новых слов. Другой его пласт составляют некорневые слова, которые на данном этапе времени воспринимаются нами как корневые: ца-г-аан "белый", ца-сан "снег", ца-вь-дар "игривый", ца-вэр "чистый", ца-гээн "светло-голубой, белесый". В них корень ца- /-ца-/ несет в себе общую идею.²

Основной словарный фонд калмыцкого языка состоит из общеизвестных слов, общеупотребительных для всех людей, говорящих на этом языке, независимо от того, где они живут, какова их специальность, каков возраст и уровень образования: хуица "одежда", хот "пища", теңгр "небо", һазр "земля", йовх "идти", келх "говорить".

В основной словарный фонд входят также и отдельные производные слова. Например, такие как малч "скотовод" от мал "скот", усльр "орошение" от усн "вода".

Исходя из функциональных способностей слова, весь лексический состав калмыцкого языка можно разделить на следующие типы слов: знаменательные (существительные, прилагательные, наречия, глаголы), местоименные слова, числительные, служебные и междометные слова.

Знаменательные слова составляют основной массив лексики калмыцкого языка и служат прежде всего в качестве названий и выражают понятия. В предложении они выступают в роли подлежащих - мал орж ирв "скот прибли /на стойбище/", сааль экив

"дойка началась", сказуемых - снтрлун ду һарв, һыл прквл, хур эклэд дусв "раздалась раската грома, засверкала молния, начал капать дождь", определений - ендр папан гермуд холас үзгдв "высокие белые дома показались издали", дополнений - мэр унад цар тууся улс зуур харһв "по пути встретились всадники, гонящие волов", обстоятельств - Саяд терги дээр дор ормасы һарад суув "Санджи прямо с места вокочил на телегу", манһдур сэн едр болх бээдлтэ "кажется, завтра будет хороший день". Этот разряд слов в словарном составе является наиболее подчистым и потому активно участвует в крупных преобразованиях языка.

Местоименные слова, как известно, употребляются вместо имени, не называя прямо самих предметов: тер холас үзгдв "тот показался издали". Поэтому обозначение предмета не должно начинаться сразу с местоимений: эн э һарв "этот подал голос", т.к. здесь значение местоимения остается в неизвестности. Оно выясняется в речи лишь из предшествовавшей ситуации, а в предложении - контексте: Хөвүн эрд ярв "мальчик вошел". Эн э һарв "он подал голос". Таким образом, номинативная способность местоимений весьма ограничена. Они хотя и называют предмет, но называют то, что было уже поименовано, т.е. выступают заместителями самих названий.

Местоименные слова понятий не выражают. Когда же их начинают связывать с понятиями, то они перестают быть местоимениями, переходя в знаменательные слова: Данген би божад бээдгчи юмб? "Что же это такое, что ты всегда влияешь свое я" (досл. "...превращаешь себя в я"). Ыйен бияд тоолчкоч кун "человек, поставивший свое я на видное место, принявший себя за личность".

В предложении местоимения выступают в роли подлежащего - би энд бээнэв "я здесь нахожусь", сказуемого - мийн үр чич "мой друг - ты", определения - идм дегтр олдн кергтэ "такая книга обществу нужна", дополнения - тавиг күлэжэнэ "вас ожидает".

В основном словарном фонде языка местоимения занимают свое особое, довольно обособленное место. Вместе с произ-

водными формами они образуют небольшой круг слов.

Имена числительные калмыцкого языка выражают количество или рядок предметов при их счете, т.е. понятия арифметических чисел, не связанных с реально-существующими вещами: хойр явг "два друга", хойрдгч гер "второй дом". В этих примерах слова хойр "два", хойрдгч "второй" сами по себе значения предметности не содержат. Следовательно, числительные представляют собой наиболее абстрактную часть лексики. Поэтому настоящие числительные лишены номинации и указывают только на счет однородных предметов. Когда же они называют понятия, например, сурһудьч этци һуря ав "ученик получил худуа тройку", һурви бүкләр хойрт хуагдун "три нацело недели на два", энти неги уга имн би "это дело не без причины", то перестают быть самими собой, а как бы опраделываются, т.е. из понятия, выражающих математические числа, превращаются в особые "вещи".³ В этом случае числительные выступают в роли членов предложения. В таких же, несвязанных с цифровыми данными, числительные самостоятельно, в одиночку не могут быть членами предложения.⁴ Они вместе с существительными образуют составные члены предложения: подлежащее - Кезена бәәж эмги ерги хойр бәәж "давным давно жили были старик да старуха", сказуемое - школд орхдан мана көвүн зурһата билә "когда пошел в школу; наш сын был шестилетним", определение - хойр хөн "две овцы", дополнение - темән, барс, чон, арат дөрвнд хот уга болжа "у верблюда, барса, волка и лисы не оказалось пшца".

Числительные в словарном составе стоят особняком, занимая в нем весьма ограниченное место. Производные от них слова также малочисленны.

Служебные слова, к которым относятся послелоги, союзы, частицы, в словарном составе калмыцкого языка также находят особое место. Эти слова противопоставлены знаменательным. Они не могут существовать самостоятельно без знаменательных слов, с которыми сочетаются. Служебные слова используются для связки слов в предложении, а также употребляются в целях выражения разных смысловых оттенков отношений

между знаменательными словами.

Служебные слова никаких предметов, признаков, действий и свойств не называют. Поэтому они лишены исминативных значений. Служебные слова в силу своей неполнозначности не способны выступать самостоятельно в функции членов предложения. Но тогда, когда они получают возможность выражать понятие, переходят в знаменательные слова и становятся членами предложения. В книге "Давид Кугультинов" (М., 1969) Д. Розенблюм пишет: "Стихотворение Давида Кугультинова "Хадрис"⁵... действительно производит полное "впечатление жизни, а не словесности" (с.68). Хууриг мел хөөвн гйдг, хурда мел ош гйдг "ленивец всегда говорит потом, трудолюб всегда говорит сейчас".

Междометия не называют предметы и не связаны с понятиями, а показывают различного рода эмоции: радость, огорчение, страх, испуг, удивление и т.д. Однако в калмыцком языке междометия составляют живой пласт речи и могут иногда оказаться в роли целого самостоятельного предложения или структурного элемента предложения: "Одна шар буржм мянь аальтдха" - гйдг зальврад кевтнэ (М.Н., К.х., 22) Лежит приговаривая: "Да спасет меня господь мой". Хач, цооб! - гйгэд зиду царан цокад тууһад йовнэ (М.Н., К.х., 30) Мужчина, поговяя быка, покрикивает: "Хач, цооб!"

Особый интерес представляет для стилистики экспрессивная сторона междометных слов, которая выражает высокую эмоциональность и особую интонацию при произношении.

К перечисленным выше незнаменательным словам следует отнести также личные имена и фамилии людей, клички и прозвища животных, названия местностей. В системе языка они тоже не могут выражать понятие. Говоря так, однако, нельзя утверждать, что различные частные названия лишены всякого смысла. Если бы это было так, то незачем было их иметь в языке. Безусловно, в известном понимании они заключают в себе значение. Но значение это ничего общего не имеет с природой самих вещей и ограничивается лишь их названием.

Среди собственных имен особое место занимают имена и фа-

милли отдельных личностей, единственных в своем роде. Так, у каждой нации немало имеется прославленных людей, чьи имена навсегда остались в памяти своего народа. Например, у калмыков широко известны имена Джангар и Хонгор из героического эпоса "Джангар", легендарные Ока Городовиков и Эрдни Деликов — имена прославленных Героев Советского Союза, Баатр Басангов и Ээлян Овла — выдающихся деятелей культуры калмыцкого народа. То же самое можно сказать и об остальных названиях, указывающих на характерные особенности чего-либо, например, Чилгр (букв. "ясный, светлый, безоблачный") — название села, где в 1921 г. проходил Первый Общекалмыцкий съезд трудящихся Калмыкии. Возможность выражать понятия у этих названий гораздо больше, чем у обычных массовых ономастических и топонимических единиц.

Активный и пассивный словарь

С точки зрения степени употребительности весь лексический состав калмыцкого языка делится на активный и пассивный словарный фонд.

Основу активного запаса, куда безусловно входят слова основного словарного фонда, составляют слова понятные и употребляемые всеми говорящими на калмыцком языке: өдмг "хлеб", өдр "день", өмн "жизнь", хууцн "одежда". В то же время активный словарь, в зависимости от социальной и профессиональной обусловленности его носителей, специфичен для каждой группы людей. Для жителей села, конечно, более употребительны слова, связанные с сельскохозяйственным производством: мал "скот", өвсн "сено", хэрүлх "пасты", һазр "поле", ноосн "шерсть" (в речи скотоводов), тэрэн "посев, хлеба", буудя "зерно", урһц "трава, посевная культура" (в речи полеводов). В языке городского населения перечисленные слова не могут быть активными в употреблении, несмотря на то, что они относятся к основному фонду словаря.

В пассивный фонд входят слова будущи и понятные для всех говорящих, но не всегда используемые ими в своей речи. К ним в первую очередь относятся слова специального или терминологического назначения.

Между словами активного и пассивного фонда не существует стены. Напротив, они взаимопереходны: то, что имеется в пассиве может (при надобности) перейти в актив и, наоборот, имеющееся в активе — уйти в пассив. Так, слово ном "религия" когда-то бытовало в узком кругу верующих людей. Теперь оно с потерей своего прежнего значения и приобретением нового (наука, образование) оказалось в гораздо широкой сфере общения. То же можно сказать и о словах самбр "доска", цол "звание" и т.д.

Примерами обратного порядка могут служить слова из прошлой жизни калмыцкого народа: боз "остатки от арьяна после его перегонки", цорһ "труба по которой стекает выкуренная молочная водка", жолм "маленькая юрта", буршмг "поршни, унты" и т.д.

Старая и новая лексика

С понятиями активный и пассивный словарь тесно связаны понятия о старых и новых словах.

В связи с изменениями существующего строя, с развитием материальной и духовной культуры того или иного народа в языке его хотя и медленно, но постоянно протекают два процесса: 1) выпадение из живой речи отдельных слов и выражений и 2) появление новых слов.

Архаизмы. Это такие слова и выражения, которые вышли из повседневного употребления.

Степень архаичности слова бывает различной. В калмыцком языке сейчас многие из архаизмов стали почти неупотребительными. Это объясняется тем, что обозначаемые ими предметы ушли из жизни и поэтому стали неизвестными современному носителю языка. К ним прежде всего относятся слова, обозначающие религиозные понятия, старые обряды, прошлый быт калмыцкого народа и другие стороны его жизни, например, лам "лама, служитель церкви", хурл "церковь", хурмш "старый кусочек войлока", зел "натянутая по земле (на два кола) веревка для привязывания к ней телят и жеребят", маля "плеть".

В языке бывает и так, что названия предметов устаревают и постепенно выходят из употребления несмотря на то, что сами

предметы продолжают еще бытовать, получив уже иное наименование. Примеров архаизмов этого рода в калмыцком языке можно привести немало: *жада* /н/ "грязь" /совр. кир/, *оки* "девушка" /*күүки*/, *мошк* "каблуки обуви" /*давхри*/, *күмн* "человек, люди" /*кун*/, *күкл* "косы" /*үсн*/.

Күүкд улси эмсдг *махлас ям* - ран олн *зүсн янзта*. *Халмг*, *датаг*, *хатхмрта камчатк*, *гомш*, *хадл*, *бүсдгч-цунар бийслэря зокаста хатхмрта болна* /Э.К., Х.У./ Как разнообразен женский головной убор: *халмаг*, *джатаг*, с вышивками *камчатка*, *томаши*, *халжалги*, *бүсдгчи* - все имеют гармоничные узоры". В статье С.Калыева "Цаһан" /Х.У./ перечисляются следующие названия борцога /варенных в масле мучных изделий/: *һалуна толна* /букв. "голова гуся"/, *хуцин толна* /голова барана/, *целвг* /типа блинов, но из крутого теста и гораздо толще, с украшенными краями/, *өврте толш* /виде головы крупного рогатого скота/, *кит* /круглой формы/, *дола* /повод лошади и других животных/ и т.д.

Устаревшая лексика, несмотря на то, что она в живом языке почти не употребляется, но в общественной жизни еще продолжает находить известное применение. Так, в исторической литературе она довольно обширно используется при описании прошлых событий, когда приходится называть ушедшие от нас предметы и явления действительности. При этом архаизмы должны быть использованы именно в том значении в каком они даны в источнике. Несоблюдение этого неизбежно ведет к искажению истинного смысла самого понятия, о котором идет речь.

В совр мзнном калмыцком языке в большом количестве сохранились архаизмы в составе пословиц, поговорок и фразеологических оборотов: *Дегле гер өркән бардг*, *дегд көрсү бийән бардг* "юрта без дымохода гудит свою макушку, желающий быть чрезмерно умным, гудит самого себя". *Үкх гиснь үкж уга, үнгн девятень үкж* "не тот умер, кому пророчили смерть, а тот, кто ходил в лисьей шубе /имел богатство/". *Әәкн тунтг* "пельмени из сада".

Слова, выделенные в этих примерах, сами по себе мало понятны говорящим на современном калмыцком языке. Но, несмотря на это, смысл каждого оборота в целом для нас остается

ясным.

Выход архаичных слов и выражений из словарного состава отнюдь не ведет к обеднению языка в целом. Утраты старого в языке постоянно и непрерывно компенсируются приливом свежих лексических средств, выражающих новые или те же понятия. Причем, количество вновь появляющихся слов далеко превышает число утраченных.

Арханизмы, разумеется, не могут входить в активный фонд языка. Однако отдельные разряды устаревших слов, в частности те, которые вышли из употребления сравнительно недавно, могут снова войти в активный словарь. В калмыцком языке это случилось, например, с такими словами, как зэрлг "указ", сүлд "герб", частр "гимн", һашг "грамота", которые в одно время не употреблялись.

Неологизмы. К ним относятся вновь образовавшиеся слова, выражающие понятия и представления о предметах, появившихся сравнительно недавно.

Новые слова появляются не из "ничего", а из реальных ресурсов самого языка, из возможностей его основного словарного фонда, т.к. в своем создании абсолютно искусственных, ни на чем не основанных слов не существует. Возникновение любого слова будь то термины или наименования, так или иначе базируется на каком-то наличном языковом материале.

Существуют следующие пути создания новых слов: 1) собственный или внутриязыковый, при котором исконные слова возникают за счет материала основного словарного фонда данного языка, 2) внешний, ведущий через заимствование, при котором новые слова приходят в данный язык со стороны, из других языков. Этот путь пополнения словарного состава менее обширен, чем внутренний.⁶

Особенно много слов появляется на базе собственного языкового фонда: нуурлэч "передовик", һардэч "руководитель", дэрлдэн "соревнование", шүлглэн "поэзия", тогтац "строй", бүрдэмж "организация" и т.д.

В создании неологизмов большая роль принадлежит калмыцким писателям и журналистам, которые смело и в то же время умело вводят в литературный язык слова, ранее бытовавшие то-

лько в диалектной речи.

В новой лексике особое место занимают термины. Они обычно изобретаются в ходе практики. В калмыцком языкознании наиболее разработанными в этом отношении являются вопросы, касающиеся лингвистической и общественно-политической терминологии.

Степень появления новых слов, особенно заимствованных, зависит от уровня и масштабности происходящих в обществе событий. Например, с победой Великой Октябрьской социалистической революции в национальных языках, в частности в калмыцком, происходит бурный прилив новых слов из русского языка: коммунизм, социализм, колхоз, совхоз и т.д.

Неологизмы в языке бытуют сравнительно недолго: самые удачные из них за сравнительно короткое время своего существования находят широкое применение в речи людей, т.е. входят в активный словарный фонд языка, неудачные, спустя непродолжительное время, забываются. Например, слова совет "совет", правляя "правление", бригад "бригада", фабрик "фабрика" и т.д. в свое время быстро вошли в активный словарь калмыцкого языка, но слова ичхүд "большевики", дээвдлһн "кризис", хүүб "совет", хувсхл "революция", имевшие определенное место в 30-е годы, постепенно вышли из употребления и теперь в этих значениях позабылись.

Заемствованная лексика

Словарный состав любого языка состоит из двух пластов: своего и иноязычного. Основу языка, безусловно, составляют его исконные слова.

Современный калмыцкий язык имеет богатую лексику. Определенную часть ее составляют слова, пришедшие со стороны, т.е. из лексики других языков.

В данное время трудно и почти невозможно установить когда начался процесс заимствования. Однако можно предположить, что иноязычные слова стали проникать в калмыцкий язык еще в дописьменный период монгольских народов.

Заимствования в калмыцком языке можно условно разделить на два периода: ранний (ойратский), когда предки современ-

ных калмыков — ойраты жили в Джунгарии, и поздний калмыцкий, начало которого связано с переселением ойрат-калмыков в волжские и донские степи. Очевидно, что такие заимствования, как вугл "стихотворение", аршан "целебный минеральный источник", арьяс "привычка", боть "том", шатр "шахматы", очр "символ могущества", эрдни "сокровище, драгоценный камень", чиндмань "драгоценность" из санскритского языка; бадма "лотос", бамба "цят", адс "благословение", вачир "скипетр", судр "книга", суврйн "памятник", сумьян "понедельник", мигир или миңгиян "вторник", улмд "среда", пүрвэ "четверг", басц "пятница", бембэ "суббота", адьян "воскресенье" тибетского происхождения, в основном выражающие религиозные понятия, относятся к первой стадии заимствования.

Многие заимствования из тибетского языка впоследствии превратились в собственные имена, например, Нямэ Намджл и т.д.

Из иранских языков заимствованы слова болд "сталь" (перс. пулад), барс "тигр" (перс. барс), булхар "юфть", берсн "ферзь", арслц "лев", дэр "порох" (перс. дару), тоһсн "павлин" (перс. тогод), тарус "арбуз", терз "окно"; из греческого — ном "религия", дегтр "книга"; из арабского — савц "мыло", алмс "алмаз", цув "дождевой плац", эрк "вино"; из уйгурского — буйн "добродетель, благодеяние", зул "лампадка, светильник"; из китайского — тээж "дворянин", ноһн "князь, господин", ям "высокопоставленное место", цонх "окно".

Вероятно, несколько позднее в калмыцкий язык проникли слова тюрко-маньчжурского происхождения — белг "отдел", билг "челант, дар", яр "рана, язва", зэрм "некоторые", зерлг "дикий, полевой", золһ "посещение", засг "закон, уложение", торһа "жаворонок", булмг "мучная каша, изготовленная на масле", аю "медведь", йиртмд "вселенная".

В лексике калмыцкого языка существует кроме того определенное количество слов, общих для монгольских и тюркских языков: хар "черный", көк "синий", алг "пестрый", буурл "челный", шар "желтый", сахл "усы" и другие. Происхождение их при современном состоянии сравнительно-исторической алтаистики невозможно определить.

Калмыцкий народ более 370 лет проживает совместно с рус-

ским народом. В течение этого времени русский язык оказал огромное влияние на развитие лексики современного калмыцкого языка.

Путь, пройденный калмыцким языком за указанный период, следует делить на следующие два больших этапа: дореволюционный и советский.

Примеры из дореволюционного заимствования: гуир "губернатор", болст "волость", орс "русский", прикашк "приказчик", писер "писарь", лавк "лавка", янри "генерал", Эрэса "Россия", яарм "ярмарка", чулян "чулан".

После Великой Октябрьской социалистической революции в лексику калмыцкого языка из русского заимствовано большое количество слов, терминов и выражений, например, тарактр "трактор", ушкод "школа", коммунистическ субботник "коммунистический субботник", селене Совет "сельский Совет" и т.д. В настоящее время число заимствований значительно выросло.

Ни одно заимствованное слово, прийдя в чужой язык, не может существовать, не подчиняясь внутренним законам заимствовавшего языка. Слова, принятые в калмыцкий язык из других языков, в частности из русского, также осваиваются, т.е. подчиняются его нормам. Этот процесс проходит по трем обязательным руслам - фонетическому, грамматическому и лексическому.

В фонетической системе калмыцкого языка облик заимствованных слов в той или иной степени меняется. В калмыцком языке известны следующие закономерности фонетической адаптации иноязычных слов, в том числе русских:

1. Выпадение конечных гласных: больниц "больница", автоном "автономия", советск "советский", союзн "союзный", научн-техническ "научно-технический".

2. Присоединение к начальному согласному звуку слова гласного в качестве протезы: арамк "рамка", эрволдц "революция", устул "стул", исткан "стакан" и другие. При этом, как видно из примеров, гласный, следующий за первым согласным, иногда может выпадать.

3. Замена звука ф у заимствованных слов фонемами п или

х: пабрк (паабрк) "фабрика", панр "фонарь", Педр (Пеедр) Федор, херм (хеерм) "ферма", шэпр (шоопр) "шофер", телехон "телефон" и т.д. Однако в настоящее время произношение фонемы ф для современных носителей калмыцкого языка не составляет особых трудностей: футбол, физик "физика", электрификац "электрификация".

4. Появление гласных у слов с двумя и более согласными в начале: турва "труба", пулуг "плуг", парвлян "правление".

5. Удлинение произношения гласных в первых слогах заимствованных слов: пеегур "погреб", заакрм "закрома", боорн "борона". В этом и в других случаях гласные последующих слогов могут редуцироваться, что видно из выше приведенных примеров.⁷

Перечисленные особенности произношения русских слов в основном присущи языку более старшего поколения калмыцкого населения. В языке же современной молодежи заимствованные слова не находят какого-либо заметного акцента.

Грамматическое освоение в калмыцком языке обязательно для всякого заимствованного слова, чего нельзя сказать, как уже отметили, относительно фонетического принципа заимствования. Поступая в словарь калмыцкого языка, иноязычные слова подчиняются его грамматике, например, существительные из русского языка склоняются по падежам калмыцкого языка биргадирт "бригадиру", биргадириг "бригадира", биргадирес "от бригадира"; изменяясь по числам, принимают аффиксы калмыцкого языка - машид "машины", трактормуд "трактора", скирдс "скирды"; теряют родовые окончания - Приозерн район "Приозерный район", тракторн бригад "тракторная бригада", социалистическ дерддэн "социалистическое соревнование" и т.д.

Что же касается лексического освоения, то немало иноязычных слов, которые, войдя в калмыцкий язык, настолько претерпели изменение и лексически прочно освоены, что трудно их признать чужими: каш "каша", хальш "калач", шикр "сахар", цэ "чай" и т.д.

Заемствование из русского языка сейчас осуществляется прямым путем. Однако раннее заимствование из языков других народов во многом совершалось опосредованно, т.е. через какое-

либо промежуточное звено. Так, например, из санскрита, греческого, арабского и иранских языков заимствование, конечно, проходило косвенно, главным образом через тюркские, поскольку в прошлом прямых контактов калмыков с носителями этих языков не было.

В калмыцком языке наряду с заимствованием лексическим существует еще заимствование семантическое — калька, при которой слова и выражения заимствуются путем буквального перевода слов и отдельных их частей. В лексику калмыцкого языка вошли немало таких весьма удачных переводов слов и словосочетаний, идентичных исконным: фермин зачал "управляющий фермой", шову есклнн "птицеводство", шалдрц түлэч "жидкое топливо" и др.

Довольно много калек в калмыцком языке из смешанных сочетаний, в которых один компонент из собственно калмыцкого языка, другой из русского, или наоборот: буудян культур "зерновые культуры", бээрн советмуд "местные советы", социалистическ дөрлдөн "социалистическое соревнование" и т.д.

Также нередки в калмыцком языке кальки того же типа, но слившиеся в своих написаниях: электрокүчн "электросила", радиозэңг "радиовесть", телеузгдл "телевидение", цугсоюзн "Все-союзный".

Можно встретить и сложносочинительные типы калек из калмыcko-русского сочетания слов или из одних калмыцких: төмр-бетонн "железо-бетонный", ясврин-механическ "ремонтно-механический", бүрдэмжин-техническ "организационно-технический", дотр-дундин "внутренний", хаврин тэрэнэ "весенне-полевой".

Калькированными могут быть целые словосочетания: седэнэ советин күцэгч комитетин ахлач "председатель исполнительного комитета сельского совета", дотр-дундин кергүдин министерств "Министерство внутренних дел" и т.д.

Заимствованные слова играют большую роль в обогащении лексики любого языка. Многие из них со временем входят в основной словарный фонд заимствующего языка и постепенно теряют свою чужеземность, становясь для него как бы своим, исконным. Так, сейчас в калмыцком языке такие слова, как билг "талант, способность", белг "отдел, глава", зерлг "дикий",

золһ "навешание, посещение" трудно считать чужими.

Однако заимствование должно совершаться по крайней необходимости, т.е. тогда, когда в заимствующем языке нет своего слова для обозначения нового понятия или предмета. Разумное отношение к заимствованию не только пополняет лексику любого языка, но и обогащает ее.

Фразеология

Словосочетания в калмыцком языке можно разделить на свободные и несвободные. В свободных сочетаниях слова не связаны между собой и лексически полнозначны: секэтэ дегтр "открытая книга". В несвободных сочетаниях связь слов неразрывна: улан һар "голые руки". Такие словосочетания образуют фразеологизмы языка.

Фразеологизмы обычно состоят из двух и более слов: цаһан саван "добродушие", хар һуйр "ржаная мука", ээдмг хөөриг болд одь "получился сыр-бор, хаос", эврэннь махан күүнэ хэеснд чанх "предать близких" (букв. "свое мясо в чужом котле варить").

Фразеологизмы каждого языка всегда специфичны. Самобытность фразеологии калмыцкого языка во многом определяется социальными особенностями жизни его носителей. Так, большое количество фразеологизмов связано: а) со словами - названиями домашних животных: мернь гүүжэнэ "везет, сопутствует удача, счастье улыбается" (букв. "мерин его бежит"), темэн гихлэ, яман гих "когда одни говорят о большом, другие это понижают как о маленьком" (букв. "говорят о верблюде, а он о козе"), бууриннь заң медх "знать характер своего хозяина" (букв. "звать норы своего верблюда-самца"), бух болх "властвовать, показывать силу" (букв. "стать быком"); б) предметами кочевого обихода: алтн жола эргүлж ирх "благополучно вернуться домой" (букв. "золотой повод повернув прибыть"), һанзһ улалһ ирх "приехать с добычей" (букв. "торок красным вернуться"), деесэр чолу керчх "сделать невозможное" (букв. "веревкой резать камень").

В калмыцком языке кроме того немало и таких устойчивых сочетаний, в которых глубоко отражаются прежние обычаи, былые

обряды и религиозные верования его носителя: эрк орулх "сва-
тять" /букв. "занести вино"/, цаһан сар кех "отмететь цаган
сар - праздник весны" /букв. "делать белый месяц"/, укр кет-
дүлх "подарить корову" /букв. "дать корову на поводу вести"/,
бурхи шажн "религия" /букв. "бог, религия"/, дэрк ээдлг "да
соизвоит мать божья", долан уулд одг "пусть идет к семи го-
рам" соответствует русскому "ну его к черту". Калмыцкий язык
чрезвычайно богат фразеологическими оборотами. Они отклика-
ются буквально на все стороны общественной жизни народа: быт,
культуру, хозяйство и т.д.

По степени устойчивости фразеологизмы не одинаковы. В кал-
мыцком языке можно отметить три главных вида словосочетаний:
фразеологические сращения /идиоматика/, фразеологические еди-
нства и фразеологические сочетания.

Идиоматическая лексика - это такие неделимые сочетания,
которые по значению близки к отдельному слову. Они обычно не
переводятся дословно на другие языки. Например: салькн тавг
"непоседа" /букв. "ветер пятка"/, хар келн "клевета" /букв.
"черный язык"/, клятн зүрки "хладнокровие" /букв. "холодное
сердце"/, ам адлх "проговориться" /букв. "рот упустить"/, нү-
дән өгх "уделять внимание" /букв. "отлечь глаза"/ и т.д.

Идиоматические выражения неизменяемы. Они не допускают пе-
рестановки слов местами. К ним нельзя /внутри текста/ приба-
вить слово или опустить один из их компонентов.⁹ Нельзя ска-
зать иначе, как сказано: аман бэрх "сожалеть о чем-либо" /букв.
"закрывать рот"/, тецкән уга "безмерно, неопишимо", хальгинь
/мольгинь/ авх "нагнать страху, дать строгоча", ибо в про-
тивном случае, сочетание теряет всякий смысл или вообще пе-
рестает быть идиоматизмом.

Идиомами могут быть и отдельные слова, употребляемые в пе-
реносном значении: Эцкинянь цох меднеч "ничего не смыслишь" -
букв. "отцовский висок знаешь". Соответствует русскому "ни в
зуб ногой". Эргэд йир кишг уга, домбр улс тедн /М.Н., К.х., 7У/
Добра не будет оттого, что мы здесь крутимся, негодные люди
они. Хэләһит тер кишг доскиг /Б.Б., Ө.д.ү., 32/ Посмотрите на
того негодника. В примерах выделенные слова, данные в пере-

носном смысле как "ничего" и "негодник" /два последние/, в прямом понимании выражают значения "висок", "домбра" и "до-ска". При этом такие одиночные слова, о чем говорят примеры, в одном случае могут быть идиомами, в другом нет, в то время как лексикализованные сочетания всегда идиоматичны.

Фразеологические сращения или идиомы имеют свои подклассы. В первый из них входят такие сочетания, в которых один из компонентов является слово (редко несколько слов), не имеющее лексическое значение и встречающееся только в одном обороте: зүлдэн даах "обходиться без посторонней помощи", аньр уга шицгртхэ "пусть легко переварится (съеденная) пища". Примеры из религиозных притч: ом мэань меднэхи "умоляю благополучия", дэркн гегэн минь аальтн "помогите господи", лам зункв минь аальтн "да поможет лама Зунква", хээрхи өршэтхэ "да сжалится бог", жэхи-жэхи холаһур йов "пройди несчастье (молнии и гром) мимо" - ритуальные слова, произносимые во время сильной грозы, дэрк сэкуся "о, приведение" употребляется при испуге. В этих примерах мы обнаруживаем архаизмы из лексикона буддийской религии. Значения подчеркнутых (устаревших) слов современным носителям калмыцкого языка почти непонятны и установить их семантику можно (что не всегда удается) лишь путем тщательного историко-этимологического анализа.

Второй подкласс идиом составляют сочетания, в которых семантика каждого слова совершенно прозрачна, но общее (суммарное) значение словосочетания не зависит от смысла отдельных его компонентов: алтн һасн "полярная звезда" (букв. "золотой кол"), доһлң эмгн "радуга" (букв. "хромая старушка"), додан уулд бэетхэ "подальше от греха" (букв. "пусть останется на семи горах"), келэн бүлүдх "точить лясн", элкн урсх "убиваться по ком-либо" (букв. "печень растает"). В приведенных сочетаниях все нормально, если смотреть на них с точки зрения современной лексики и грамматики калмыцкого языка. Однако суммарное значение словосочетаний не совпадает ни с одним значением отдельных слов тех же сочетаний. Слова в подобных сращениях, несмотря на свою лексическую полно-

значность и самостоятельность, становятся совершенно незначимыми, т.е. полностью теряют свое предметно-смысловое содержание.

Фразеологические единства. При фразеологических единствах наблюдаются некоторые признаки смысловой самостоятельности слов-компонентов и содержание целого ближе к значениям его составных частей, чем в фразеологических сращениях. В калмыцком языке различаются два основных типа таких словосочетаний:

а) образные фразеологические единства или фразеологические метафоры: хамрарнь цокх "отбить охоту" (букв. "бить по носу"), куунэ һарар моһа бэрх "загрести жар чужими руками" (букв. "чужими руками ловить змею"), цаһан цар бэрх "держат камень за пазухой" (букв. "сзади держать валуны"), ус буддһрулх "мутить воду", эх эргүлх "крутить мозги", ухаһан туһах "глубоко призадуматься" (букв. "ум отстаивать"), хар бэрх "подозревать" (букв. "черное держать"), ут-кинтэ "многословный" (букв. "с длинным дыханием"), утхин ир деер "на грани смерти" (букв. "на острие ножа");

б) необразные устойчивые словосочетания, употребляющиеся не в переносном, а в прямом значении: коммунистическ күч-көлснэ бригад "бригада коммунистического труда", социалистическ дөрддөн "социалистическое соревнование", селэнэ Совет "сельский Совет", Халымг таһһч "Калмыцкая область" и т.д. Они являются в основном названиями вещей и понятий. Сюда относятся также и научные термины: бөөлһнэ нерн "имя существительное", номин шинждт "научное исследование", һазр эдлһн "землепользование", кертктэ хадун гем "сыпной тиф", аһун кемдэн "мера площади, единица площади", арвадин темдг "десятичные знаки" и т.д.

К фразеологическим единствам относится значительное количество калмыцких пословиц и поговорок: дэ көөд йовад, туула көөх "большое разменять на мелкое" (букв. "погнавшись за врагом, поскакать за зайцем"), цасн деер түүмр шатдг "бывает что и на снегу пылает пожар", цар тергэр туула күцдг "я на бычьей повозке догоняют зайца" и т.д.

В калмыцком языке немало и таких фразеологических оборотов, которые занимают промежуточное звено между фразеологическими сращениями и фразеологическими единицами.

Фразеологические сочетания. По степени устойчивости составных частей собственно фразеологизмы гораздо свободны, чем рассмотренные типы сочетаний, но более ограничены, чем свободные словоупотребления. Здесь понимание значения отдельных слов обязательно для понимания всего целого. Фразеологические сочетания допускают известные замены компонентов: уңгуга од "сгнать с глаз, исчезни" – тохм уга од, муулян эдлх "выстрадать крайние трудности" – зовлңг эдлх, елзетэ күн "счастливый человек" – кишгтэ күн, дээр бэрх "одержатъ верх, победить" – диилвр бэрх, цаһан санан "добродушие" – цаһан седкл и т.д.

Сложные слова

В лексике калмыцкого языка сложные слова занимают видное место. Они состоят обычно из двух и реже более элементов, которые сочетаясь дают одно целостное представление о предметах и явлениях природы.

По типу образования сложные слова разделяются на собственно сложные слова и парные слова.

К собственно сложным словам относятся такие словообразования, второй компонент которых в результате нарушения его фонетической целостности как бы сращивается к корню или основе первого слова, что можно особенно четко проследить на словах, обозначающих времяисчисление, например, эндр "сегодня" (энэ "тот" + едер), маңһдур "завтра" (маңһа "завтрашний" + едер), некэдур "послезавтра" (неке "другой" + едер "день"), өцкһдур "вчера" (өцкел "недавний" + едер "день"), где вторая часть их, данная в различных сингармонических формах, обозначает "день". Сравните также слова энжд "нынче, в этом году" (энэ + жил "год"), хеетндэн "в будущем" (хойто "последующий" + ондо "году"), от него же наречие хеоннь "потом, после" (хойно "позади, после" + нь – часть от слова он "год"), урэн "в позапрошлом году" (урда "раньше" + ондо), едртэн "в течение дня, целый день" (едери идээн "дневная пища").¹⁰ В приведенных словах вторую часть составляют имена существи-

тельные. Однако в создании сложных слов принимают участие и другие части речи: глаголы; местоимения и т.д.

Примеры на сложные слова, образованных от глаголов в форме соединительного деепричастия и вспомогательного глагола бэ- "быть": иржэ "захаживай, временами навещай" из ирж "приидя"+ бэ, келжэ "поговаривай, иногда говори" из келж "сказав"+ бэ. Начальный б второго слова в этих случаях выпадает; слова с глагольной основой на -ш // -х и плюс частицы -го - сокращенного варианта отрицания уга "нет": бээшго "не будет существовать" из бээш+ го, келхго "не скажет" из келх "сказать"+ го.

Примеры на слова, образованных при помощи лично-местоименных и притяжательных частиц: -в (би "я"): келнэв "скажу, я скажу" из келнэ би "говорит я"; -видн (бидн "мы") - келнэвидн "скажем, мы скажем" из келнэ бидн "говорит мы"; -ч - келнэч "говоришь, ты говоришь" (келнэ чи "говорит ты"); -т - келнэт "говорите, сказывайте вы" (келнэ та или тадн "говорит вы"); -нъ, -мдн (-м), которые в отличие от других присоединяются только к именам, местоимениям и причастиям, например, туйльн алг "теленка ее (коровы) пестрый", бийнь келдв "сказал сам", кевумдн эсв "сыновья наши выросли", кевум эсв "сын мой вырос", келснь келг "пусть говорят".

Примеры на слова с другими частицами усиления - чн (от чигн): тачн (та "вы"+чигн) иртн "приходите и вы", кезэчн (кезэ "когда"+чигн) менд болтха "пусть здравствует всегда"; утверждения - мн (мэн) - һарсми (һарсн "вышедший"+ мэн) "да, вышел", келсми (келсн "сказавший"+ мэн) "действительно сказал", где неустойчивый н в причастиях выпадает. Иногда частица -мн сокращается до -м. В этом случае к основам слова может наращиваться лексическая частица -д: тер зогсжэсн та-на мэрн бээджм "оказалось, что вон там стоящее - есть ваша лошадь". Санджм "да, действительно, Санджи" и т.д.

Другим более распространенным типом сложных слов являются парные слова. В отличие от собственно сложных слов парные слова образуются аналитическим способом. Несмотря на то, что парные слова произносятся и употребляются в речи совер-

шенно раздельно, они выражают одно понятие, которое часто бывает сложным. Характерной особенностью парных слов является то, что они совершенно не допускают постановки между ними других слов: мал гер "скот, хозяйство, семья", хот хоол "продукты питания", сав-сарх "посуда" и т.д. Если парные слова образуют названия предметов, то они не допускают перестановки компонентов, составляющих пару, например, тэмэн чигн "шавель", тэмр хаалһ "железная дорога", доһлц эмгн "радуга", что иногда допускается в нетерминированных сочетаниях: гер мал - мал гер "семья и все хозяйство", идх-уух - уух идх "все, что можно поесть, попить", махн-өөкн - өөкн - махн "мясо-сало". В парных названиях также нельзя заменять одно из слов: манж авһ "тарантул", ө шуһу "глухой, непроходимый лес", хур чиг "влага, осадки". Эти особенности не должны нарушаться ни при каких обстоятельствах. В противном случае парные слова перестают быть однозначными и теряют свою специфическую черту.

По лексико-семантическим признакам парные слова делятся на следующие три группы: 1) собственно парные слова, 2) повторы, 3) редупликация.

Собственно парные слова состоят из двух лексически самостоятельных слов: наадн инэдн "шутка" (букв. "игра, смех"/, үкр тэмэн "скот" (букв. "корова, верблюд"/, бүрү туһл "молодняк от крупного рогатого скота" (букв. "бычок, теленок"/, шулун шудрмг "проворный, шустрый" (букв. "быстрый, проворный"/, сэн сээхн "дружно, ладно" (букв. "хорошо, красиво"/.

Некоторые слова в таких сочетаниях могут оказаться архаичными: хувцн хунр "одежда" (хувцн "одежда"/. Второе слово хунр (в корне тот же ху-) некогда имело также значение "одежда". Теперь оно самостоятельно не употребляется. Зүсн зүүл "разные, всякие" (зүсн "вид, масть"/, слово зүүл (в корне также зү-) содержит то же значение что и зүсн, но как значимое слово в речи не встречается.

Парность может строиться и по видовому сходству предметов, что особенно часто встречается при номинациях, например, нарн цецг "подсолнух" (букв. "солнце цветов"/, шар харһа "со-

сна" /букв. "желтое дерево"/, үкр бу "пушка" /букв. "бык , ружье"/.

Под повторами понимают повторение одного и того же слова или основы его: эндр эндр "высокие высокие", цатхлң цатхлң "сытые сытые", шулун шулун "быстро быстро".

В повторах подобных махн сахн "мясо и все подобное ему", модн содн "дерево и все, что относится к нему", шикр микр "сахар и прочие сладости", бичг сичг "письмо и тому подобное" последующие слова не значимы и каждое сочетание в целом имеет собирательное значение.

Повторы с морфологическим оформлением во втором слове представлены словами типа хошад-хошадар "по двое, по пару", адд аддар "по сажени", хая хаяд "иногда", бээж бээжәһэд "временами", шулун шулуһар "быстро быстро" /с выпадением -н- во втором слове/, уух уухар "по /данной/ потребности в питье", идх идхәр "по /данной/ потребности в еде". Такие повторы образуют только наречные слова.

Редупликация - это то же самое удвоение. Но здесь употребляются основы слов с усеченными конечными словами в препозиции: хаб хар "совершенно черный", шаб шар "желтый прежелтый", гев гентки "внезапес, вдруг". Первые компоненты этих пар, что видно из примеров, всему сочетанию придают усиленное или превосходное качество и в конце их обычно вставляется согласный -б /-в/.

В современном калмыцком языке сложные слова образуются от различных частей речи и являются весьма продуктивным средством образования новых слов, за счет которых постоянно пополняется и обогащается словарный состав калмыцкого языка.

Стилистические пласты лексики

Весь словарный состав калмыцкого языка можно разделить на различные стилистические пласты.

- Нейтральная /межстилевая/ лексика. К ней относятся слова главным образом основного словарного фонда, данные в прямом значении. Употребление и понимание ее однородно, т.е. не связано ни с какими объективными и субъективными сторонами отношения к ней носителей языка: өдмг "хлеб", махн "мясо", гер

"дом", ухав "мысль", байр "радость", шян "новый", оэехи "красивый", йовх "идти", кедлх "работать", неги "один", арвн "десять", деер "наверху", дора "внизу".

Другие пласты составляют эмоционально (экспрессивно) окрашенные слова и словосочетания, относящиеся к высокому или низкому стилю, сравните, слова идх "есть, кушать" (в нейтральном стиле) – зооглх (в высоком стиле) – худрх "жрать" (в низком), употребленные в одном и том же значении.

Стилистически окрашенная лексика в свою очередь распадается на: 1) книжную лексику, 2) разговорно-бытовую лексику.

Книжная лексика. Она прежде всего характерна для письменной речи. Это в основном язык художественной и учебно-педагогической литературы, публицистики, научных трудов, официально-деловых документов. Например, Эднэ өмн элзэтэ өргн зам хаалһнь улм герлте өөдмүр солдтрж кетлж йовна (Д.Б., Ч.х., 286) Широкая и счастливая дорога, что стелится перед ними, путеводной звездой ведет их к еще более яркой вершине. Улмэ зэңг һол зэңгэс кезэчи цеглэчөр салһгдна "Придаточное предложение от главного предложения всегда выделяется запятой". Һазрия чирэ деерэс кулакудин классиг арчх өмн, үүрмүд... (М.Н., К.х., 127) Друзья! Кулачество нужно стереть с лица земли как класс. "Һаңһрия" бөлгүдиг һол төрмүдөрнь, оһн таласнь бидн ода бийнь күцц шинжлэд угавидн (К.Т., Ж., 4) Песни "Джангара" мы и сейчас широко не исследовали по основным проблемам.

К книжной лексике полностью относится научная терминология, т.к. она по своей специфичности употребительна лишь для узкого круга лиц: тоолгч нерн (линг.) "имя числительное", эсв (матем.) "задача", шүлкэ (биол.) "ящур", тив (геогр.) "часть света" и т.д. Однако степень книжности слов, входящих в эту или иную лексику, для каждой разновидности письменной речи не одинакова. Так, для языка научных трудов характерны sobretudo книжные слова, чем для языка художественной или публицистической литературы, т.к., например, язык художественной литературы стилистически довольно пестр. В него могут входить и нейтральные слова, и слова устной речи, а также слова высокого и низкого стилей.

Лексика устной речи. В зависимости от стилистической окрашенности слов, лексику устной речи следует делить на следующие две группы:

1. Разговорно-бытовая лексика. К ней относится обыденная речь между людьми в непринужденной обстановке: в семье, на работе, при встрече с товарищами и т.д. Она широко употребляется в различных жанрах художественной литературы, а также, правда, несколько реже, и в публицистических произведениях для характеристики персонажей. В учебниках, деловых бумагах и в специальных литературах использование разговорной речи строго запрещается.

2. Просторечная лексика. Это такие слова и выражения, которые не вошли в литературную норму современного калмыцкого языка. В большинстве своем они бывают грубого или вульгарного содержания: цохдх "мордасить" вместо литературного цокх "бить, ударить", мөөрслх "орать" вместо литературного хээкрх "кричать", холядх "беситься от жиру, болтаться без дела" — амрх "отдыхать, быть без дела".

В определенных контекстах, будучи употребленными в переносном смысле, просторечными могут оказаться и вполне литературные слова и наименования: адусн, маалыг "скот, скотина" в переносном смысле выражают негодование к кому-либо в смысле "мерзавец", донам "домовой, черт" переносно употребляется как бранное слово "ведьма" и т.д.

Диалектная лексика

Калмыцкий язык различает два основных говора: дербетский и торгутский. Особенности каждого из них обнаруживаются в различных разделах калмыцкого языкознания.

Названные говоры в свою очередь делятся на подгруппы: II багадербетовский, икидербетовский и бузавинский (донской),¹² относящиеся к первой группе, и икицохурско-багацохурский,¹² волжско-каспийский (хошуты, яндыко-мочажинцы, эркетеновцы),¹³ принадлежащие второй группе.

Диалектная лексика находится за пределами литературного языка. Однако нередки случаи, когда диалектные слова переходят в лексику литературного языка, в его основной словарный фонд. Посредником в этом процессе служит печать, необя-

но периодическая.

В настоящее время большое количество диалектных слов вошло в общий фонд калмыцкого языка: аарх "белялка", ковныг "копна", жахр "якорь", дялк "парус" и т.д.

Немало слов из разных языковых подразделений в общеязыковом употреблении стали синонимами: ерэ и хора "комната", альдаран и хамаран "куда", бэрг и түнтг "пельмени", биил и ценг "вилы" и другие.

В калмыцком языке нельзя не отметить и такой разряд слов как этнические диалектизмы¹⁴ - слова характерные для хозяйственной деятельности и быта определенной местной группы людей на данной территории, т.е. узко локальные названия вещей.

Примерами местного названия такого типа могут быть наименования рыб, рыболовецких снастей, наволных средств передвижения и номинация их частей, весьма распространенных в восточных (прикаспийских и нижеволжских) районах Калмыкии: бекр "осетр", мэ "сельдь", ботаха "судак", кет балг "карась", дяалг "сом", хорв "бедуга", цевц "белорыбица", урх "снасти", пашдг - яртг "ванты", кимшэс "толстая парусина", сэрпу "тонкая парусина", нашар "брэзент", бурм "мост" и т.д., которых трудно встретить в других географических точках республики.

Примечательно то, что этнические диалектизмы являются одним из источников пополнения основного словарного фонда современного калмыцкого языка.

Специальная или профессионально-терминологическая лексика

Термины своим появлением обязаны той или иной отрасли науки, производства и любой другой деятельности человека.

В современном калмыцком языке термины рождаются для обозначения новых вещей, предметов, понятий или явлений. Но говоря так, под словом "рождаются" не следует понимать появление совершенно новых слов, ранее вообще неизвестных в калмыцком языке. Рождаются, конечно, новые вещи, предметы, понятия, но не абсолютно новые слова. Для обозначения всего этого нового используются обычные, имеющиеся в языке слова или словосочетания, а не придуманные или созданные искусственным пу-

тем средств.

Характерными особенностями для терминов являются признаки однозначности и стабильности.

Термины существуют в определенной системе. Обычные слова, употребляющиеся в общем языке, попадая в терминологическую систему, приобретают однозначность. Например, в общем языке слово немур означает "прибавка, добавка". В математике оно в качестве термина выражает понятие "слабоумные члены", суур "место, сиденье, занимаемая площадь" - в математике - "основание", гесн "живот, желудок" - в анатомии "кишечник, кишки", газр "земля" - в геологии "почва" и т.д.

Бывает и так, что один и тот же термин может входить в разные терминологии: бөөр (анат.) "почки" - бөөр (матем.) "бедро", цол (геогр.) "проталина" - цол (общ.-полит.) "учебная ступень", эрки (религ.) "четки" - эрки (строит.) "порог (урты)".

Отдельные слова существуют только в системе терминологии, например, кийсквр (линг.) "падеж", эсв (матем.) "задача", тив (геогр.) "континент", хундг (техн.) "приклад ружья".

В языке немало слов, употребляющихся и как термин, и как нетермин: мал "скот", для специалистов сельского хозяйства - это термин (ср. бод мал "крупный скот", зиж мал "молкий скот"), для широкого круга населения - обычное общеупотребительное слово, хвалд "дорога" - термин инженерно-дорожного дела, в общезыковом понимании - "путь". Таким образом, из сказанного следует заключить, что между словами терминами и нетерминами существует закрытой стены. Напротив, пути для взаимного влияния между ними всегда открыты. Однако, проводя такую связь между терминами и нетерминами, следует помнить, что термины - это специальные слова, ограниченные в своих значениях, стремящиеся быть однозначными, не нуждающиеся в контексте и не обладающие экспрессивной стороной.

Пути образования терминов различны. Значительная часть их создается за счет: а) собственного лексического фонда: дөрлэн "соревнование", мах бидлде "мясо-заготовка", үснэ мал "дойный скот", хэрүднэ газр "выпасные угодья"; б) заимств -

лования (в основном из русского или через него из других языков): ракет "ракета", поэм "поэма", культур "культура", парт "партия", конституц "конституция" и т.д.

Основными средствами образования терминов, как и слов вообще, являются суффиксы и словосочетания: жолач "водитель, шофер", келгч "сказуемое", үүлһн "раздробление", үүлдвр "деятельность", хадвр үзг "согласная буква", олы темдгте то "многозначное число", уулмудн цова "горный хребет".

С н о с к и

- I Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1967, с.80
- 2 Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с.17
- 3 Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1967, с.72
- 4 Реформатский А.А. Указ.соч., там же
- 5 Хадрис - восклицание во время пляски
- 6 Подробное об этом излагается в разделе о заимствовании
- 7 Илшгнн И.К. О заимствованных словах и терминах в калмыцком языке. Записки. Выпуск I, Элиста, 1960, с.158-159
- 8 Павлов Д.А. О развитии лексики калмыцкого языка за счет внутренних его ресурсов. Ученые записки. Вып.7. Серия филологическая. Элиста, 1969, с.139-140
- 9 Будагов Р.А. Очерки языкознания. М., 1959, с.83
- 10 Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с.74-75
- 11 Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык. Элиста, 1968, с.8-9
- 12 В этих словах элементы бага и яки - соответственно означают мало-, больше-
- 13 Подр. см.: А.Ш.Клячков. Дербетский говор. Элиста, 1963, с.3-5
- 14 По О.Ахматовой. Словарь лингвистических терминов. М., 1969

ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

История языкового строительства в Калмыкии свидетельствует о том, какое большое значение придавалось не только вопросам создания и усовершенствования алфавита и орфографии родного языка, но и разработке новой национальной терминологии, призванной отразить социалистические перемены в образе жизни калмыцкого народа. Терминотворческий процесс в новых общественно-политических условиях развития был предметом специальных обсуждений на лингвистических совещаниях и конференциях 20-х и 30-х годов, а также последних десятилетий. В наиболее полном объеме вопросы терминологии рассматривались на языковедной конференции 1934 года в докладе Ч.-Д. Номинханова¹

В создании терминологии нового литературного языка, его внедрении и нормализации значительную роль сыграли видные калмыцкие ученые Ч.-Д. Номинханов, Б.Б. Бадмаев, И.К. Илишкин, Д.А. Павлов, У.У. Очиров, Б.Д. Муниев, С.А. Кензеев и др. Итогом всей предшествующей работы в этой области явились выпуск серии терминологических бюллетеней по основам наук,² издание краткого словаря общественно-политических терминов³ и публикация статей по вопросам терминологии.⁴

В настоящее время сектор языкознания КНИИ ИФЭ в тесном сотрудничестве со специалистами из других учреждений развернул активную деятельность по сбору, систематизации и подготовке к печати более крупных отраслевых двуязычных терминологических словарей. Параллельно ведется изучение отдельных проблем калмыцкой и шире монгольской терминологии. Так, например, животноводческой терминологии посвятил свое исследование Э.Ч. Бардаев,⁵ описанием географических терминов и топонимической лексики занимается В.Э. Очир-Гаряев.⁶ В связи с изучением морфологии, системы словообразования и синтаксиса некоторые аспекты калмыцкой терминологии получили освещение в работах Д.А. Сусеевой.⁷ Однако многие проблемы современной калмыцкой терминологии остаются пока не исследованными, а

практический опыт терминоворочества, накопленный сотрудниками республиканской газеты "Халдыг Ынн", а также редакцией журнала "Теегин герл", радио- и телевидением пока не обобщается.⁸

Цель данной статьи — изложить в сжатой форме один из актуальных вопросов калмыцкой терминологии, в частности специфику семантического пересмысления слова при его переходе в сферу специальных наименований. Выводы и наблюдения сделаны на основе материалов "Калмыцко-русского словаря" и картотеки сектора языкознания КНИИ ИФЭ.

Сущность терминологизации общеупотребительного слова заключается в том, что оно без всякого изменения своей звуковой оболочки на базе разных видов переноса /чаще всего по сходству и функции/ используется в качестве наименования специального понятия, относящегося к определенной области знания. При этом в закреплении терминологического значения слова решающую роль играет контекст, который помогает установить принадлежность термина к той или иной области профессиональной лексики. Например, всем известное слово шайн "половник, разливательная ложка" благодаря переносу по функции и внешней аналогии стало употребляться в современном языке в качестве термина "ковш", что подтверждается наличием таких сочетаний, как экскаваторин шайн "ковш экскаватора", асхдг шайн "разливочный ковш", шайнар һазр утхх /малтх/ "черпать /копать/ землю ковшом" и т.д. Или возьмем слово һолһа, которое в недалеком прошлом обозначало только анатомическое понятие "толстая кишка". Теперь же оно активно применяется и для передачи содержания технического термина "шланг". Поэтому неудивительно, что в речи калмыков можно слышать выражение түүмрин һолһа "пожарный шланг" /ср. русск. просторечное "пожарная кишка"/. Ясно, что появление указанного значения в слове һолһа вызвано фактом сходства двух предметов.

Будучи употребленным в терминологической функции, слово выступает в совершенно иных, ранее не свойственные ему связи с другими лексическими единицами. Так, слово талвц до недавнего времени фигурировало главным образом в сочетаниях Улан талвц "Красная площадь", тэрэнэ талвц "посевная площадь", то-

схитла тавц "строительная площадка". В последнее время слово тавц начинает проникать в сферу спортивной терминологии со специализированным значением "поле, площадка /для игры/". Это повлекло возникновение оригинальных сочетаний типа тер-һулли тавц "штрафная площадка", тавцгин төв /цутхиц/"центр поля", которые кажутся необычными с точки зрения прахных норм словоупотребления.

Кроме того, терминологическое значение слова или словосочетания может вызвать появление самостоятельных дериватов. Например, слово дөрвдц в значении математического термина "квадрат" дает производное образование дөрвдүр "квадратура" /тегрин дөрвдүр "квадратура круга"/, а на базе спортивного термина словосочетания таава шивч "метать диск" образуется морфологический дериват таава шивч "дискбол, метатель диска". Сравни также: суңһуг в значении "телеграмма" /букв. "провода, провод"/ и производное от него суңһугч "телеграфист".

В современном калмыцком языке в результате терминологизации общеупотребительных слов возникло большое количество специальных наименований, относящихся к самым различным сферам: науке, технике, культуре, спорту и политике. Следует отметить, что основная масса терминов, ведущих свое происхождение от обычных слов, обязана переосмыслению. Процесс метафоризации прямого или первичного значения слова происходит, как правило, при сопоставлении двух предметов, а также процессов и явлений, находящихся в отношении подобия, хотя бы и отдаленного. Именно путем образно-ассоциативного восприятия новых предметов и явлений действительности, в результате установления какой-либо аналогии /по форме, виду, назначению/ между известным и вновь возникшим понятием, создаются специфические по содержанию и мотивированности термины, стоящие в непосредственной генетической связи с общепринятой лексикой. Для иллюстрации приведем несколько слов, подвергшихся образному переосмыслению и вошедших на правах специальных наименований в систему разных отраслевых терминологий современного калмыцкого языка:

бүдүр "мутовка, мешалка для взбивания кумеса и пахтаһыя

масла" > техн. "поршень": бүүдүртэ кийдүр "поршневой насос"; бүүдүртэ кедлгүр "поршневой двигатель";

хээрцг "небольшой ящик, ларец, шкатулка" > техн. "коробка челнок": дамжулһна хээрцг "коробка передач", хээрцг уга эргүд "бесчелночный станок";

дольган "волна" > физ. "волна": герлян дольган "световая волна", ээһин дольган "звуковая волна", радиодольган "радиоволна";

долда "шарик, катышек" > мед. цусна долдас "кровяные шарики", спорт. долда түдкһн "толкание ядра";

һулмт "очаг домашний" > мед. хальдврин һулмт "очаг инфекции", эвчнэ һулмт "очаг болезни";

эңцг /булцг/ "угол вообще" > мат. шовһр эңцг "острый угол", оһн эңцгт "многоугольник".

Как показывают наблюдения, термины с метафорическим изменением исходного значения слова по своей природе являются в основном наименованиями конкретно-предметных понятий. Слова с отвлеченной-семантикой, обозначающие процесс и состояние в переносном терминологическом значении встречаются гораздо реже. Здесь уже перенос значения общеупотребительного слова на другое понятие опирается не на признак внешнего сходства двух предметов, а на общность функций разных явлений /процессов, действий, состояний/, например: хуврлт "изменение вообще" > лингв. "спряжение": үүддвр > үгин хуврлт "спряжение глагола"; бослт "вставание" > общ.-пол. "восстание": зөр-зевтэ бослт "вооруженное восстание"; гүүдл "бег" > мед. "циркуляция, ток": цусна гүүдл "циркуляция крови, кровоток".

В современном калмыцком языке заметно усилилась тенденция к использованию устаревших слов в определенном терминологическом значении, на что уже обращалось внимание в статье Д.А.Павлова "Развитие лексики калмыцкого языка за счет внутренних его ресурсов". Например, устаревшее слово хуудс, обозначавшее некогда "лист /бумаги/", в настоящее время начинает использоваться в терминологии металлообрабатывающей промышленности, что явствует из таких сочетаний, как болд

хуудс "стальной лист", хавтхайс хуудс "прокатный лист". Слово бурэсн в прошлом обозначало "войлочное покрывало урты" /герин бурэсн/, а теперь оно передает такое сугубо современное понятие, как "обои". Сейчас встречаем выражение бурэснэ фабрик "фабрика обоев" или бурэсн-картона фабрик "обойно-картонная фабрика".

Таким образом, ассоциативная связь предметов и явлений по сходству служит необходимым условием для перехода наименования с одного понятия на другое. Однако никакой перенос невозможен, пока в сознании носителей языка не будет найдено в процессе сопоставляемых понятий – старого и нового – нечто общее, позволяющее объединять их в самом акте номинации. Терминологизация общеупотребительных слов может носить вторичный характер. Это имеет место в тех случаях, когда прежняя звуковая оболочка слова и элементы его смысловой структуры /семемы/ соотносятся со специальными понятиями разных областей знания. В результате терминологизации слов обиходного употребления происходит обогащение профессиональной лексики и закономерное расширение омонимии в отраслевых терминосистемах современного калмыцкого языка.

С н о с к и

- 1 Номинханов Ц.-Д. О терминологии калмыцкого литературного языка. IV-я конференция языкового строительства Калмыкии. Элиста, 1935; его же. Развитие калмыцкого литературного языка и письменности в советскую эпоху. Ученые зап.КНИИЯЛИ, вып.7, Элиста, 1969, с.31-33
- 2 Муниев Б.Д. Хальмг келнэ туск терминс. Элст, 1960; Эрдниев П.М. Математикян терминс. Элст, 1960; Кендышев З.Б. Географин терминс. Элст, 1960; Мукаева Е.Б. Хими болн биологин терминс. Элст, 1960
- 3 Муниев Б.Д., Павлов Д.А., Педеров Д.П., Убушаев Н.Н. Краткий словарь общественно-политических терминов калмыцкого языка. Элиста, 1968
- 4 Илешкин И.К. О заимствованных словах и терминах в калмыцком языке. Зап.КНИИЯЛИ, вып.1, Элиста, 1960; Сусеева Д.А.

- К вопросу о типах именных словосочетаний в современной казахской терминологии. Зап.КНИИЯЛИ, вып.2, Элиста, 1962;
- Муниев Б.Д. О некоторых новых явлениях в лексике казахского языка. Проблемы алтаистики и монголоведения, вып. 2, М., 1975; Павлов Д.А. О развитии лексики казахского языка за счет внутренних его ресурсов. Ученые зап.КНИИЯЛИ, вып.7, Элиста, 1969
- 5 Бардаев Э.Ч. Номадная лексика монгольских народов. Названия домашних животных по полу, возрасту и месту. Кандид. дисс., М., 1976
- 6 Очир-Гаряев В.Э. К терминологии горного рельефа в монгольских языках. Вестник института № 12. Элиста, 1979, с.133-144; его же. Казахские названия колодцев. В кн. Ономастика Поволжья, № 4. Саранск, 1976, с.266-268
- 7 Сусеева Д.А. Закономерности развития казахского языка в советскую эпоху. /Развитие словообразовательной системы/, Элиста, 1978
- 8 Убушаев Н.Н. О языке периодической печати. Материалы Ученого совета КНИИЯЛИ, Элиста, 1969

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОРНЕВЫХ ГНЕЗД В ТУРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

При анализе тюркско-монгольских языковых взаимоотношений в сущности исходят из двух положений. Суть первого положения заключается в том, что огромное материальное сходство тюркских и монгольских языков обусловлено первоначальным генетическим родством и последующей их дивергенцией. Его сторонниками являются ученые так называемого ортодоксального направления /Рамстедт, Владимирцов, Баскаков, Бертагеев и др./. Суть второго положения состоит в том, что развитие алтайских языков шло в направлении от типологического /аналогического/ к органическому /гомологическому/ родству. Его приверженцами являются ученые так называемого неосалтаистического направления /Котвич, Дерффер, Клоусон, Шербак и др./. Отсюда вытекают и два взгляда на тюркско-монгольские межязыковые сходства. Если сторонники первого направления основное внимание уделяют тюркско-монгольским соответствиям /фонетическим, морфологическим и лексическим/, то приверженцы второго направления акцентируют свое внимание на проблеме межязыковых заимствований. При этом каждая из сторон имеет веские аргументы и серьезные основания.

Так, в "Исследованиях по алтайским языкам" В.Котвич вынужден был признать, что общий фонд сходжений между монгольскими и тюркскими языками равен в морфологии около 50 процентам /т.е. в самой устойчивой сфере языка/, в лексике — 25 процентам.¹

"Более высокий процент морфологических сходжений между монгольскими и тюркскими языками, составляющих половину всех грамматических форм и явлений, и меньший процент лексических сходжений уже убедительно доказывает близость этих языков, причем близость, характеризующую генетическое единство, т.к. наиболее проницаемым уровнем во взаимодействии языков является не морфология, а лексика", — пишет по этому поводу Н.А. Баскаков.²

Все это побуждает искать истоки не только сходства, но и расхождений тюркских и монгольских языков.

В отличие от В.И.Рассадиной,³ который стремится выделить в алтайских языках все взаимные заимствования и, сняв слой безусловных заимствований, вести анализ на уровне праформ в составе общего слоя, мы пытаемся уже сейчас нащупать следы таинственных праформ, послуживших истоком современных лексических соответствий тюркских и монгольских языков и алтайско-монгольских — в частности.

Метод вышеназванного автора надежен лишь отчасти, т.к. мы сможем выявить заимствования, относящиеся к сравнительно недавнему прошлому, т.е. проникнуть не далее VII века нашей эры, которым датируются самые древние тюркские памятники. Вместе с тем необходимо учитывать и то, что язык этих памятников также не будет свободным от древнейших заимствований. Здесь-то, как заметил Э.В.Севортян, мы и подойдем к одному мучительному вопросу: кто же у кого заимствовал? /ЭСТЯ, 45/. Даже при беглом взгляде на лексику древнетюркских памятников, можно определить, что отраженный в них язык имел различные диалекты. Как возникли эти различия? К чему привели их различия? Какво отношение древних тюркских диалектов к другим алтайским языкам? Вот, пожалуй, основные вопросы, на которые нам придется ответить, чтобы подтвердить или опровергнуть алтайскую гипотезу. Кроме того, надо учитывать, что и другие алтайские языки не были лишены диалектных различий. Так, Л. Лигети в рецензии на книгу Г.Д.Санжеева "Сравнительная грамматика монгольских языков" выделил три источника монгольских языков: киданьский или юго-восточный ареал древних монгольских племен, тогонский /хоры/ или юго-западный ареал и северо-восточный ареал цзубу или татар.⁴ Викторова же, развивая идеи Л. Лигети, наметила четвертый центр монгольских языков — ареал каракытаев⁵ /или найменов, по Гумилеву, обитавших на северо-западе Центральной Азии⁶/.

В такой сложной обстановке язык древнетюркских памятников вряд ли может служить достаточным критерием при выявлении заимствований из древнемонгольских диалектов. Если же ко все-

му сказанному добавить, что организатором первого тюркского каганата — т.к.к. был род А-Шина, что Гумилевым переводится как "благородный волк" посредством монгольского шино/чино/"волк", и китайского А "благородный", то вероятность наличия монголизмов в языке древних тюрков еще более увеличится.

Поиск и вычленение заимствований необходим, но это не приблизит нас к решению поставленных вопросов. Только поиск путей и средств формирования корневых гнезд в тюркских и монгольских языках, на наш взгляд, приблизит нас к пониманию процесса образования не только тюркских и монгольских древних диалектов, но и различных групп алтайской семьи языков. Разрешение же проблемы межязыковых заимствований позволит лишь более полно осветить основной вопрос: как образовались языковые различия?

Проблема формирования корней в тюркских и монгольских языках почти всегда была в центре внимания исследователей алтайского языкознания, ибо установление фонетико-семантической соотносительности основного словарного фонда сравниваемых языков было важнейшим критерием определения их генетических взаимоотношений.⁷ Однако более пристальное внимание к данной проблеме наблюдается только в последние годы, когда ранее накопленные знания позволяли проникать в глубинные процессы развития и видоизменения корней во времени и в пространстве. Наиболее ценной из работ в этой области последнего времени надо признать "Историко-типологическую морфологию тюркских языков" Н.А.Баскакова, который на материале древних и современных тюркских языков убедительно показал, что "процессы развития и видоизменение корневой морфемы и определение современной их структуры обусловлены тремя факторами: а/семантическим, т.е. появлением множества побочных, переносных значений, которые служат основанием образования самостоятельных корневых морфем; б/фонетическим, т.е. видоизменением фонетического состава корневой морфемы по закономерным соответствиям, которые также стимулируют образование новых корней; в/"морфологическим, т.е. фюзией или слиянием двух корневых морфем или корневой морфемы с аффиксаль-

ним, при котором редуцируются и выпадают составляющие основную корневую морфему гласные и согласные, замещаясь другими звуками, и новая корневая морфема приобретает другой фонетический облик и другое лексическое значение".⁸ Ценность вышеназванной работы заключается в том, что ее основные выводы и выявленные закономерности применимы и к монгольским языкам. Более того, она в определенной степени объясняет и тюркско-монгольские межязыковые взаимоотношения.

Так, при анализе алтайско-/ойротско-/монгольских лексических соответствий нами обнаружено четыре вида слов.

I. Полностью совпадающие, т.е. слова, одинаковые по семантике и фонетическому облику, например, алт. ав "медведь" - калм. ав "медведь", алт. алтин "золото, золотой" - монг. алтан "золото, золотой", алт. амтан "вкус" - п.-монг. амтан "вкус", алт. боро "серый" - п.-монг. боро "серый", алт. бар "тигр, рысь" - калм. бар "тигр". Таких слов сравнительно мало. По нашим данным, их насчитывается около ста двадцати. При этом среди них выделяются такие слова, которые легко отнести к "тюркизмам", например, ав "медведь", или к "монголизмам", например, боро "серый", а также к общему праязыку, например, алтан "золото, золотой". Но встречаются и такие слова, как бар "тигр, рысь", которые в других языках, /тюркских и монгольских/ функционируют в форме "баро, тигр", кроме калмыцкого и монгольского, где в первом оно сохранилось в виде "бар", употребляясь наряду с формой "барс", а во втором - "бар" только в одном диалекте минхе, употребляясь наряду с "бас". Кстати, форма бас-басы встречается также в дунсянском и баоаньском. Слово "бар" можно отнести к разряду "монголизмов" в алтайском, если не брать во внимание момент самостоятельного развития.

2. Совпадающие частично, т.е. слова, совпадающие фонетически, но различающиеся несколько в семантическом наполнении, например, алт. бут "нога" - калм. бут "куст, букет", алт. маани "знамя" - калм. маани "флаг, флажок, вымпел, талесман", алт. тас "лысына, лысый, голый" - калм. тас "совсем, совершенно", которое можно возвести к тюркскому тас-

таш "камень", т.е. "голый, без растительности, как камень". Значение "голый, пустой" просматривается в калмыцком таолм "отрывать, рвать, прерывать, прекращать, разделять". Однако здесь, видимо, произошла контаминация значений "тянуть" /та-ти из тарты/ и "быть голым, пустым" /тао/.

3. Слова, совпадающие в своем главном значении, но различающиеся по фонетическому облику, например, алт. кем "порок, вред" - калм. гем "болезнь, вина", алт. багана "столб" - калм. бахны "столб", алт. кок "перша" - калм. хог "перхоть", хог "мусор, остаток", алт. коп "клевета" - калм. ховы "донос, клевета", алт. колко "глотка" - калм. холха "глотка, кишка".

4. Слова, разошедшиеся как по семантике, так и по фонетическому оформлению, например, алт. ахит "прапятствие" монг. ахил "труд, работа", алт. аза "демон, злой дух" - калм. ады "злой дух" /ср. калм. ады "буйный, злой, бешенный"/, алт. адак "дед, последний, меньший" - калм. эчке "отец" /из эчике/, калм. адуг "конец, последний", калм. учиг "конец, обрывок нитки" бучи-г "шнур". Чаще всего слова данной группы представляют собой звенья закономерного фонетико-семантического развития одного и того же слова. Количество их значительно. Они составляют подавляющее большинство всех видов соответствий.

Если первые два вида соответствий еще можно объяснить процессами заимствования, то последние два вида слов требуют специального этимологического анализа для своего сближения.

В процессе этимологического анализа тюркско-монгольских вообще и алтайско-монгольских лексических соответствий в частности оказывают большую помощь данные вышеназванной работы Н.А.Баскакова, хотя они и ограничиваются кругом тюркских языков. Такие процессы, как ослабление, спирантизация взрывных и их исчезновение во всех позициях, варьирование гласных по всем параметрам и их влияние на соседние согласные - вот неполный перечень процессов, которые лежат в основе формирования корней и корневых гнезд в тюркских и монгольских языках. Если же сюда добавить семантический и морфологичес-

кий факторы, отмеченные Н.А.Баскаковым, то можно с достаточной степенью вероятности объяснить многое в тюркско-монгольских языковых взаимоотношениях.

При анализе тюркско-монгольских лексических соответствий обнаруживаем, что древнемонгольское слово бари "держать, ловить, хватать, брать, иметь, содержать, строить, преподносить, вручать" соответствует древнетюркскому ал "брать, взять, приобретать, ловить, захватить, покорить" /ДТС, 32/. Если в тюркском слове явно просматривается главное значение "брать, ловить", вернее "сжимать", то в монгольском, кроме того, выделяются значения "иметь, содержать, строить, преподносить, вручать". Исходя из этого, можно предположить, что слово "бари" древнее, чем ал-. Действительно, факты древнетюркского языка свидетельствуют о том, что и в древнетюркском функционировал глагол "бары", имеющий значение "хватать, брать", например, каз. бар-мак "палец руки, т.е. хватающий", др.-тюрк. бара-к "собака, отличающаяся необычной стремительностью и ловкостью" /ДТС, 81/; др.-тюрк. бар-гу "добыча" /ДТС, 83/, др.-тюрк. бер-кит "укреплять, ловить". В монгольских языках также встречаются следы древнего глагола "бары"-, например, калм. бары-г "охотничья собака, предназначенная хватать добычу, бегущая обычно наперерез, тогда как гончие - шург гонят зверя по кругу /КРС, 81/, калм. бары- "поглощать" /КРС, 83/, п.-монг. бара-гун "правый". Ср. др.-тюрк. бер-дин "правая сторона, южная сторона" /ДТС, 95/; др.-тюрк. бери-йе "направо, на юг" /ДТС, 95/; др.-тюрк. бери-йеки "южный" /ДТС, 95/. В последних примерах переднерядная огласовка, видимо, свидетельствует о былой вариативности корня бари бери-. Отсюда становится понятным, почему в древнемонгольском бари- сохранились такие значения, как "преподносить, дарить". В древнетюркском последние значения закрепились за переднерядным вариантом, например, бер- "давать, вручать, выдавать замуж, платить" /ДТС, 95/; бер-гу "дар" /ДТС, 95/; беле-к "подарок, гостинец, который привозят домой из путешествия" /ДТС, 93/; бер-гу бер "платить дань" /ДТС, 95/. Ср. калм. беле-г бер "дарить, преподносить дар, гадать". Следовательно, можно констатировать, что

как в древнемонгольском, так и в древнетюркском функционировал глагол бары- "держать, брать, иметь, содержать, строить, преподносить, вручать". Затем передневокальный его вариант бери-/бер-/ закрепил в древнетюркском языке за собой значение "давать, вручать", а вариант бары-/бар-/ закрепил за собой значение "иметь/оя/, существовать, быть в наличии". В древнемонгольском бары-/бары-/ перешел в байи "быть, существовать, иметь/ся/ в наличии". В древнетюркском подобная форма, видимо, тоже функционировала, например, др.-тюрк. байа "недавно" /ДТС, 79/, др.-тюрк. байа-кы "вышеупомянутый" /ДТС, 79/. Однако в основном закрепились она в значении "богатый, богатство", например, бай "богатый" /ДТС, 79/. В древнемонгольском это значение выражалось, вероятно, формой байиган, стянувшейся до бай-ан "богатый, богатство", т.е. "имеющий в наличии". К древнемонгольской форме байан "богатый, богатство" можно отнести слово буйан "благо, добро, благодеяние" /ДТС, 120/, встречающееся как в древнемонгольском, так и в древнетюркском языке, потому что производящей данного слова можно считать лабиализованный вариант глыгсла бай-/буй-/ "быть, существовать", часто встречающийся в старокамынской письменности. О тесной связи глаголов бары- и байи- говорят такие слова в древнетюркском, как бай-бар /парь./ "богатый" /ДТС, 79/, бай-лык - бай-лук "богатство" /ДТС, 79/ и бар-лыг: 1/"существование", 2/"состоятельный" /ДТС, 84/, бары-м "скот, имущество" /ДТС, 84/.

Особую группу составляют слова, возникшие посредством перехода конечного р в д, т.е. бары- в байи-. Последняя форма послужила исходной для глагола ал-. На это указывают следующие факты: др.-тюрк. бал-бал "каменное изваяние, символизирующее человека, пленника" /ДТС, 80/. Его вариант бал-бан, вошедший в русский язык со значением "болван, каменная баба", служит основой для образования нового слова ал-бан "повинность" /ДТС, 84/, с одной стороны, и ал-п "меткий, герой, богатырь" /ДТС, 86/, ал-па-гу/д/ - ал-па-гут "герой, богатырь, неуязвимый храбрец, отборные воины в составе свиты, военная знать", где корень ал-, -па-/н/ - аффикс причаст-

тия, -гут - аффикс множественного числа. Последние слова возникли, очевидно, не без влияния образа каменных богатырей, отрубей, слуг, пленников усопшего владыки. Так из слова балбан "взятый, пленник" /ДТС, 80/ - балбан /ДТС, 80/ образовались слова ад-п/ан/ "богатырь", ад-па-гут "героя, отборные воины", производящей основой которых является глагол бал- "братъ", развившийся затем в ад- "братъ".

Доблизившимся вариантом глагола бал- можно считать др.-тюрк. бул- "находить, отыскивать, получать, обретать" /ДТС, 121/. Его монгольским соответствием, несомненно, надо считать п.-монг. ол- "найти, находить, добывать" /Тодаева - Монгор., 354/, а п.-монг. були-йа-, баоньск. була-, калм. була- "отнимать, похищать" /Тодаева, Монгор., 320/ являются производными от той же основы др.-тюрк. бул-.

Основа бары-/бар-/ "иметь/ся/, быть в наличии", помимо развития в байи-, дала ответвление бол- "быть, случиться, быть в наличии" /ДТС, Ш/, который широко представлен во всех тюркских и монгольских языках. Процесс выпадения начальных взрывных коснулся и этой основы. Так, в монгольском языке, наряду с формой болы- функционирует основа болы- "быть, становиться" /Тодаева - Монгор., 354/.

Осталось проследить судьбу основы бары-/бары-/ со значением "создавать, творить, строить". В древнетюркском данное значение выражается сочетанием бар кыл "творить, создавать" /ДТС, 83/; барк I "здание, сооружение" /ДТС, 84/; балык II "город" /ДТС, 80/; балук "город" /ДТС, 81/. К основе бары- "сооружать, строить", видимо, надо отнести и русское барак "строение". Сюда же, вероятно, восходит монгольское балгасун "стена, ограда, город" /Тодаева - Монгор., 316/, байшин "дворец" /КРС, 90/ - русская башня, где бары-гсан балы-гсан байи-гсан байи-сан /бай-шин бээшц/ "дворец, город, башня".

От стержневой основы со значением "братъ, скимать" - бары-, по всей вероятности, образовались такие основы, как др.-тюрк. бас- "давить, сдавить, подавлять, нападать, овладевать" /ДТС, 85/ посредством перехода конечного -р в -с. В монгольских языках тоже имеются слова с этой основой, например, калм.

баз-ны- "мять, сжимать, массажировать" /КРС, 77/, монг. ба-
за- "сжимать, сдавливать, стискивать, мять, выжимать" /МОТ,
56/, монгор. баса "еще, опять, снова", кв.-письм.монг. ба-
са, монг. босз, п.-монг. баса "то же" /Тодаева - Монгор.,
317/; монгор. бос-го "дверной порог", п.-монг. босу-га "то
же" /Тодаева - Монгор. 319/; монг. баса- "оскорблять, пре-
небрегать" /МОТ, 66/, калм. басы- "пренебрегать" /КРС, 84/.
Возможно, что от основы бас- образовался общемонгольский
глагол бос- "вставать, подниматься, убежать, восстать". Ср.
др.-тюрк. боша- "освобождаться, покидать" /ДТС, II3/.
Основа бар- "сдавливать, сжимать", видимо, сохранилась в калм. барI
"/полиграф./ печать" П "сила, мощь, сильный" /КРС, 81/ калм.
барлы- "печатать, ксилографировать" /КРС, 83/; монг. баримал
"скульптура, скульптурный, лепной" /МОТ, 64/, монг. барла-
"/полиграф./ печатать ксилографическим способом" /МОТ, 65/
монг. барлаг "слуга, батрак, ваlet в картах" /МОТ, 65/.

От вышеуказанной стержневой основы бары- "сжимать, брать"
и т.д., вероятно, был образован и глагол бурн- "окружать,
кружить, вращать"; др.-тюрк. булга- "перемешивать, смешивать,
мутить, досаждать, возбуждать" /ДТС, I22/; др.-тюрк. булгак
"волнение, замешательство" /ДТС, I22/, монг. бургила- "бур-
лить, бурно кипеть, бить ключом" /МОТ, 87/; монг. бура- "пе-
ниться, взбиваться, болтать, пустословить" /МОТ, 87/, монг.
буруу "неверный, ошибочный, недобрый; движение против часо-
вой стрелки; правая сторона у верховных животных; вина, ошиб-
ка" /МОТ, 88/, калм. буру "вина, ошибка, противоположный" /КРС,
I21/, калм. бургу "бурав, сверло, бур" /КРС, I20/; монгор. бо-
ро "серый", п.-монг. боро "серый", калм. боры "сивый, серый,
смуглый, бурый", др.-тюрк. боз "серый, серая масть" /ДТС,
II5/; др.-тюрк. бор /баар/ "вино" /ДТС, II2/; др.-тюрк. бор-
лук "виноградник" /ДТС, II3/. В вышеприведенных примерах вы-
деляются основы: бур- бул- бор- боз- "вращать, смешивать", во-
сходящие к стержневой основе бары- "сжимать".

Древнетюркский глагол бар- "идти, отправляться, ходить,
бродить, умирать" /ДТС, 83/ можно связать, с одной стороны, с
формой бары- "поглощать", а с другой стороны с боры- бурн-

"кружить", который на монгольской почве дал глагол оро- "входить, заходить, заезжать, направляться, идти, вступать, поступать, входить в состав" /МОН,307/. Однако трудно сказать что-либо определенное о причинах возникновения столь широкой сети производных, которые сами затем производят целый ряд совершенно разных слов.

На основе всего вышеизложенного материала можно предположить, что лексические соответствия турецких и монгольских слов покоятся не на случайном совпадении, а отражают закономерную эволюционную цепь, осложненную многократными контактами этих языков и не всегда одинаковой реализацией потенциальных возможностей развития каждого из языков. И если мы говорим, что боро "серый" – это монгольская форма, а боз "серый" – это турецкая форма, то это еще не значит, что монгольское слово баса "еще, иной" /Тодбаева – Монгол.,317/ надо считать заимствованием из древнетурецкого. Поэтому, выявляя взаимные заимствования в турецких и монгольских языках, видимо, надо ориентироваться не только на широту распространения рассматриваемой формы в той или иной группе языков, но и на характер отношения данного слова ко всем звеньям эволюционной цепи предполагаемого источника. Например, в турецких языках слово ала-кан "ладонь" обычно относят к монголизмам, ¹⁰ тогда как оно является производной от общего турко-монгольского глагола ал- "брать".

С н о с к и

- 1 Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с.351
- 2 Баскаков Н.А. Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков. Сб. "Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с.316
- 3 Рассадин В.И. Монголо-бурятское заимствование в сибирских турецких языках. М., 1980, с.3-5
- 4 Лигети Л. Рецензия на книгу Санжеева Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. – "Вопросы языкознания", № 5, 1955

- 5 Викторова Л.Д. О расселении древних монгольских племен с III в. до н.э. по XII в. н.э. Уч.зап.ЛГУ, 1958, с.66
- 6 Гумялев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970
- 7 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929; Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962; Лувсанвадан Ш. О некоторых корнях и основах в монгольском языке. Улан-Батор, 1963 и др.
- 8 Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, с.180
- 9 Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973, с.318
- 10 Севортыан Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974; Рассадия В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980, с.33

алт.	- алтайский язык /горно-алтайский/
баоаньск.	- баоаньский язык
др.-монг.	- древне-монгольский язык
др.-тюрк.	- древнетюркский язык
каз.	- казахский язык
калм.	- калмыцкий язык
кв.-письм.монг.	- квадратно-письменный монгольский
КРС	- Калмыцко-русский словарь. М., 1977
монг.	- монгольский язык
МОТ	- Монгол орос толь. М., 1957
п.-монг.	- письменный монгольский /классический/ язык
Тодаева - Монгор.	- Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973
ЭСТЯ	- Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974

МЕРЫ ДЛИНЫ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Материалами для данной статьи послужили различные источники, в частности героический эпос "Джангар", исторические документы, художественные произведения калмыцких писателей, словари монголоязычных народов. Некоторые данные записаны из уст старшего поколения; систематизированы разрозненные факты, упоминающиеся в трудах монголистов. Сведения по калмыцкой народной метрологии нуждаются в уточнении, так как многие из них весьма противоречивы.

До недавнего времени в системе склонения имен существительных калмыцкого языка имелся предельный падеж с морфологическим показателем *-цэ/-цэ/*. Имена в данном падеже, как правило, обозначают глубину или высоту чего-либо, т.е. указанная форма сама по себе связана с пространственными представлениями. Например, *эвдгцэ цасн* "снег по колено", *белкүсцэ усн* "вода по пояс", *шеһаца бальчк* "грязь по шиколотку", *һарвн тохаца шурһулх* "просунуть руку по локоть" и т.д.

В образовании предельного падежа участвуют немногие слова, составляющие особый раздел лексики: названия частей тела живых существ, иногда отдельные части юрты, сбруи оседланной лошади. Надо полагать, что в глубокой древности такие отвлеченные понятия, как глубина, высота, толщина люди воспринимали как нечто соизмеримое с частями тела, отдельными предметами юрты, т.е. последние служили своеобразной шкалой измерения.

Г.Д.Саяжеев пишет: "Употребляется этот падеж /предельный - *MM/* весьма редко и в тех случаях, когда хотят определить толщину снежного покрова, уровень воды...".¹ Форма предельного падежа малоупотребительна и в настоящее время она не входит в парадигму склонения имен существительных, хотя еще можно ее нередко встретить в произведениях художественной литературы, фольклоре и разговорной речи.

Измерение в предельном падеже осуществляется в основном

по вертикали и реже — по горизонтали. Например, шаһаца бш-муд "платье по шиколотку", дееврце цасн "снег на уровне крыши" и др. Сказанное свидетельствует о том, что предельный падеж в калмыцком языке является отголоском древнейшего способа определения толщины, уровня чего-либо, когда еще в народной метрологии не было точных единиц измерения, а измерение одного предмета велось в сравнении с другим. "Сами названия, — пишет Э.Тейлор, — до сих пор употребляемые для обозначения разных длин, каковы локоть, ладонь, стопа, пядь, погость, свидетельствуют о том, каким образом возникло искусство измерения, когда точные единицы мер еще не были изобретены, и люди помещали свои ладони и стопы по различным протяжениям предметов, величину которых они желали определить".²

Лексема хурһн "палец" является основной единицей измерения и равняется общей толщине 7 зерен. "Семь зерен ржи, — писал И.Бентковский, — положенных рядом... равны толщине одного пальца".³ У тюркоязычных народов количество зерен колеблется от 6 до 8. Толщина одного зерна равна толщине 6 волос гривы лошади.

В материалах фольклора, памятниках старокалмыцкой письменности сохранились устаревшие формы меры длины һуру от һурһн "три", дөрү от дөрһн "четыре". Так, в эпосе "Джангэр" для измерения толщины чего-либо часто встречается сарм "ширина в пять пальцев", һуру "ширина в три пальца", дөрү "ширина в четыре пальца". Например, Бас чигн дөрү дүңгэ шантрад хэрү унв "Снова отскочила /стрела/ с отломленным на четыре пальца наконечником". Сээрдэн сарам "На крупе /жир/ толщиной в пять пальцев".

К единице измерения можно отнести дарм "толщина жирового слоя, определяемая пальпированием". Упомянутая лексема дарм образована от глагола дарх "давить, жать, придавливать", т.е. таким способом определяется жировой слой у животных. Значение глагола дарх может быть переносным: "прятать, скрывать, утаивать". В данном случае дарм обозначает "жир, скрытый под кожей".

Не менее распространенной мерой является имк "углубление на ладони". Эта единица приблизительно равняется дюйму. Тал дундаһурн мяңгн нег ямкин теду унж оди нээхлэд "В талии ты- сяча и один дюйм качается, вот-вот переломится".⁴

В монгольских языках предельно малые величины сравнива- лись с конским волосом. Так, мерн кидһсн равняется 0,1 мм, а просто кидһсн "волос" – 0,01 мм. По свидетельству А.П.Бен- нигсена, в монгольской системе мер лошадиный волос прирав- нивался к 8 заметным пылянкам.⁵ Он же приводит такие меры, как будун-тос "заметьная глазом пылянка", нарнн-тос "незамет- ная пылянка", первая из которых соответствует восьмой части толщины "лошадиного волоса", вторая – восьмой части "будун- тоса".⁶

К мерам длины относится хумсн "ноготь" – хумсн дүңгэ "ве- личина равная ногтю, с ноготок". Для измерения величины та- кже служит альхн "ладонь". Эти меры длины обычно сопровож- даются послелогоми сравнения дүңгэ, чиңгэ. Особенно часто встречается термин альхн "ладонь" в качестве меры в фольк- лоре, разговорной речи. Например, Нарн суух үзг талас нег һурвн хун шовун нисж ирэд, теднэ негнь иигж келв: Амн сэн үгим авч ? Альхн чиңгэ арсим авч ? – гив /Х.т./ Со сторо- ны захода солнца прилетели три лебедя и один из них говорит: "Услышишь ли мои добрые слова ? Или возьмешь мою шкурку ве- личиной с ладонь?".

Термином бэрм "хват" обозначалась мера длины в сжатый кулак, в котором большой палец прилегает к указательному. Об- разовался он от глагола бэрх "держатъ, брать в руки". Наряду с ним в калмыцком языке существует атхм – от глагола атх "сжимать в руке". Чаще атхм измеряет песа сыпучих тел "при- горшня". Мера длины бэрм равняется приблизительно 10 санти- метрам. Бытует термин хсш бэрм /хош от хойр "два". Ср. хоша- һад "по два, попарно" / и, по данным К.Ф.Голстунского, хош бэрм равнялся футу.⁷

Весьма широко у монголоязычных народов распространена ме- ра сем "пядь" – расстояние между концами вытянутого большо- го и указательного пальцев. Кроме этого имеется мухр сем

"малая пядь" - расстояние между раздвинутыми большим и указательными пальцами с подогнутыми двумя суставами.

Интересна мера длины те "пядь", видимо, от тугэ. В словарях монголоязычных народов она определяется по-разному: у бурят это - расстояние между концами вытянутых большого и среднего пальцев, у калмыков - расстояние между концами вытянутых большого и безымянного пальцев. В бурятском языке имеется единица измерения мухар тоо /досл. "кучая пядь"/, а в калмыцком его нет.

Распространенным видом измерения величин служит тоха "локоть", равный общей толщине 24 пальцев. Сведения о величине локтя разноречивы, и, как отмечает Л.А.Молчанова, "размеры ... всех видов локтя можно определить только приблизительно, так как они неизбежно колеблются в зависимости от расовых различий, пола и, наконец, роста отдельных измерителей".⁸ По свидетельству некоторых ученых, у монгол есть мера мухур-тохой "расстояние от локтя до конца среднего пальца".⁹

Мера длины делм от глагола делх "натягивать, расправлять крылья" равняется половине маховой сажени, т.е. расстоянию от согнутого локтя одной руки до кончиков пальцев другой руки. Судя по источникам, делм был широко употребляемой мерой измерения. Так, калмыцкая пословица гласит: Ахиг адд күндлдг, дүүг делм күндлдг "Старшего уважают на сажень, младшего на полусажень".

Известна монголоязычным народам мера длины адд "маховая сажень - расстояние между концами распростертых в стороны рук". Маховой саженью измеряли веревки, рыболовные сети и т. д. - равняется 4 локтям. В словаре К.Ф.Голстунского отмечается мера хош адд "большая сажень", которая составляет 10 футов.

К древнейшей мере измерения относится алхм "шаг" - расстояние, равное одному шагу. Наряду с алхм в калмыцком языке существует ишкм "ступня". Нам кажется, что алхм - это большой шаг /срав., монг. хялхам/. Образовались соответственно от глаголов алхх и ишхх.

Дууна от дун "голос, окрик" приравнивается одной версте,

расстояние, на которое слышен голос человека. Принято считать, что мера дууна равняется 500 сажням.

Термин беерэ, часто встречающийся в эпосе "Джангар" и других исторических памятниках, соответствует 8 верстам. Однако в некоторых словарях он приравнивается одной миле. Этимология не ясна.

Единица измерения арһмж "аркан, веревка" встречается и в произведениях современных калмыцких писателей. Например, ... герурн иртл нари ядхтан хойр арһмж турш еедлж одв /Э.К., Н.Х., 24/ Пока вернулся домой солнце поднялось по крайней мере на два аргамджи. Нам представляется, что единица измерения арһмж "аркан, веревка" равна примерно 10-12 м. Что же касается этимологии данного слова, то в его структуре можно выделить словообразовательный аффикс -мж и корневую морфему арһ-, которая, вероятно, связана с числительным арв/н/ "десять".

К линейным мерам длины относится арчм /от аршин/, равный 71,12 см. К мерам длины, связанным с ткачеством, можно также отнести эв "ширина материи" /срав. развернутые определения: хойр давхр эңгтэ, һурви давхр эңгтэ эд/.

Термин ерте /бур. үртөө/ "почтовая станция", это расстояние равное перегону между уртонами: 30-40 км.

В калмыцком языке встречаются устаревшие единицы измерения, содержащиеся в различных старописьменных источниках. Например, тугэлэгчүр обозначает палку, которой измеряют длину, ширину и высоту. К этому разряду слов относится лексема до "шаг двойной", т.е. расстояние, отмеренное двумя шагами. ¹⁰ В словарях современных монгольских народов эти названия отсутствуют, что, видимо, связано с появлением точных мер измерения.

Относительно определения расстояний едре хаалһ һазр "день пути /пешком, на лошадях и др./", долан хонгин һазр "расстояние равное семи дням пути", нег гэлмэ һазр "расстояние, равное одному неводу /сети/" и других следует сказать, что они складывались в течение длительного времени на основе накопленного опыта. "Величина мерн зависит от времени года, рельефа, нагруженности рабочего скота, в одиночку или группа-

ми идет передвижение". Так, в зависимости от последнего продолжительность дня пути колеблется у монголов в пределах от 50 до 80 км.¹¹

Таким образом, народная метрология монголоязычных народов имеет свои специфические особенности и "возникнув на почве определенных занятий, народная мера, как правило, сохраняет свою конкретность, т.е. чаще всего применяется именно в данных условиях и отражает в своей основе характерные особенности этой сферы деятельности".¹²

С н о с к и

- 1 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, том I, с.175
- 2 Тейлор Э. Антропология. СПб., 1908, с.316
- 3 Бентковский И. Калмыцкий календарь на 1875 г. Ставрополь, 1875, с.20
- 4 Примеры взяты из работы Тодаевой Б.Х. "Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Элиста, 1976
- 5 Беннигсен А.П. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912, с.140
- 6 Там же
- 7 Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. Л., 1938, т. II, с.158
- 8 Молчанова Л.А. Народная метрология /к история народных мер/. Минск, 1973, с.22
- 9 Там же
- 10 Эти два примера взяты из словаря К.Ф.Голстунского
- 11 Молчанова Л.А. Указ.соч., с.77
- 12 Там же, с.5

ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Словообразовательная система звукоподражательных и образных слов в калмыцком языке имеет общие черты со словообразовательными системами других частей речи.

Исследуя вопросы словообразования и структуру слова в современном калмыцком языке, калмыковеды выделяют три вида словообразования: морфологический, фонетический и синтаксический.

Каждый вид имеет несколько способов. Например, морфологический вид словообразования в калмыцком языке может быть представлен тремя способами: аффиксацией, сложением основ и редупликацией; фонетический – чередованием звуков; синтаксический – конвацией и сращением.

В настоящей статье делается попытка классифицировать словообразовательные аффиксы, образующие звукоподражательные и образные слова в современном калмыцком языке.

Образование существительных. Производные звукоподражательные и образные слова представляют собой довольно обширный пласт лексики.

А.А.Булаховский в свое время отмечал, что "словообразовательные элементы и их комбинации обеспечивают почти бесконечное количество новых слов и новых оттенков, обогащение которыми отвечает серьезным потребностям роста языка".¹

Звукоподражательные и образные имена существительные, образованные с помощью определенных аффиксов, не отличаются от обычных имен, могут изменяться и сочетаться с другими словами.

В калмыцком языке имеются много аффиксов, которые образуют звукоподражательные существительные. В данной статье рассматриваются некоторые из них.

Группу слов, образованных с помощью аффикса -ан/-эн/, составляют существительные от основ непереходных глаголов. Глагольная основа в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, совпадает с глагольной формой второго лица един-

ственного числа. Слова, производные от этого аффикса, обозначают состояние или действие, соответствующее значению производящих основ: шуган "шум, гам, гомон" от шууг- "шуметь, гомонить", бульгян "биение, трепет, пульсирование, бульканье" от бульг- "биться, трепетать, пульсировать, булькать", шийгэн "шипение" от шийг- "шипеть", джигэн "щебет, писк" от джиг- "щебетать, пищать", күркрэн "рычание" от күркр- "рычать", хатран "рысь" от хатр- "рысать", билжрэн "скользить по грязи", сөгсрэн "тряска" от сөгср- "трясти", бүргэн "кружение, пыление" от бүрг- "кружиться, пылиться" перен. "болтовня, пустословие".

Одним из продуктивных именных словообразовательных формантов является аффикс -лһн. Существительные, образованные с помощью данного аффикса от глагольных звукоподражательных основ, выражают:

а/процесс действия: тачкилһн "треск, грохот" от тачки- "трещать, грохотать", күрждилһн "рокотание" от күржди- "рокотать", шорждилһн "журчание" от шоржди- "журчать", саржди-лһн "шуршание, шелестение" от саржди- "шуршать, шелестеть";

б/название процесса: бээглһн "крик, вопль" от бээг- "кричать, вопить", мээлһн "мяукание, блеяние" от мээл- "мяукать, блеять", меэрлһн "мчание" от мээр- "мчаться", гуулһн "кукование, гудение" от гууг- "куковать, гудеть".

Образные имена существительные с аффиксом -лһн выражают:

а/процесс действия: чирлһн "волочение, таскание" от чир- "волочить, таскать", таралһн "разбрасывание" от тара- "разбрасывать", ирзэлһн "оскал" от ирзэ- "оскаливаться";

б/характер человека, его поведение, состояние: мусхлзлһн "усмешка" от мусхлз- "усмехаться", минчилһн "краснение" от минчи- "краснеть, багроветь", һурнилһн "унылый вид" от һурни- "быть унылым", бөгчилһн "сгорбленный вид" от бөгчи- "сгорбиться".

Аффикс -ур/-үр/ встречается при образовании образных существительных с целью выделения наиболее характерных черт, присущих человеку: өндлзүр /о человеке, который часто приподнимается с места/ от өндэ- "периодически приподниматься",

аңһазур "ротозей" от аңһа- "раскрывать рот", кацкадур /о несокомерном человеке/ от кацкад- "возомнить, задараться", кидһазур /о человеке с неуравновешенным, вспыльчивым характером/ от кидһаз- "проявлять характер", помпадур /о довольно большом человеке, но с энергичными движениями/ от помпад- "быть большим, энергичным", таалур /о грудном ребенке довольно окрепшем и подросшем/ от тааи- "ласкать, нежить".

Аффикс -ур/-үр/ малопродуктивен. Об этом Б.Х.Тодаева, например, отмечает, что в эпосе "Джыгяр" "единственным случаем образования существительного от звукоподражательного слова выступает дагкүр "взбитая, сильно пребезжающая дорога" /от дагд- "трястись, дрожать": даг + д - суффикс глаголообразования".²

Звукоподражательных существительных с аффиксом -ур/-үр/ немного. Такими являются производные со значением:

в/орудия действия: джцнүр "звонок" от джцн- "звонить", дардцнур "колотушка" от дардцн- "колотить", тардцнур "трещотка" от тардцн- "трещать", шавдур "плетка" от шавд- "хлестать /плетью/";

б/носителя процесса: тавшүр "танец с прытопом" от тавш- "прытопывать". Имеется также вариант данного слова с той же семантикой: тобшүр /тоб - основа + -ш - аффикс глаголообразования + -ур - аффикс словообразования/ от тоб "топать, стучать".

Аффикс -мг образует существительные обозначающие, например, орудие действия: ташмг "бич" от таш- "бить, шлепать".

Э.А.Севортян, сравнивая аффиксы именного словообразования в тюркских языках, отметил, что данный аффикс был известен в древнетюркских памятниках, и что он прошел длительный путь развития. "Однако в целом, - пишет он, - словообразовательные возможности аффикса -маг в дальнейшем оказались исчерпанными вместе с другими непродуктивными формами отглагольных имен".³

В то же время автор находит, что в таких языках как тувинский, чувашский и якутский не мало прилагательных на -маг. В калмыцком языке он довольно употребителен.

Образование прилагательных. Звукоподражательные имена прилагательные в большинстве случаев образуются от глагольных звукоподражательных основ. Число таких производных слов не так много.

Аффикс -мг образует прилагательные от глагольных основ со значением: склонный к какому-либо действию, что обозначается производящей основой: уульмг "плаксивый" от ууль- "плакать", дуульмг "любящий петь" от дуул- "петь", жаагмг "скрипящий" от жааг- "скрипеть", жиигмг "визгливый, писклявый" от жииг- "визжать, пищать", оурмг "болтливый" от бур- "болтать, пустословить".

С помощью аффиксов -мтха/-мтхэ/, -мхь/-мхэ/ образуются прилагательные от глагольных основ со значением склонности к какому-нибудь действию, которое выражено в производящей основе: шуукрмтха "склонный к вздыханию" от шуукр- "вздыхать", цуурмтха "склонный к ржанию" от цуур- "ржать", цуугмтхэ "скандальный, бранчивый" от цуур- "скандалить, браниться", буульмхэ "крикливый" /о верблюдах/ от бууль- "кричать", гиинмхэ "визгливый" от гиин- "визжать, канючить, скулить".

Аффикс -та/-тэ/ образует прилагательные от основ имен существительных со значением, выраженным в производящей основе: шуугата "шумный" от шууган "шум", ниргэтэ "шумный" от ниргэн "шум, гам", аңһалһата "раскрытый, зияющий, разинутый" от аңһалһи "зияние", шовалһата "торчащий" от шовалһи "торчание", ирзэлһэтэ "оскаленный" от ирзэлһи "оскал", арнилһэтэ "смятый, хмурый" от арнилһи "смятый, хмурый вид", архалһата "нагроможденный" от архалһи "нагромождение", базһата "смятый" от базһан "сжим", хальтратэ "скользящий" от хальт-ран "скольжение".

Одним из продуктивных словообразовательных аффиксов разных прилагательных является аффикс -һр /фонетические варианты -кр, -хр/. Аффикс -һр образует имена прилагательные от глагольных основ со значениями, выявляющими:

а/отличительные черты человеческого лица, характера: морхһр "носатый, горбоносый" от морха- "быть носатым, горбоносым", марзһр "мордастый" от марза- "иметь крупные черты ли-

ца", бұлтхр "выпуклый, пучеглазы" от бұлтә- "быть выпуклым, пучеглазым", жіртхр "с вывернутыми веками" от жіртә- "быть чуть вывернутым" /о веке/, шоңшхр "острый, заостренный" от шоңше- "быть острым, вытянутым вперед", сеңкһр "высокомерный" от сеңкә- "высокомерничать";

б/резко выделяющиеся физические, телесные качества людей и животных: бөгдһр "горбатый, сутулый" от бөгди- "горбиться, сутуляться", луглһр "толстый, грузный" от лугли- "быть толстым, грузным", цурдһр "пузатый" от цурдә- "быть пузатым";

в/качественные признаки предметов: арһр "лохматый" от арва- "лохматиться", бавһр "косматый" от бави- "косматиться", сярсхр "раскидистый, ветвистый" от сярса- "раскидаться, ветвиться", миңчхр "красный, багровый" от миңчи- "краснеть, багроветь", шовһр "острый" от шова- "высовываться, показываться" /о чем-либо остроконечном/, бомбһр "круглый, куполообразный" от бомба- "быть круглым, куполообразным".

Аффикс -г является одним из малопродуктивных. Производных слов с этим аффиксом немного: куург "хрупкий, ломкий" от куур- "быть хрупким, ломким", теглг "низкорослый, ладный" от тегл- "быть низкорослым, ладным", муңхг "глупый, тупоумный" от муңх- "быть глупым, тупоумным".

Аффикс -ха/-хә/ малопродуктивный, образует прилагательные от глагольных основ. Характерным для таких образований является то, что они склонны к субстантивации, т.е. нередко осознаются и как имена существительные, например: шуурха "рваный" от шуур- "рваться, трескаться, лопаться", цоорха "пробитый, проколотый, продырявленный" от цоор- "пробить, проколоть, продырявить", буурха "дырявый, рваный, отрепанный" от буур- "дырявить, рваться, быть отрепанным", хавтха "плоский, приплюснутый" от хавта- "быть плоским, приплюснутым".

Некоторые прилагательные, образованные при помощи аффикса -дг в большинстве случаев соотносительны с причастиями многократного действия на -дг. Таковыми являются производные имена, образованные от глагольных основ со значениями:

а/склонный к какому-нибудь действию: шаадг "колючий" от шаа- "колоть", хурлздг "вихревой" от хурлз- "вихриться", дүү-

гдг "быстрый, шустрый, ловкий" от-дүүг- "быстро распространяться, следовать с поспешностью";

б/качества или свойства, выраженных в производящей основе: арвадг "растрепанный" от арва- "растрепаться", монтадг "круглый, выпуклый" от монта- "быть круглым, выпуклым", күридг "темный" от күри- "темнеть", сагсидг "лохматый" от сагси- "лохматиться", делдидг "обвислый" от делди- "обвисать, свисать", билчидг "пухлый, распухший" от билчи- "пухают, распухать", наладг "широкий, открытый" /море, небо, степь / от нала- "быть широким, открытым".

Имеется ряд образных слов, которые в своей основе /без словообразовательных аффиксов/ передают свойства прилагательных. В основном, это одиночные, удвоенные, парные образования: күдр-бадр "сильный, крепкий", тавр-тувр "редкий", алг-булг "пагий", чаң-чиирг "выносливый, крепкий", илмн-дилмн "голый, пустынный", амха "беззубый", адрг-бидрг "неровный, шероховатый", гальдг-гүльдг "гибкий".

Ряд образных слов вышеприведенного типа представлен как наречия: үкс гих, үкс-дукс гих "быстро, проворно, шустро", шүс гих "легко, поспешно, резко", цөб гих "ловко, умело, аккуратно", таг-яг "крепко-накрепко", нар-цөр "туда-сюда", адһн-шидһн "снешно, торопливо, суетно", нам-шим, дүң-дүлө "тихо, безмолвно, беззвучно", талт-мулт "неуверенно, плохо, еле-еле, кое-как".

В предложении звукоподражательные и образные прилагательные выступают в основном в качестве определения и сказуемого.

Рассматривая словообразовательные модели, находим, что они непостоянны, в связи с историческими изменениями, происходящими в языке. Об этом говорит продуктивность и непродуктивность аффиксов.

Словообразовательные аффиксы данных слов образуют имена существительные и прилагательные в большинстве случаев от глагольных основ, имея при этом вполне определенный лексический круг, присоединяясь к которым, создают новые слова с тем или иным значением.

Аффиксальный способ как один из видов морфологического словообразования в калмыцком языке самый продуктивный в словопроизводстве изобразительных слов и дает основание рассматривать их как самостоятельные части речи.

С н о с к и

- 1 Булаховский А.А. Курс русского литературного языка. Издание 4-е, Киев, 1949, с.100
- 2 Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джамгар". Элиста, 1976, с.123-124
- 3 Севортян Э.А. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с.303-304

ПОСТФИКСАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Постфикс -а/-э/

С помощью -а/-э/ образуются личные имена от основ имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений, оканчивающихся на согласные или неясные гласные. Постфикс -а/-э/ восходит, по-видимому, к одному из вариантов звательного падежа: Намча /от намч "лист растения"+ -а/, Сүүлэ - женское личное имя /от сүүл "последний"+ -э/, Нуудлэ /от нуудл "кочевка, перекочевка"+ -э/, Сүкэ /от сүк "топор" + -э/, Бата /от бат "крепкий, прочный"+ -а/, Эдэ /от ад "товар" + -э/, Танха /от таңх "совершенно глухой"+ -а/, Энэ /от указательного местоимения эн "этот, это" + -э/, Шинэ /от шин "новый" + -э/, Нучэ /от нуч "тридцать"+ -а/.

Постфикс -а/-э/ нередко присоединяется и к основам, которые были образованы путем словообразовательных постфиксов от других основ. Хүрмчэ /от хүрм "свадьба, пир"+ -ч=хүрмч "участник, организатор или любитель пира, свадьбы"+ -э/, Нуудлчэ /от нуудл "кочевка, перекочевка"+ -ч=нуудлч "кочевник"+ -э/.

Причем собственные имена существуют иногда в двух формах, а именно: с постфиксом -а/-э/ или без него: Бат /в произношении батъ / Бата, Бемб /бембе/, Бембэ, Хүрмч /хүремче/, Хүрмчэ, Амр /амър/, Амра, Нуудлч /нууделче/, Нуудлчэ, Мөңк /мөңке/, Мөңкэ, Муутл /муутъл/, Муутла. Однако во многих случаях употребление формы личного имени с постфиксом -а/-э/ является обязательным и не подлежит замене другой основой с постфиксом -а/-э/, например, Сүүлэ, Шүдэ.

С помощью постфикса -а/-э/ образуются в калмыцком языке имена существительные, не только от глагольных основ, и обозначают результат, процесс, место или объект действия: туша "пути" /от туш-"путать"+ -а/, бүрэ "тонкий покров" /от бүр-"покрывать тонким слоем"+ -э/, бөглэ "пробка" /от бөгл-"закрывает плотно горловину чего-либо"+ -э/, ичэ "спячка некоторых животных" /от ич-"впадать в спячку"+ -э/, мана "сторожевание" стража" /от ман-"сторожить, караулить"+ -а/, уна "вер-

хэвэй транспорт" /от ун-"садиться верхом+ -а/.

В калмыцком языке этот постфикс служил, по-видимому, для образования имен существительных от основ имен существительных, о чем свидетельствуют такие словоформы, как дөрэ "стремя", сүрэ "величие, грозная сила, отвага", которые зафиксированы в "Джангаре".¹ Однако здесь постфикс -э можно выделить лишь путем этимологического анализа: дөр "воротный ремень"+ -э = дөрэ "стремя, педаль", сүр "величие, импозантность, могущество"+ -э = сүрэ "величаяя, грозная сила, воодушевление, вдохновение".

Постфикс -ла/-лэ/

Этот постфикс употребляется, как правило, при образовании личных имен /преимущественно женских/ от основ имен существительных, прилагательных и личных имен. Вероятно, поэтому в грамматических сочинениях он не упоминается. Единичные существительные, которые были образованы с помощью постфикса -ла/-лэ/ приобрели значение отвлеченного обобщенного понятия с оттенком результата того, что выражено производящей основой, например, ноһала "зайчонок, родившийся весной" /от ноһа "трава, зелень"/. Однако такое образование не относится к живым процессам, а характерно /и то теперь уже редко/ для образования собственного имени: Төмрлэ /от төмр "железо"+ -лэ/, Модла /от мод "дерево"+ -ла/, Джирлэ - женское имя /от джвр "крыло"+ -лэ/, Харла /от хар "черный"+ -ла/, Шарла /от шар "желтый"+ -ла/, Цаһала /от цаһа "белый"+ -ла/, Хатула /от хату "твердый"+ -ла/. С помощью этого постфикса образуются личные имена от личных имен, например, Босхала /от Босха+ -ла/, Йисэлэ /от Йисэ~ Йис "девять"+ -э+ -лэ/, Нармала /от Нарма - личное имя+ -ла/, Бесэлэ /от Беса+ -лэ/.

Г.И.Рамstedт приводит имя монгольского хана - основателя Юаньской династии Хубилая /*qubilai*/, которое состоит из монг. *qubi* "долг, счастье"+ *-lai*, а также *qundulai* "туловище, бедро", *χirālai* > *χirā*, монг. *kirayū* "зрелость", халх. *ᠰᠤᠯᠠᠢ* / < монг. *ᠰᠤᠯᠠᠢ* /. Относительно же структуры *-lai* /калм. -ла/-лэ/ выдвигается два варианта возникновения суффикса из *-l*+ *-ai* по аналогии с такими формами как *taḡnai* ~ *taḡlai*

"небо", *maɣlaj~maɣnai* "люб". Весьма интересны его параллели с тунгусским -*lā*, -*lē*.

Постфикс -лан/-лэн/

Он является производным от постфикса -*ла/-лэ/* с постпозиционно сочетающимся согласным -*н*. Постфикс -*лан/-лэн/* употребляется редко и только в личных именах: Батлан /от бат "крепкий, прочный"+ -*лан/*, Харлан /от хар "черный"+ -*лан/*, Шатлан /от шат "лестница, ступенька"+ -*лан/*, Чухлан /от основы чух "национальная игра"+ -*лан/*, Нээхлэн /от нээх-"что-то качающееся"+ -*лэн/*.

Постфикс -да/-дэ/

Этот постфикс широко употребляется в собственных именах людей: Ђууда /от Ђу "рама, дыня"+ -*да/*, Омада /от ома "утроба"+ -*да/*, Ямада /от яма "коза"+ -*да/*, Эрде - мужское имя /от эр "мужчина, мужской"+ -*дэ/*, Нарнда - преимущественно мужское имя /от нарн "солнце"+ -*да/*, Хоода /от хоо "светлый"+ -*да/*, Мууда - мужское имя /от муу "плохой"+ -*да/*, Шянда /от шян "новый"+ -*дэ/*, Гердэ - женское имя /от герл "свет" + -*дэ/*, Церндэ /от Церн - личное имя тибетского происхождения + -*дэ/*, Зунда - собственное имя и топонимическое наименование /от зун "лето"+ -*да/*, Цаһада /от цаһа-"белый"+ -*да/*, Улада /от ула-"красный"+ -*да/*. Эти имена встречаются в ранних калмыцких сказках, как Цаһада /-мергн/, Улада /-мергн/. Аналогичные образования имен существительных бывают в поговорках: Цааран хэлэхлэ, цаһада, нааран хэлэхлэ наһада "посмотришь в ту сторону - цагада, а посмотришь сюда - негада". Употребляются также собственные имена, образованные от основ числительных с помощью постфикса -*да/-дэ/*, например, Тавда /от тав "пять"+ -*да/*, Зурһада /от зурһа "шесть"+ -*да/*, Херде /от хер "двадцать"+ -*дэ/*; от глагольных основ: Бурда /от бур "болтать, пустословить"+ -*да/*, Хорһлда /от хорһл-"мазать, смочить, пропитать маслом"+ -*да/*, Баһлда /от баһл+"уменьшить, убавить"+ -*да/*, Бужда /от бужд-"энергично отрывисто двигаться, подпрыгивать на месте"+ -*да/*, Ђислдэ /от Ђисл-"группировать по девять, замыкать девятку"+ -*дэ/*.

С постфиксом -*да/-дэ/* встречаются, хотя и редко, и суще-

ствительные, которым -да/-дэ/ придает значение обобщенного понятия, например, буурлда "бурьян, горькая полынь", которая выступает иногда и в форме -буурлдан /от буурл "седой" + постфикс -да/. Однако употребление этого постфикса относится к прошлому языка, в настоящее же время он не является продуктивным. Постфикс -да/-дэ/ активно участвует в образовании личных имен от основ различных частей речи - существительных, прилагательных, числительных, глагольных основ, а также от основ личных имен.

Таким образом, -да/-дэ/ является по существу постфиксом образования личных имен от различных частей речи и различных личных имен, в том числе и заимствованных у других народов.

Постфикс -ма/-мэ/

С помощью постфикса -ма/-мэ/ образуются в калмыцком языке личные имена /в основном женские/ от основ личных имен: Бальорма /от Бальор - личное имя+ -ма/, Доржда /от Дорж - собственное имя+ -ма/, Жижма /от Жиж - собственное имя+ -мэ/, Цевгма /от Цевг - личное имя+ -мэ/.

Однако встречаются, хотя и редко, существительные с постфиксом -ма/-мэ/, например: зёлма "кобчик птицы", но отличить последнее от -м+ -а/-э/ не всегда возможно. Еще Г.И. Рамstedт, сравнивая эту морфему в алтайских языках, писал: "В монгольском языке соответственным суффиксом является регулярный -*mai*, который, однако, не упоминается в грамматиках и, по-видимому, встречается редко, например: монг. *talamai* "плоский, ровный" /= тунг. *tallamai* "открытое, гладкое место на льду"; ср. монг., маньч., тюркск. *tala* "степь, равнина"/, монг. *ᠵаᠷᠠᠮᠠᠢ* "крестообразный" /< монг. *ᠵаᠷᠠᠯ*, маньч. *ᠵаᠬᠠᠯᠠ* - то же, кор. *ᠸᠠᠯ*,... /, монг. *ᠨᠠᠷᠮᠠᠢ* "все вместе взятое" /ср. окончание мн.ч. -*nar*, тюркск. -*lar*." ²

Постфикс -ха/-хэ/

Он характерен для образования личных имен, например: Онча /от онч~онц "особый"+ -ха/, Болха /от бол-"быть, стать"+ -ха/, Мууха /от муу "плохой"+ -ха/, Байрха /от байр "радость"+ -ха/.

Встречаются существительные, содержащие постфикс *-ха/-хэ/*, где последний придает производящей основе собирательное значение, например, нусха "сопля" /от нус-"сопли"+ *-ха/*, чичрхэ "брыжейка" /от чичр-"трястись, дрожать, вибрировать"+ *-хэ/*, шовуха "птицеподобное, из породы пернатых" /от шову "птица" + *-ха/*, бульчрха "железа" /от бульч-"становиться мышцеподобным"+ *-ха/*. Однако постфикс *-ха/-хэ/* не является продуктивным. Его трудно выделить из существительных с глагольной основой, так как постфикс *-ха/-хэ/* не отличается от слияния окончания причастия настоящего-будущего времени на *-х*, постфикса на *-а/-э/*, а в субстантивированных прилагательных — от постфикса прилагательных на *-ха/-хэ/*.

И тем не менее постфикс *-ха/-хэ/* является в монгольских языках, как это доказал еще Г.И.Рамstedт, древним по своему происхождению.

С постфиксом *-ха/-хэ/* сходен и постфикс *-ка/-кэ/*, благодаря чему Г.И.Рамstedт объединил их в алтайских языках в одну группу. Однако эти постфиксы имеют и существенные отличия.

Постфикс *-ка/-кэ/*

В современном калмыцком языке постфикс *-ка/-кэ/* встречается в основном в собственных именах людей, образованных от основ имен существительных, прилагательных, числительных, от личных имен: Харка /от хар "черный"+ *-ка/*, Шарка /от шар "желтый"+ *-ка/*, Баяка /от Бая — женское имя+ *-ка/*, Денэка /от Денэ — собственное имя+ *-кэ/*, Бужака /от Бужа — собственное имя+ *-ка/*, Йисэка /от Йисэ — собственное имя, образованное от йис "девять"+ *-э*, + *-кэ/*, Тавка — собственное имя /от тавн "пять"+ *-ка/*, Сецка — собственное имя /от Сең + *-кэ/*.

В калмыцком языке имеются существительные, которые содержат постфикс *-ка/-кэ/*. Они обозначают обычно конкретный предмет, по значению производящей основы, иногда с оттенком уменьшительности: эрвэка "бабочка" /от эрвэ "медленно расплываться, развиваться"+ *-кэ/*, чөлэка "маленький просвет, щелочка" /от чөлэ "просвет, щель"+ *-ка/*, эрке "большой палец" /видимо, от эр "мужской, мужчина"+ *-кэ/*. В некоторых случаях существительное с *-ка/-кэ/* может иметь обобщенное значение:

шеркэ "все виды намордников с шипами, предметы с шипами"/от шерэ "шпоры, шипы"+ -кэ/, а для конкретного намордника с шипами, надеваемого жеребенку, теленку, имеется слово шерг, где основа - шер-.

Иногда слово с постфиксом -ка/-кэ/, несмотря на очевидность составных морфем, практически не разложимо, например, белвркэ "копытные косточки у парнокопытных животных" /состоят из бел+ -вр+ -кэ/. Вычленить основу можно лишь путем лингвистического анализа.

Постфикс -шк

При основе, оканчивающейся на -ш, прибавление постфикса -к образует сочетание -шк, от которого очень трудно отличить постфикс -шк, несколько измененной постфиксальной морфеме -шг, восходящей этимологически к частице -шг /~ шиг/. Постфикс -шк придает значение сходства с тем, что выражено в производящей основе, например, Муушк - личное имя, обычно мужское от муу "плохой" -шк/-шг~ шиг/, Зурнашк - личное имя от зурна-"шесть" -шк/-шг~ шиг/. Было, например, Муу шиг /от муу "плохой"+ шиг - частица, которая передает значение "как, словно, точно, подобно..."/. При субстантивации слов произошел переход г в к, а поскольку к в конце калмыцкого слова не встречается, то после к появляется редуцированный гласный.

Постфикс -к

С помощью постфикса -к образуются личные имена людей от основ имен существительных, прилагательных и личных имен, причем основы, оканчивающиеся на -н, сохраняют его: Моднк /от модн "дерево"+ -к/, Уланк /от улан "красный"+ -к/. В этих образованиях ощущается уподобление /благодаря -к/ тому, что выражено в производящей основе. Личные имена с помощью -к образуются и от глагольных основ: Тевнкн - женское имя /от тевкн "быть спокойным, мирным"+ -к/.

Постфикс -к, присоединяясь к основе собственного имени, оканчивающегося на -ш, который придает слову уменьшительно-ласкательное значение, образует новое имя: Эрдэшк /от Эрдэш - собственное имя+ -к/, Тегрэшк /от Тегрэш - женское имя+ -к/, Нээхлэшк /от Нээхлэш - личное имя+ -к/.

Постфикс -ңк

С помощью -ңк образуются личные имена, нарицательные значения которых выражают уподобление тому, что вырезано в производящей основе. Обычно в качестве основы выступает личное имя: Шардаңк - личное имя прозвище /от Шарда - личное имя, от шар "желтый"+ -да+ -ңк/, Батанк - личное имя /обычно мужское/ /от Бата - личное имя, образованное от бат "прочный, крепкий"+ -а, затем уже л+ -ңк/, Сердаңк - имя героя ойратского эпического сказания "Песнь о Шолой Убуши-хун тайджи" /от сер+ -дә+ -ңк/, Эдлаңк /от Эдлә - личное имя+ -ңк/.

Постфикс -нда/-ндә/

Этот постфикс встречается в личных именах, но редко: Бунда - женское имя /от основы буж-, которая сейчас вне сочетания с морфемами не встречается,+ -нда/. Хулханда - женское имя /от хулх- ср. хулхэх "быть широковатым, колыхаться"+ -нда/, Харнда - обычно женское имя /от хар "черный"+ -нда/, Батнда - мужское имя /от бат "крепкий, прочный"+ -нда/, Эпндә /от Эп+ -ндә/. Вне личных имен обнаружить постфикс -нда /-ндә/ в калмыцком языке не удалось.

Постфикс -у/-ү/, -уш/-үш/

Эти постфиксы встречаются, хотя и не так часто в личных именах, например: Баку /от бак-"чрезмерно много сделать"+ -у/, Арну /от арнь-"морщиться, нахмуриться"+ -у/, Йоту /от йот "траншея, окоп"+ -у/, Намру /от намр "осень"+ -у/, Лаалду /от лаал-о полных детях+ -у/, Мууду /от муул-"наговаривать на кого-нибудь"+ -у/, Этү /от эт+ -ү/. Нетрудно заметить, что эти личные имена образованы как от глагольных основ, так и от имен существительных. Однако бытующие в калмыцком языке существительные с постфиксом -у/-ү/ выражают значения абстрактного действия, результата действия и образованы, как правило, от глагольных основ, например, эндү "ошибка" /от энд "ошибаться"+ -ү/, уху "изогнутое тесло для выдалбливания" /от ух-"копать, выдалбливать"+ -у/, хәру "ответ, сдача" /от хәр-"идти назад"+ -ү/. Постфикс -у/-ү/ употребляется в ласкательного характера прозвищах-именах детей, например, Ломпу /ср. помпах "быть полным, пухловатым", ос-

нова помп-/. Обычно так называют родители полных детей. Пэ-пу /ср. пэпих "быть бесформенно полным", основа пэп- + -у/.

Но чаще встречается -у/-ү/ в препозиционном сочетании с постфиксом -ш, сливаясь с ним, образует качественно новое сочетание - постфикс -уш/-үш/. С его помощью образуются личные имена с уменьшительно-ласкательным оттенком, поэтому не случайно он может прибавляться к имени детей при ласкательном обращении к ним, например, Этүш, Муулуш, Опуш, Лоолуш, Ыдыш.

Постфикс -ля

Он значительно отличается от постфикса -ла/-лэ/ тем, что прибавляется обычно к сокращенным основам личных имен и образованное имя приобретает уменьшительно-ласкательный оттенок: Нооля /от Ноһала - женское имя/, Амля /от Амулц - личное имя/, Буля /от Буһа - женское имя/.

Постфикс -мж

В личных именах встречается редко. Но личное имя Босмж /от босх "вставать" + -мж/ может быть как мужским, так и женским, употребляется довольно часто. Личное имя Төлмж /от төл "плодиться, размножаться" + -мж/. Однако существительные с этим постфиксом довольно частое явление. Постфикс -мж образует от глагольных основ имена существительные со значением абстрактного действия или результата действия, например: асрмж "кормление" /от аср "кормить" + -мж/, үзмж "вид, облик" /от үз "видеть" + -мж/, тусмж "помощь" /от тусл "оказывать помощь" + -мж/.

Постфикс -ш

С помощью постфикса -ш образуются личные имена, которые в свою очередь были образованы от основ имен существительных, прилагательных, числительных, личных имен: Хөрдәш /от Хөрдә, которое в свою очередь было образовано от хөр "двадцать" + -дә/, Герләш /от Герлә, которое было образовано от герл "свет" + -ә/, Буһаш /от Буһа - женское имя, образованное от буһ- + -а + -ш/, һунаш /от һуна - собственное имя, от һун- + -а + -ш/, Бадаш /от Бада - собственное имя + -ш/, Гиляш /от Гиля - женское имя + -ш, Нәәмш /от нәәм "восемь" или Нәәм

- собственное имя + -ш/.

Собственное имя, образованное с помощью постфикса -ш, приобретает ласкательный оттенок, поэтому иногда детей при ласкательном к ним обращении называют, прибавляя к их именам постфикс -ш, например, Булна - Булнаш, Гиле - Гилэш.

Постфикс -ш образования личных имен не следует смешивать с постфиксом -ш образования имен существительных от глагольных основ, например, идиш "питание" /от ид-"есть, кушать" + -ш/, ууш "напиток, питье" /от уу-"пить"+ -ш/, дарш "сидос" /от дар-"закатывать"+ -ш/. В таких случаях существительные, образованные с помощью -ш, обозначают результат, предмет действия.

Постфикс -ш некогда, видимо, мог образовывать существительные от основ имен существительных, например, турш "протяженность во времени и пространстве". Прибавление постфикса -ш придало основе тур-, как отмечает Б.Х.Тодева, более общее отвлеченное значение: протяженность во времени и пространстве.⁴

Однако в современном калмыцком языке постфикс -ш не образует существительные от основ имен существительных, но зато с помощью -ш образуются личные имена от именных основ.

Постфикс -кл

Малопотребительная морфема. Используется для образования личных имен и названий типа прозвищ от основ имен прилагательных. Постфикс -кл придает слову значение обладания тем, что выражено производящей основой, например, Муукл - личное имя /от муу "плохой"+ -кл/, которое можно нередко встретить. С помощью постфикса -кл образуется название от основы сә- /ср сән "хороший"/. Дети, увидев ворону, обычно кричали: "Сәэкл, Сәэкл, сән зэңг кел..." - "Хороший, хороший, скажи хорошую весть...".

Словобразование имен существительных с помощью постфикса -кл от глагольных основ - явление нередкое, например, тескл "терпение" /от тес-"терпеть"+ -кл/, седкл "мысль, дума, размышление" /от сед-"замышлять, намереваться"+ -кл/. Однако, от основ имен прилагательных с помощью -кл могут обра-

зоваться только личные имена.

Постфикс -ча/-чә/

Он встречается в личных именах, образованных от основ имен существительных, прилагательных, числительных, глагольных основ: Уүлчә /от үүли "облако"+ -чә/, Насча /от нас-"возраст"+ -ча/, Арвча /от арв-"десять"+ -ча/, Чүүчә /от чүү- -чә, при чүүдә "красный, сирой", чүүкә "кровоокрасный"/, тузлча /от тузл "солить в рассоле"+ -ча/; Эәнчә /от эән - сокращенная форма имени Эрнц + -чә/. Но основа эән употребляется только в сочетании с постфиксом -чә.

Постфикс -д

С помощью -д образуются личные имена /в основном мужские/ от основ имен существительных, прилагательных, глаголов, личных имен: Утад - мужское имя /от ута-"дым"+ -д/, Улад - мужское имя /от ула-"красный"+ -д/, Морхад - мужское имя /от морха "быть широким, полным, вздутым, большим и рыхлым"+ -д/, Батад - мужское имя /от Бата - личное имя + -д/.

Постфикс -д употребляется еще в звательных именах, когда обращаются к старшим, например, Жеед - уважительное обращение к княгине, а также к старшим родственникам-женщинам. Аад - уважительное обращение к старшим родственникам-мужчинам.

Постфикс -д можно встретить в составе имен существительных, например, Хард "глубоководное место" /от хар "черный"+ -д, естественно, там, где вода глубока, темнее, чем мелководное место/, деед "почетное угощение, проба" /от дее - теперь нет такой живой основы, но она связана с понятиями "верх, над"+ -д/, бегд "скоба, двойной крючок, кольцо" /от бег - сейчас нет такого слова + -д/, дотад "нижнее белье" /от дота "внутренний, нижний"+ -д/, мууд "худоба, калека" /от муу "плохой"+ -д/. Постфикс -д трудно выделить из состава всего слова.

Постфикс -дә/-дә/

С помощью этого постфикса образуются только личные имена. По-видимому, он возник из соединения двух постфиксов: -д+ -ә /-ә/ - постфикса звательного падежа, но в настоящее время сегментировать его на составные части порой и невозможно: Бо-

ржа /вероятно, от бор "серый" + -жа/, Илэ /по-видному, от ил "ясный, открытый" + -жа/, Ноһажа /от ноһа "зелень, трава" + -жа/, Босхажа /от Босха - собственное имя + -жа/, Номһажа /от номһ - "тихий, спокойный" + -жа/, Муужа /от муу "плохой" + -жа/.

Постфикс -ужа/-үжа/

Используется в образовании личных имен, но имеет ограниченное употребление, например, Мөнкужа /от мөнк "вечный" + -үжа/, Эркүжа /от эрк "ласка, нежность" + -үжа/. Структурно состоит из двух постфиксов -у/-ү/, -жа/-жа/.

Однако это можно установить только путем этимологического анализа, сейчас же они слились в один постфикс -ужа/-үжа/.

Постфикс -тл

К числу постфиксов, которые участвуют только в личных именах относится постфикс -тл, присоединяемый к основам имен прилагательных, местоимений, и придает имени обладание тем, что обозначено производящей основой: Муутл - мужское имя /от муу "плохой" + -тл/, Энтл /от эн "этот" + -тл/, Тентл /сравните, тен-"там" + -тл/. Последние дез имени встречаются в сказках /"Энтл Тентл хойр хаана тууж"/, Хартл /от хар "черный" + -тл/, Шартл /от шар "желтый" + -тл/.

Постфикс -ня

Встречается, хотя и редко, в личных именах, образованных от имен существительных, прилагательных, глаголов. Постфикс -ня, придает имени уважительно-ласкательный характер: Мууня /от муу "плохой" + -ня/, Оня /от оо "порошок" + -ня/, Бодня /от бод /гисн/ "спокойный" + -ня/, Потня /от Пот + -ня/.

Постфикс -һа/-һә/~ -га/-гә/

Среди живых постфиксов обнаружить не удастся, встречаются исключительно в составе личных имен, образованных от основ имен существительных, прилагательных, глаголов: һооһа /от һоо "прямой" + -һа/, Мууһа /от муу "плохой" + -һа/, Сагга /от саг "осторожный" + -га/, Чадга /от чад "мочь, суметь" + -га/.

Выше были представлены постфиксы, которые употребляются только /или главным образом/ при образовании личных имен. Однако личными именами у калмыков может служить практически любое слово, обычно имена существительные, прилагательные, чис-

длительные, поэтому постфиксы перечисленных выше частей речи являются одновременно и постфиксами образования личных имен. Описание и морфологическая характеристика всех постфиксов, участвующих в образовании личных имен, значительно увеличили бы объем настоящей работы, да и многие из них так или иначе даются в соответствующих разделах учебников, то здесь целесообразно выделить наиболее употребительные постфиксы. К ним можно отнести следующие: постфикс -ч, который характеризует имя существительное по роду деятельности, так называемое *nomina agentis* : Хөөч /ср. хөөч "пастух овец, овцевод", от хө/н/ "овца" + -ч/, Үкрч /ср. үкрч "пастух коров, скотник", от үкр "корова" + -ч/, Саалч /ср. саалч "доярка", от сааль "надой молока, молоко" + -ч/, Төмрч /ср. төмрч "мастер по железу, кузнец, металлист", от төмр "железо, металл" + -ч/, Аңһуч /ср. аңһуч "охотник" от аңһу "охота" + -ч/.

Г.Ц.Пурбеев считает, что такие имена "точно определяли место своих носителей в социальной структуре калмыцкого общества".⁵ При этом он ссылается на высказывание известного калмыцкого писателя К.Эрендженова, который пишет: "Бедным, немущим людям вроде нас, давали раньше имена... Скотник, Чабан, Табунщик".⁶

Конвертивный способ образования личных имен

Другим активным способом образования личных имен в калмыцком языке, как и в других языках, является конверсия. Именно благодаря конверсии слова, которые являются прилагательными и выражают по своей природе признаки предмета, способны служить собственным именем людей. При этом меняется лишь категориально-грамматическое значение слова. Например, широко используются в качестве собственного имени прилагательные, обозначающие цвета - цаһан "белый", улан "красный", бор "серый", көк "синий", хар "черный", различное качество или состояние предмета - му "плохой" и производные от него слова, дудан "теплый", бүлэн "тепловатый", халун "горячий, жаркий", халһр "кривой", этцн "худой" и другие.

Будучи употребленными в качестве личного имени, такие слова, естественно, теряют свое признаковое содержание, субстан-

тивируются, как по своему значению, так и по своим проявлениям: выражают субстантивность и имеют, в отличие от прилагательных, парадигму изменений по падежам и числам, что не свойственно прилагательным в монгольских языках. Так, можно просклонять по падежам слова цаһан "белый", улан "красный", хадун "горячий", хоёр "плешивый":

цаһан, цаһана, цаһаныг, цаһанар, цаһанд, цаһанас, цаһанур
 улан - уланд, уланиг, уланар, уланд, Уланас, уланур
 хадун, хадунд, хадуниг, хадунар, хадунд, хадунас, хадунур
 хоёр, хоёрт, хоёрниг, хоёрар, хоёрт, хоёрас, хоёрур

Надо сказать, что калмыцкому языку вообще характерна конверсия – субстантивация имен прилагательных и, наоборот, адвербиализация имен существительных. Конверсия в калмыцком языке является одним из активных способов словообразования, поэтому не случайно широкое использование прилагательных в качестве личных имен, особенно часто встречаются прилагательные с постфиксом обладания на -тай/-тэй/: Далта от дал/н/ "семьдесят" + -тай = далта "семидесятилетний", Живртэ от живр "крыло" + -тэ = живртэ "крылатый", Нооста от ноос/н/ "шерсть" + -та = нооста "волосатый", Зегстэ от зегс/н/ "тростник, камыш" + -тэ = зегстэ "тростниковый", Герлтэ от герл "свет" + -тэ = герлтэ "светлый", Элстэ от элс/н/ "песок" + -тэ = элстэ "песчаный".

Одним из показателей субстантивации прилагательных является употребление их во множественном числе: улан – улачуд "красный – красные", цаһан – цаһачуд "белый – белые", хар – харчуд "черный – черные". Иногда образованная таким образом от прилагательных форма во множественном числе служит уже для передачи нового понятия, например, мус "оборотень, чудовище" /от му "плохой" + постфикс мн. числа -с/.

Аналитический способ образования личных имен

В настоящее время двусоставные личные имена встречаются только у людей пожилого возраста и то редко, хотя раньше, судя по данным исторических документов, фольклора и бытующим ныне фамилиям, двусоставные имена у калмыков употреблялись довольно часто. Анализ двусоставных имен и фамилий

позволяет выделить следующие их типы.

1. Сочетание путем примыкания личного имени с личным именем, например, Дорж-Һар, Бадм-Һарэ, Лядь-Һарэ. Нетрудно заметить, что здесь вторым компонентом является имя Һарэ, которое употребляется гораздо чаще самостоятельно, но такое сочетание характерно для некоторой части торгутского населения, где можно встретить /хотя и реже/ и другие сочетания как: Бадм-Манж, Цери-Очр, Шарв-Нимэ. Сюда можно отнести и двусоставные личные имена, образованные из личного имени и существительного типа Бадм-Хаалһ /Бадм— личное имя, но ассоциируется со значением "лотос", хаалһ "путь, дорога"/. Также редко встречаются личные имена, первый компонент которых является существительным, а второй личным именем, например, Це Манж /це "чугун", Манж - личное имя/. Однако в таких сочетаниях первый компонент выступает в качестве относительного прилагательного также, как и в часто встречающихся в калмыцком языке сочетаниях типа темр цорһ "железная труба" /букв. "железо-труба"/, чолун хаалһ "каменная дорога" /букв. камень-дорога"/. Поэтому двусоставные личные имена типа Це-Манж можно отнести к двусоставным личным именам, первый компонент которых - прилагательное, а второй - личное имя, восходящее к личным именам, существительным и другим частям речи.

2. Первый компонент - определение по отношению ко второму компоненту выступает, как правило, в сочетании с часто употребляемыми именами: Манж: Му Манж /букв. плохой Манджи/, Хар Манж /Черный Манджи/, Шер Манж /розовый, светлый Манджи/, Цаһан Манж /белый Манджи/, Бички Манж /маленький Манджи/, Ик Манж /большой Манджи/, Ах Манж /старший Манджи/, Цоохр Манж /рябой Манджи/, Бор Манж /серый с темным лицом Манджи/, Улан Манж /красный Манджи/. Эти примеры показывают, пожалуй, что первый компонент нередко был, по-видимому, первоначально прозвищем, а затем стал восприниматься носителем имени и его окружающими как неотделимый от второго компонента часть единого целого. Причиной такого возникновения и многообразия первого компонента был, вероятно, часто встречающийся в общес-

твz второй компонент Манж. Первый компонент нужен был, чтобы отличить одного носителя имени Манж от другого. Первый компонент, будучи определением по отношению ко второму компоненту, нередко указывает на мотивы наречения тем или иным именем: когда давали человеку имя Му кевун /букв. "плохой мальчик"/ или Му Хар /букв. "плохой черный"/, Му Манж /букв. "плохой Манджи"/ определяющим было, по-видимому, желание обмануть духов, представив дело в ином свете. Были и другие, по их мнению, способны добиться долголетия, а именно, представив носителя имени сильным, крепким, бессмертным, например, Бат-Темр /букв. "прочное железо, металл"/, Мөңк-Насын /букв. "вечный возраст"/, Бат-Насын /букв. "крепкий, вечный возраст"/. Некоторые имена отражают желание и чаяния, связанные со счастливой, радостной, богатой жизнью, с наступлением хороших времен. Таковы, например, имена Бат-Дирһл /букв. "прочное счастье"/, Сән-Цаг - женское имя /букв. "хорошее время"/, Байн-Кышг /букв. "богатое счастье"/, Байн-Хар /букв. "богатый черный"/, Сән-Белг /букв. "хорошая счастливая примета"/.

Дело в том, что рождение ребенка для калмыков было радостью и связывалось /поскольку ребенок был, по их мнению, носителем определенной, возможно, счастливой судьбы/, о их надеждами на счастливую жизнь, которая у бедняков ассоциировалась часто с богатствами.

По своей структуре двусоставные личные имена, первый компонент которых - определение, не отличаются от подобных аналитических образований в лексике, например, цаһан махн "прямая кишка", сән сәңгргг "сычуг" /у жвачных животных/, му сәңгргг "часть желудка" /у жвачных животных/.

Изложенное выше свидетельствует о том, что образование личных имен у калмыков происходит теми же путями, что и образование лексики в калмыцком языке - постфиксальными, конвертивными и аналитическими способами. Однако личные имена обнаруживают, во-первых, наличие в языке специфических для них постфиксов, во-вторых, сохранение постфиксов, которых давно уже нет в обычной лексике.

Для различных частей речи конверсия - один из не столь

широко распространенных способов словообразования, а для личных имен в калмыцком языке конверсия — обычное явление.

С н о с к и

- 1 Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Элиста, 1976, с.112
- 2 Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с.184-185
- 3 Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с.184-185
- 4 Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Элиста, 1976, с.113
- 5 Цорбеев Г.Ц. Дифференциальные признаки женских и мужских личных имен калмыков. — Ономастика Поволжья. Вып.2. Горький, 1971, с.58-63

МЕЖДОМЕТИЯ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Междометия, по словам академика В.В.Виноградова "составляют в современном языке живой и богатый пласт".¹ Но несмотря на это, данный разряд слов является одним из наименее изученных.

До сего времени междометия калмыцкого языка не отграничены четко от других частей речи. Так, А.Бобровников в своей "Грамматике монгольско-калмыцкого языка"² рассматривает междометия в составе частиц. Не все монголисты огласны между собой в отношении междометий и звукоподражательных /изобразительных/ слов. Г.Д.Санжеев,³ вслед за ним Б.Б.Бадмаев⁴ звукоподражательные слова включили в состав междометий. Л.Ш.Жагдаров в работе "Изобразительные слова в современном бурятском языке",⁵ рассматривая изобразительные слова отдельно от междометий, тем не менее склонен считать их как особую часть речи близкую к междометиям, или просто как междометия.

Против отнесения к междометиям изобразительных слов /или изобразительных основ/ возражают монголисты Г.В.Дагурев, Ц.Б.Цыдендамбаев, а также тюркологи А.И.Искаков, Л.Н.Харионов, С.Кудайбергенов, З.К.Ишмухаметов и др. Ш.Сарнбаев на материале казахского языка, сравнивая подражательные слова с междометиями в семантическом, морфологическом и синтаксическом аспектах, приходит к выводу о недопустимости отнесения подражательных слов к междометиям и о необходимости выделить их в самостоятельную грамматическую категорию.⁶

Поэтому не случайно в учебных пособиях, даже в последних изданиях, в категорию междометий включаются изобразительные слова, а порой и изолированные от предложений произвольные выкрики, рефлексорные процессы вроде чихания и смеха. Все это отрицательно сказывается на практике преподавания родного языка, вносит путаницу и разнобой в понимание самого термина "междометие".

Ввиду изложенного представляется необходимым выявление,

уточнение и упорядочение междометий вообще, в калмыцком языке в частности.

История изучения междометий показывает два противоположных направления в языкознании. Первое направление, положившее начало научной трактовке междометий, связана с именем М.В.Ломоносова. Она продолжена А.Х.Востоковым, Ф.И.Буслаевым, А.А.Шахматовым и В.В.Виноградовым. Согласно концепции этих ученых, междометия признаются самостоятельными словами, наряду со всеми другими словами, не отрываются от общей системы языка. Соответственно этому, данное направление признает необходимым изучение структуры междометий, их функцию в речи, историю их образования.

Второе направление, связанное с именами Н.И.Греча, Д.Н.Кудрявского, Д.Н.Овсянко-Куликовского, А.М.Пешковского и др., не считает междометие словами и исключает их из состава частей речи, смешивает биологическое с социальным, животный выкрик с междометием — фактом членораздельной осмысленной речи, актом сознательного речевого творчества; отказывается от изучения структурной и синтаксической стороны междометий или же снимает вопрос об изучении междометий вообще.⁷

Лишь в последние годы успешно преодолевается отставание в изучении междометий, связанное с традиционной недооценкой междометий как предмета исследования. О междометиях написаны статьи и диссертации по ряду индоевропейских, тюркских, а также монгольских⁸ языков.

Среди частей речи междометия занимают особое место. Понимаясь "выражением душевных переживаний отдельного человека, междометия вместе с тем социально осознаны, как общепринятое выражение эмоций целого народа, поскольку они, как и все слова в языке, получают определенное значение именно в коллективе."⁹

Если другие части речи связаны с интеллектуальной стороной речи, то междометие имеет более близкую связь с областью чувств и воли. Не имея обычного лексического значения, как другие части речи, многие междометия вместе с интонацией выражают совершенно определенные эмоции и ролеизъявления.

Но вместе с тем многие междометия многозначны и многофункциональны. Междометия не являются названиями чувств и волеизъявлений, а только их выражением. Междометия резко отличаются от других частей речи отсутствием грамматических значений: рода, числа, падежа; времени, лица, склонения и т.д. Не имеют они также обычных форм словообразования и словоизменения. По своей синтаксической функции междометия также отличаются от других частей речи, так как не могут быть членом предложения. И, наконец, междометиям свойственны особая интонация и высокая эмоциональность, которые служат усилению их выразительности.

Исходя из такого понимания междометий, мы должны отвести от них многие слова, неправильно причисляемые к ним и в первую очередь изобразительные /звукоподражательные/ слова. "Звукоподражательные слова являются той категорией речи, которые служат для образного представления живой, движущейся, звучащей действительности".^{Iб} Или же по словам Л.Ш.Шегдарова, "являются подражаниями, приближенными копиями тех звуков, которые человек постоянно слышит в своей жизни".^{II} Отсюда следует, что звукоподражательные слова не выражают чувств и переживаний человека, что является основным признаком междометия. В отличие от междометий звукоподражательные слова имеют множество форм словообразования и словоизменения.

Например: мээ - подражание бляению овцы > мээлх "блеять", мээллһн "блеяние";

бээ - подражание визгу /свиньи/> бээгх "визжать", бээглһн "визг";

күрд-күрд - подражание звукам тяжелых предметов > күрдһнх "громыхать";

хар-хар - подражание звуку колес телеги > хардһнх "тархтеть";

хур-хур - подражание урчанию в животе > хурдһнх "урчать";

таш-таш - подражание лопающимся предметам > ташх "хлопать, шлепать";

луг-луг - подражание ударам сердца > лугһнх "клокотать",

дугдлнн "клокотание" и т.д.

"Значение междометия чаще всего раскрывается в связи последующим за ним предложением, ибо междометие не имеет номинативной функции, не выражает отдельного понятия, что является характерным для слова, а представляет собой своеобразное целостное высказывание и являясь эмоциональным эквивалентом последнего, как правило, не входит в состав предложения в качестве его члена и ни с какими словами синтаксически не связываются. Оно находится в смысловых отношениях лишь с целым предложением, и эти отношения обнаруживаются только в интонации, а не в каких-либо грамматических формах".¹² Звукоподражательные же слова, а равным образом и образные слова типа гилд-гилд, урц-урц, альчч-альчч, цес-цес и др. не нуждаются в пояснении примыкающим предложением, а представляют собой конкретные явления внешнего мира и входят в предложение в качестве его члена: Зуркнь чсцнар "дуг-дуг" гиж цокна... /Э.К., Ш.к.б.т., 47/ Сердце его усиленно бьется "дуг-дуг" /"дуг-дуг" - обстоятельство/. Батан зуркнь "кирд" гиһед... /Э.К., Ш.к.б.т., 224/ Сердце Баты издавало звук "кирд"... /"кирд" - сказуемое, подражание звуку штыка, ножа, входящего в тело/.

Таким образом, большой арсенал звукоподражаний калмыцкого языка, неоправданно включаемый в состав междометий, не укладывается в рамки междометий ни по одному из признаков последнего.

Обладая свойствами не характерными для других частей речи, междометия являют собой особый пласт лексики, без которых не обходится разговорный язык. Еще Владислав Лудвигович Котвич заметил, что "в калмыцком языке наблюдается склонность к употреблению восклицаний и образных выражений, в виду чего имеется довольно большое количество междометий".¹³

По способу образования междометия калмыцкого языка делятся на две группы: первичные и производные /оказиональные/.

Первичными считаются междометия, которые возникли путем переосмысления произвольных выкриков, рефлекторных звуков и криков. Эти междометия "по своему происхождению не связа-

ни с какими-либо знаменательными частями речи и являются внутренне нерасчлененными и грамматически неоформленными знаками эмоционального и волевого содержания".¹⁴

В калмыцком языке имеются следующие первичные междометия:
А-а, чи энд кэддг билч? /Б.С.,Т.х.,60/ А-а, ты здесь работаешь?

Ай, чон, чи одо чиги генч /Х.т.,72/ Ай, воляк, ты все еще наивен.

Ах, санаһан биче зовтн, санантн эрк биш күцх /Э.К.,Ш.к.б.т.,176/ Ах, не печальтесь, ваше желание обязательно исполнится.

О, Бадмтн эвр залу болад бээж /Э.К.,Ш.к.б.т.,157/ Ого! Ваш Бадма стал хорошим мужчиной.

О-о, оон хээдг Нусха-Му хуурч билтэл... /Х.т.,46/ О-о, охотник не сайгака-роголя Нусха-Му видать пропал...

Ой, Булһн ирж /Э.К.,Ш.к.б.т.,170/ Ой, Булгун пришла.

От, күүкн гидг эн /Б.С.,Т.х.,46/ Вот, эта девушка!

Вай-вай! Одак келэд бээсн үг үүнэ чикне һазар оч /М.Н.,К.х.,39/ Ой, ой, сказанные слова мимо ушей его пролетели.

Вой-вой! Үд хол кецэж, - гив /М.Н.,К.х.,137/ Ой, ой, обещанное время давно прошло - сказал я.

Йо-о. кеерк, хама тенэд йовнач? /Э.К.,Ш.к.б.т.,166/ О-о, бедный, где ты блуждаешь?

Йо ях. һарм кешэд бээв. /Э.К.,Ш.к.б.т.,216/ Ой-ой, рука моя онемела.

Йо, я ях! Зуудг заңган хаяд угавч... /Э.К.,Ш.к.б.т.,116/ Ой-ой! Ты еще не бросил привычки кусаться...

Не, тер уга, ав /Б.С.,Т.х.,70/ Ну, ничего, бери.

Нэ, ханжаһав чамд, Бадм /Б.С.,Т.х.,70/ Ну, спасибо тебе Бадма.

У-у, жила, - гинэд замчан көөчкв /Х.т.,127/ У-у, пошел вон, - сказав, прогнал своего повара.

Уй, энчн Үлмж бээж /Э.К.,Ш.к.б.т.,96/ Ой, да это же Улимжи.

Ура! ... ода седкл төвкнүн йовж чаджанав, - гиж Бата хээкрэд, Муузраг одад күзүдв /Э.К.,Ш.к.б.т.,229/ Ура!... теперь

могу ехать со спокойной душой, - закричал Бата, бросаясь на шею Муузре.

По, мууха як юм хармнжахмч /Х.т., 126/ О-о, нашел что жалеть.

По, по, үксн күүнлэ эмд кү лһж хадһлв /Х.т., 127/ Ну и ну! Разве можно с мертвецом живого человека держать.

Пе-е, мини ээмг алвт иим өнр-өсклц болхов.../Х.т., 127/О-о, неужели мои владения такие обширные.

Пуф, нег-му үнр һарад бөөнэ "Фу, какой-то дурной запах идет".

Фуф, намаг иигж йовсн цагтм Дулахн үэснь болхнь /Э.К., Ш.к.б.т., 160/ Ох, если бы увидел Дулахан, когда я был таким.

Хух, муурад бээв "Уф, устал же я".

Ха, тиим юм һарһх көвүн биш билэл /Х.т., 126/ О-о, не такой он был мальчик, чтобы совершить такое.

Хей, орс /Э.К., Ш.к.б.т., 187/ Эй, русский.

Хе-хе-хеей! Адунд хулхач орад, хаһад булаж йовна /Э.К., Ш.к.б.т., 95/ Э-э-эй! Вор, пробравшись в табун, стреляя отбивает.

Хо, хо!... Ик мектэ аңилһн /Б.Б., Б.о., 145/ Ого!... Весьма хитрый лов.

Хой! Мана күн хэрү деернь һарад авчквв /Б.Б., Э.т.ч., 119/ Ой! Наш снова наверху оказался.

Ха-ха!... Хе хэрүлхэр арви жилин дуусн сурһуль даслч? /Ж.А., И., 18/ Ха-ха!... Десять лет ты училась, для того чтобы овец пасти?

Хм, юцгад зөрмдөн? /Б.С., Т.х., 29/ Гм, почему изредко?

Э-э, Занда, Занда. Чи ода чигн хальмгин авьяс сөөнөр мелед угач /Э.К., Ш.к.б.т., 184/ Э-э, Занда, Занда, ты до сих пор хорошо не знаешь калмыцких обычаев.

Э-эх, би энд бөөснь болхнь /Э.К., Ш.к.б.т., 203/ Э-эх, жил бы я здесь.

Э-эд! Элэ кевтэ эргэд од, иг кевтэ ээрэд ол /Э.К., Ш.к.б.т., 215/ И-и-их! Как орел прокружись, как веретено вертись.

Ю-у, ээжэнөр! Тиим сән-сөөхн бөөһе бөөж, ода яһжана гилгтн терв? /Б.С., Т.х., 72/ Ужас! Так хорошо жили, что же вы

делаете теперь?

Я, аав, юн гидг юмнд зовжахмт? /Х.т., 80/ Ой, дедушка, о чем Вы беспокоитесь?

Ях-ях! Иим зовлц биче үзгдг "Ой-ой! Да не прийдятся такие страдания."

К производным или окказиональным междометиям относятся слова и устойчивые фразеологические сочетания контекстуально употребляемые без своих основных значений и ставшие, таким образом, простыми выразителями чувств и волеизъявлений. Таковыми являются следующие междометия:

Дэрг-дэрг, ээж-аав минь /Э.К., Ш.к.б.т., 190/ О, боже, батюшки мои. Междометие дэрг может быть и составной частью другого междометия - дэрг ээлдг. "боже упаси."

Или! Үзгдл уга од. "Прочь! Сгинь с глаз."

Ю тете, яһси ичр уга күмб? /Э.К., Ш.к.б.т., 178/ Фу, какой бессовестный человек!?

Я тете, моһад күн оддмб? /Х.т., 47/ Фу, разве можно за змея замуж выходить? К последним двум междометиям близко примыкает междометие иш тете., первая часть которого иш является усеченной формой от чиш., что близко к русскому тыфу.

На-па! Герэн цуцх биле... /Х.т., 48/ Караул! Кибитку разбирать надо...

Ца-на. банд орад күрч ирв /М.Н., К.х., 61/ Караул, банда пришла.

Нохадьг. Это междометие характерно для диалогической речи. Образовалось путем исторического слияния двух слов ноха и дг > нохадьг "пусть собака съест".

Мэтн танд! /Б.с., Т.х., 36/ Вот те на!

Тенгр! Һазр! Үни болхви? /Б.Б., Б.о., 162/ О небо! Земля! Правда ли?

Тенгр цокг. темэн дөвсг. Чининнь төлө шатжасн түүмрэр болв чигн орад чомдаһичи авч ирхе /Э.К., н.х., 193/ Да порази меня гром, да лягни меня верблюд. Ради тебя твой чемодан из горящего пламени вынесу.

Хэлрис, хэлрис! Авад од, өскөһөрн эргед од... /Э.К., Ш.к.б.т., 209/ Гоп, гоп! Завладей, на каблучке ты провернись.

Хурда болон бүс, альдас ухандм орж ирв тер /Б.С., Т.х., 67/
У-у, проклятый пояс, откуда он пришел мне я голову.

Йо чавас, яһсн гәни күмбт? /С-Б.Х., Х.ч.а./ Ай-ай, до чего Вы наивны?

Чамэ! ...Кышва Доржас келтэ некдирәсн салат... /Э.К., Ш.к. б.т., 164/ Я тебя! ... Из-за проклятого Дорджи отбидись от спутников...

Долан ууд! Дәкд тийм дән һазр дээр бичә үзгдг /С-Б.Х., 3. т., 26/ Боже упаси, чтобы еще раз на земле случилась такая война.

Уга, долан уудд бәг. кн үүлтә домбр харһв нанд /Э.К., Н.х., 32/ Нет, боже упаси, что за черт мне навязался.

Чавас! Чингнән баас /Л.Ц., Ш.б.п., 120/ Ой, беда.

Чингнән махн! Олна нүдн хама бәэсн болхв /М.Н., К.х., 72/
Ой, беда! На что же люди смотрели.

Э-э, эзән залыг. мартн гижәдв. Эндр асхн күүкднн хорад иртн гилә /Э.К., Ш.к.б.т., 34/ Э-эх, черт, чуть не забыл. Сказали, чтобы сегодня вечером пришли в детскую комнату.

Д-у ээжөнөв! Гертәя бәэжәһәд, күүкәрн икринә гидг... Ичкөвт /Б.Б., Б.о., 136/ Ой, ужас! Девушка, находясь дома /у родителей - В.О./, двойней разродилась... Позор!

Яһдав, яһдәз. Девжә, яһсн күмбчи /К.С., Ө.м., 56/ Ой-ой-ой, что ты за человек, Девдже!

Я, яһдав. зәһситн гелд авад зулж олд /Х.т., 42/ Ой, караул, вашу рыбу гелюнг взял и убежал!

Яһда хәлг. яахмб? - гиж директор хәәкрв /Н.М., О.к., 3 / Ой яй-яй! Как быть? - закричал директор.

Междометия калмыцкого языка по своему значению делятся на две группы: эмоциональные междометия и императивные междометия. Эмоциональные междометия выражают различные чувства и переживания говорящего, отношение к речи и действиям собеседника, его эмоциональную характеристику и оценку обстановки. Большинство эмоциональных междометий калмыцкого языка многозначно. Таковы, например, междометия ай, э-э, а-а... и др. В зависимости от степени и характера интонации эти междометия могут выражать самые различные оттенки человеческих

чувств. Но тем не менее многие эмоциональные междометия имеют устойчивые значения и могут выражать конкретные чувства и переживания. К ним относятся:

1/ междометия, выражающие сожаление или досаду: Ай!, Э-эх., Чавас!. Хух йир: Чавас, эн көвүн тедн дотр ю кежэхмб? "Эх, что делает среди них этот мальчик?";

2/ междометия, выражающие удивление и одобрение: Уй.ю-у., о-о., пе-е. хой. не-е: Уй, энчн юмб? /Х.т.,125/ Ой, что это у тебя?. У-у, эннь яһси эмтэхн махмб /Х.т.,46/ Ого, какое это вкусное мясо. О! Йдста хальмгин зокал меддг "күргн" бөөд эн-ти гиж шууглдв /Э.К.,Ш.к.б.т.,228/ О! Знающий истинные калмыцкие обычаи "жених" - зашумели все ;

3/ междометия, выражающие брезгливость и омерзение: Бөһк!, Тфү!, Чиш!, Пуф!, Тетә!, Иш тетә!, Иг тетә!, Ю тетә!, Я тетә: Бузр, буг, тфү! Бидн теднәс бөквди /Л.Ц.,Ш.б.п.,121/ Грязь, сор, тфү! Мы ушли от них. Күзүцә балычг, чиш /Л.Ц.,Ш.б.п.,122/ Грязь по шею, тфү ;

4/ междометия, выражающие испуг, тревогу: На-па!, Яһла халг!, Цалан уул!, Дөрк эелдг! : На-па! Маңһдурк нуужәнәвидн "Караул! Завтра кочуем". Цаатн, яһлав халг... цаһачуд орад вашна /К.С.,Ө.м.,17/ Беда! Вот белые подходят ;

5/ междометия, выражающие физическую боль, душевное страдание, скорбь, усталость: Ях-ях!, Яһлав!, Яһлав халг!, Хух!, Хуф! : Яһлав. яһлав! Маңһдурк яахмб? "Ой-ой-ой! Что будет с завтрашним?". Ях-ях! Үкчәнәв "Ох-ох, умираю". Хух. муурад бөөв "Уф, устал я" ;

6/ междометия, выражающие гнев, злость, угрозу, возмущение: Чама/й/, Чама!.. Дәкч ирдг болвзач "Я тебя! Попробуй приходи еще раз" ;

7/ междометия, выражающие насмешку, иронию: Ха-ха!, Ха биз!, Пусс!, Нохөдг! : Ха-ха. йир чадн угач /Х.т.,74/ Ха-ха, навряд ли сможешь! Хә биз. хәру ирхн уга /Э.К.,Ш.к.б.т.,135/ Ха, навряд ли назад вернется!

Императивные междометия, резко отличающиеся по своему значению от эмоциональных междометий, выражая волеизъявления и побуждения, по своему значению делятся на междометия призыва

и обращения: Хей, наартн /Э.К., Ш.к.б.т., 96/ Эй, идите сюда; и междометия побуждения: Альков!, Ура!, Хэдрис!. или Хэррис!. Чш-ш: Альков, писар наарлч /Н.М., О.к., 7 / А ну, писарь, иди сюда. Чш-ш! - требование соблюдать тишину. Хэдрис, хэррис - ободрение танцующих. Ура! - побудительный боевой клич. Происхождение последнего междометия до сих пор не выяснено. Исследователь русских междометий А.И.Германович возводит ура к якутскому, Г.В.Дагуров - к общемонгольскому глаголу оря "войдем". В калмыцком языке "ура" имеет номинативное значение боевого клича - пароля. Например: Туужа! - боевой клич или ура племени керэд. Орчуд! - ура /боевой клич/ зкигаров. Ээткэ! - ура бузавов-гелнгиакинов. Эти боевые кличи сохранились с тех давних времен, когда каждые этнические подразделения калмыков /ойратов/ имели свои ура, которые служили своего рода отличительным знаком-паролем того или иного племени. В связи со сказанным небезынтересно привести пример из калмыцкого героического эпоса "Джангар": Эгч хойр сард эврэ, күүнөһөн таньдл уга ура ураһарн урадад, оли бум цэргэн онц-онцар таслддад одв. ¹⁵ "Ровно две месяца не распознавая ни чужих, ни своих, каждый со своим ура /ключем-паролем - В.О./ разделились по отдельным группам многие сотни тысяч войска". Что касается междометия ура!, выражающего радость, то оно заимствовано в калмыцком языке из русского.

Здесь же относятся слова клича и отгона животных и птиц. Хд! - для остановки движения коров, овец, коз. Хэч! - для отгона коров. Цог! Цсг! - для побуждения верблюда лечь для посадки человека. Сэг! - "на колени" /о верблюде/, ср.: сэгд/х/ "учтиво вежливо кланяться" /Дж./. Хоч! Хоч! - для подема верблюда. Чаг! - для отгона коз. Чаг-чагра - для остановки движения коз /по данным Б.Б.Бадмаева/. Тур! - возглас, чтобы верблюд пил. Но! - понукание лошади. Чоо! - понукание быков. Дрр! - для остановки лошади. Чу! - для подсылки ковы вперед /по данным Б.Б.Бадмаева/. Чуш-чуш - для клича свиней. Туш-туш - для отгона свиней. Хо-хо! - для подзыва дойной коровы к подсосному теленку /по данным Б.Б.Бадмаева/. По данным В.Л.Котвице для этой цели используются

слова хөвэ-хөвэ. Гидь! - для посылки собаки в погоню за зверем. Цегэ! - окрик на собак (по данным В.Л.Котвича/. Кс-кс-с - для клича кошек. Пярс! - для отгона кошек. Тип-тип или типа-типа - для клича кур. Хиб-хиб - для клича цыплят. Кыш-ш - для отгона кур. Хай-хай! - для успокоения стада овец, встревоженных чем-то.

Следует отметить, что не все указанные выше слова клича и отгона животных носят всеобщий характер в языке калмыков. В разных районах Калмыкии отмечены свои, отличающиеся от вышеуказанных, слова. Так, например, в языке икидербетов имеются слова: Һадь! - для подъема верблюда, чуг-чуг! - для клича свиней, хулю, Һулю! - для отгона свиней, Һов-Һов! - для подзыва коров, белэ-белэ - для подзыва овец, суг-суг - для натравливания собак.

Отводя от междометий многие слова неправильно причисленных к ним, необходимо помнить, что междометия не существуют изолированно от других разрядов слов. От некоторых первичных междометий могут образоваться слова других частей речи. Так, например, от калмыцкого междометия ях образовался глагол ях-лх "охать, стонать". Кроме того, междометия, субстантивирясь, могут выступать и в качестве отдельных членов предложения - подлежащего, дополнения и именной части составного сказуемого: Селэнд болдех хүрмэс "хэдрис" соңгсгдэд бэев "Со свадьбы, проходящей в селе, слышится "гоп-гоп". В этом случае междометия, утратив свой основной признак выражать эмоции и волю говорящего, становятся простыми их названиями.

Междометия могут выступать в качестве необходимого структурного элемента в предложении. Например, если в конструкции Ай, энча кергте юмн биш /Б.С.,Т.х.,67/ "А-а, это ненужная вещь" междометие не является членом предложения, поскольку ее изъятие не ведет к изменению общего смысла, то в построениях типа Ю, хээмн, күн медерхла, ях-ях, ухан чигн геедред, күн мартмха болнал /Б.С.,Т.х.,20/ "Э-эх, когда стареешь, ой-ой, и разум теряется и забывчивым становишься" междометия выступают уже в качестве необходимого конструирующего элемента, так как с его изъятием в предложении ослабе-

вает общее значение сожаления, досады.

Междометия характерны максимальной эмоциональной нагруженностью при минимальном расходе лексического материала. Например, то что выражается целым предложением, можно выразить одним междометием. Можно сказать "Я удивлен, что тебя здесь вижу" и то же самое можно выразить одним словом Ба!, что приблизительно соответствует калмыцкому междометию Ю-у! Эта особенность, максимальная эмоциональная и смысловая нагруженность на единицу слова, условно приближает междометия с пословицами и поговорками — образцами высокоорганизованной речи.

В калмыцком языке происходит непрерывный процесс пополнения и обновления междометий. Под влиянием сильной эмоциональной экспрессии некоторые слова и выражения со временем утрачивают свое первоначальное лексическое значение, и тогда слово или выражение превращается в эмоциональное восклицание, то есть в междометие. Например, сравнительно недавно перешло в междометие знаменательное слово мэти "возьмите". Тенденцию к переходу в междометия обнаруживает глагольное слово авчати "возьмите-ка" /возглас слушающего что-либо интересное/.

Междометия, таким образом, являются важнейшим средством выражения эмоций и волеизъявлений. Рассмотренные нами междометия еще раз подтверждают то, что калмыцкие междометия чрезвычайно богаты по содержанию и способны выражать самые сложные чувства и переживания человека.

С н о с к и

1. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947, с.745-761
2. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1842
3. Санжеев Г.Д. Грамматика-бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941, с.47-48
4. Бедмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1966
5. Шагдаров Л.Ш. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962

6. Сарыбаев Ш. Подражательные слова и их отношение к междометиям. Изв.АН Казахской ССР, вып. I-2, Алма-Ата, 1954
7. См. Д.Н.Кудрявский. О происхождении языка. СПб, 1912; Д.Н.Овсянко-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб, 1912; А.М.Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938
8. Дагуров Г.В. О междометиях бурятского языка. Труды БКВИИ СО АН СССР, вып.3. Улан-Удэ, 1960, с.95-101
9. Современный русский язык. ч. II. Морфология и синтаксис. М., 1964, с.246
10. Ишмухаметов Э.К. Звукоподражательные слова башкирского языка. Автореферат канд.дисс. Уфа, 1970
11. Шагдаров Л.Ш. Указ.соч., Улан-Удэ, 1962, с.43
12. Дагуров Г.В. Указ.соч., с.98
13. Котвич В.Д. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929, с.342
14. Грамматика русского языка. т. I. М., 1953, с.675
15. Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Элиста, 1976, с.172

-
Б.Е., Б.о.	- Бэсэга Баатр. Бумбин эрн. Элст, 1971
К.С., Ө.м.	- Калян Санж. Эрүн маңһар. Элст, 1966
Л.Ц., Ш.б.п.	- Леджэ Цери. Шулгүд бола поэмс. Элст, 1958
М.Н., К.х.	- Мандин Нимгр. Келврумдин хураңһу. Элст, 1959
Н.М., О.ү.	- Нарман Морхад. Олна үрн. Элст, 1973
Э.К., Ш.к.б.т.	- Эрндэнэ Константин. Шулгүд, келврумд бола туукмуд. Элст, 1964
Э.К., һ.х.	- Эрндэнэ Константин. Һалан хадһл. Элст, 1972
Х.т.	- Халымг туульс. Элст, 1962

О НАЗВАНИЯХ РЫБ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Варяду с экстенсивным животноводством, часть монгольских народов с древних времен занималась земледелием и рыболовством. Об этом имеются многочисленные свидетельства. Прежде всего хочется отметить то, что археологические памятники бассейна реки Онон означают на вещественном материале неизвестную ранее страницу из истории монгольских племен и их соседей в первом тысячелетии нашей эры. Часть древних монголов, так называемых "водных монголов" /су-монгол в работах Пьеро де Карпини и В. де Рубрука/, живших на берегах рек Онон¹ и Керулена, в основном занималась охотой и рыболовством.¹ По словам В. де Рубрука, "от того места, где я назвал Мангу-хана, до Катайн было 20 дней пути в направлении к юго-востоку, а до Онон-керуле, настоящей земли Моаляв, где находится двор Хунгиса, было 10 дней пути прямо на восток, а в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы по имени Су-моал, т.е. моалы вод, ибо Су значат вода. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких".²

Как свидетельствует Б.Я.Владимирцев, рыбная ловля занимала немаловажное место в экономике монгольских племен XII-XIII вв. Тем не менее "в некоторых случаях довольно трудно провести грань между "лесными" охотниками и "отепными" скотоводами: были племена, стоявшие на переходной стадии, были племена или ветви племен, ответвлявшиеся роды и семьи, которые то вели охотоводческое хозяйство, то занимались охотой и рыбной ловлей".³

Занятие рыбной ловлей у монголорыцких народов не забылось и в новое время. Часть калмыков занимается рыболовством в Каспийском районе. У части ольхонских, а также кабанских и байкало-кударинских бурят на Байкале основным хозяйственным занятием является рыболовство вот уже в течение трехсот лет, т.е. после перекочевья их на восточную сторону Байкала и в дельту реки Селенги. Вполне возможно, что до перекочевки кабанские и байкало-кударинские буряты относились к тем "лес-

ним" племенам прибайкальских бурят, стоявшим на переходной стадии.

Таким образом, ловля рыб является одним из традиционных занятий бурят и поэтому у них встречаем довольно много названий по рыболовству.

Во многих местах "Сокровенного сказания" ⁵ говорится о рыбах, служивших продуктом питания для монголов того времени, а также о предметах их ловли, многие названия которых сохранились у монгольских народов до сего времени. Например:

"Сокр.сказ."	монг.	бур.	калм.	русс.пер.
туду	туи	тула	тул	таймень
хилэмэ	хилэм	хилмэ	бекр	осетр
хадара	хадар	хадара/н/	хадри	харлуос
дзэбэгэ	зэбэг	зэбгэн	-	линок
чурака	цурхай	сурхай	цурх	щука
дхирэмут джигасу	хихиг загас	харахай	хирмэхэ	малявка, милек
сохосун	-	-	-	блестящая рыбка
келми ~ гелми	гувчуур	гүльми	гөлм	сеть
губчуур	гувчуур	губжуур	шүүгүл, гөлм	невод
элгүүр гүүчи	хахуул, гох, гохли	хахуули	хохо	крючок, удочка

Из данного списка видно, что названия рыб и орудий их ловли почти полностью сохранились до наших дней за исключением сохосун "блестящая рыбка" и элгүүр гүүчи "удочка". Теперь трудно сказать, как выглядела эта "блестящая рыбка" - сохосун, т.е. сходного названия не обнаруживается. Что касается удочки, то она ныне именуется по-другому - хахуули. Все эти названия, надо полагать, по своему происхождению относятся к древне-монгольскому языку.

Большинство исследователей предполагает, что первоначально предки монголоязычных племен жили в лесных районах Яблоневского хребта и верхней части бассейна Амура, занимались главным образом охотой и рыболовством. По мнению некоторых ученых именно от этого раннего "лесного" периода истории монголов в их языке сохранились названия крупных речных рыб.

Кроме указанных выше имеются другие названия рыб, которые бытуют не во всех, а в одном или двух монгольских языках.

Например:

монг.	бур.	калм.	русск-лэр.
цагаан загас	цагаан загаһан, сэг	цевн	сег
цулбуурт	холбардой загаһан, сом	жаалг, цулирт	сом
гутаар /загас/	гутаар	налим /заһси/	налим
будуу цагаак	сазан, һал /редко/	сази /заһси/	сазан
саибарс	барга загаһан, мургэ	мерг	
монгон сугас ялаагана	ялаагана, улаа педэн	-	сороба
алгана	алгана	жерг /заһон/	окунь
будууцгай	будуусхай, язь	оньг заһси	язь
-	елоон	-	елец
хаб загао	хаб, хаб загаһан	хав заһси	нерпа
омоль /загас/	омоли	-	омуль

Из этих параллелей видно, что многие названия рыб и снастей совпадают в бурятском, монгольском и калмыцком языках. В то же время в названиях обнаруживаются отдельные несоответствия, что приходится в основном на калмыцкий язык. Здесь, видимо, сказались различное географическое расположение носителей этих языков: калмыки живут территориально оторвано на значительном расстоянии от двух других монгольских народов и наименование рыб и снастей у них шло своим самостоятельным путем нежели у монголов и бурят, которые как близкие соседи могли заимствовать слова друг у друга. При этом нужно учесть и тот немаловажный фактор, что рыбы и снасти для их ловли могут иметь свои существенные различия. Так, рыбы, обитающие в Байкальском озере не могут быть в Каспийском море и наоборот.

В бурятском языке отдельные названия рыб заимствованы из русского языка. Они подверглись сильной модификации в соответствии с произносительными нормами бурятского языка, например, омоли "омуль", елоон "елец", сазан "сазан". Имеются единичные заимствования из эвенкийского: бур. хөөлэнтэи, эвенк. хөдөмтэ "карась". При этом название омоль "омуль", возможно, проникло в монгольский язык через бурятский, так как омуль в

Монголии не водится, а обитает только в озере Байкал.

Некоторые рыбы, которые водятся в реках и озерах Бурятии, имеют местные диалектные названия в говорах, хотя в литературном языке им соответствуют заимствования из русского языка. Так, например, онон.-хамн. цурбалт, даланту, бур. сом, редко холбордой загаһан "сом"; онон.-хамн. морин дзагасу, бур. "рыба-конь амурский"; онон.-хамн. бүргэ мүргэ, бур. сазан, редко һал барга загаһан, мүргэ "сазан"; онон.-хамн. улаан сүүл, бур. "краснопер"; онон.-хамн. кэлтэгэ. бур. хөөлэнтэй "карась"; онон.-хамн. цордон, барг. сордон, хорин. сордо "шуренок"; байк.-куд. тоһон жараахай, бур. "голомянка"; байк.-куд. хэлбэрүүэн, бур. сагаан загаһан "сиг"; барг. шоошмой, бур. сурхай "щука" и др.

Название сазана у ононских хамниган мүргэ~ бүргэ совпадает с названием этой рыбы у калмыков мөрг заһса, что, возможно, является более ранним названием этой рыбы и сохранилось только у калмыков и ононских хамниган.

Основными орудиями для ловли рыб у бурят издавна служили невод, сеть и удочка. Но со временем появились и современные средства ловли - спиннинг, перемет и другие.

Слова, обозначающие названия рыб, в бурятском языке образуются различными способами: аффиксальным и лексико-синтаксическим. В частности, некоторые названия образованы с помощью следующих аффиксов:

- уур: губшуур "невод" от губшаха "неводить";
- аа гана: ялаагана "сорог" от ялагар "блестящий";
- лту/-а/: цурбалту/а/ "сом" от цурбагар /цурагар или сурегар/ "тощий, гибкий, скользкий";
- ту/а/: даланту/а/ "сом" от далан "загривок жира".

Родовые названия загаһан "рыба" и жараахай "малявка, малек" часто входят в состав сложносоставного названия и выступают в функции словообразующего формата. Так образуются отдельные названия рыб. Например, сагаан загаһан "сиг" /от сагаан "белый" и загаһан "рыба"/, хаб загаһан "нерпа, тюлень" /от хаб и загаһан "рыба"/, тоһон жараахай "голомянка" /от тоһон "жир, масло" и жараахай "малявка, малек, рыбешка", могой

жараахай "пиявка" /от могой "змея" и жараахай "малявка, малек, рыбешка"/.

В связи с развитием бурятско-русского двуязычия некоторые названия рыб начинают отходить в пассивный словарь. Вместо них все чаще употребляются русские заимствования. Тем не менее старое поколение сельских жителей помнят эти оригинальные названия и активно употребляют их в своей речи.

С н о с к и

- 1 Окладников А.П. Бурхотуйская культура железного века в юго-западном Забайкалье. "Труды БКНИИ СО АН СССР", вып.3, серия востоковедная, Улан-Удэ, 1960, с.28-29
- 2 Иоанн де Плано Карпини. История монголов. В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1911, с.16,133,134
- 3 Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, с.35,39,40
- 4 Абашеев Д.А. Заметки по говору байкало-кударинских бурят. "Записки бурят-монгольского НИИК", XXI, Улан-Удэ, 1956, с.133
- 5 Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941, с.271, 531, 532, 556, 574 и др.
- 6 Названия рыб в монгольском и калмыцком языках взяты из существующих словарей
- 7 Ramstedt G.I. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, S.226 (b).

байк.-куд.	- байкальский-кударинский
барг.	- баргузинский говор бурятского языка
онон.	- ононский говор бурятского языка
хамн.	- хамниганский говор бурятского языка
хорян.	- хоринский
эвенк.	- эвенкийский

"ЦАГАН САР"

Название калмыцкого праздника "Цаган Сар" обычно переводят "белый месяц", однако понимая, что этот буквальный перевод ни о чем не говорит, добавляют, что это праздник наступления весны.¹ Значение слова цаган, которого все знают как "белый", трактуют обилием молочных продуктов "цаган идэн" после зимнего приплода скота.

Время проведения "Цаган Сар" первый бурятский ученый Д.Банзаров пытается связать с русским праздником масленицей, сырной неделей, опять-таки связывая с молочными продуктами.

В древности "Цаган Сар" был /да и сейчас есть, например, у вьетнамцев/ праздником нового года и проводился осенью. Об этом также говорит Д.Банзаров. Он пишет, что происхождение названия белого месяца толкуют различно, так как этот праздник в старину совершался осенью, то надобно думать, что название это произошло от слова цага "творог", потому что осенью, когда скотина мало доставляет молока, начинают есть творог. Поэтому цаган сара можно переводить: "творожный месяц" или "белый месяц". Цаган по-монгольски и значит "белый". Мы держимся последнего перевода, пишет Д.Банзаров, потому что он уже давно принят. По такому же поводу август называется у бурят /в наше время этого нет - Н.У./ месяцем молочным и, вероятно, предшествовал белому. Как бы то ни было, празднование белого месяца принадлежит к древнейшим народным обычаям Средней /Центральной - Н.У./ Азии, ко временам, предшествовавшим эпохе Чингис-хана.²

С принятием монголами буддизма³ празднование "Цаган Сар" перенесли на конец зимы. На праздновании все поздравляет друг друга, обнимаются и /в древности монголы здороваясь обнимались/ говорят мендэ "здравствуй" и т.п. приветствия.

Описание празднования "Цаган Сар" у монгольских народов дает известный путешественник XIII в. венецианец Марко Поло. Он пишет: "Большой праздник, в начале их года, зовется белым праздником. Год у них начинается в феврале, по обычаю все

одеваются в белое. Белая одежда у них почитается счастливой, поэтому одеваются в белое, чтобы во весь год было счастье и благополучие, друг другу дарят белые вещи, обнимаются, веселятся, пируют, чтобы счастливо и по добру прожить весь год. В этот день весь народ, все страны, области и царства и все, у кого от великого хана земли в управлении, приносят ему большие дары, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, множество дорогих белых тканей... В этот день дарят великому хану более ста тысяч славных и дорогих белых коней. В этот же день выводят пять тысяч слонов под белыми, зверьями и птицами вышитыми, попонами; у каждого слона на спине по два красивых и дорогих ларца, а в них посуда великого хана и богатая сбруя для этого белого сборища.

Выводят еще многое множество верблюдов; они также под попонами и навьючены всем нужным для дара. И слоны, и верблюды проходят перед великим ханом, и такой красоты нигде не видано".⁴

Можно сказать, что Марко Поло подтвердил значение слова цаган, которое в калмыцком языке имеет большое количество различных семантических нюансов. Цаган - это не только "белый", это и "светлый, благородный, чистый, святой, хороший, добрый".

Как было выше сказано, на этом празднике все приветствуют, поздравляют, желают друг другу здоровья. Это по-калмыцки называется /производным от цаган словом/ цагалх "приветствовать, здороваться".

В связи с поднимаемой здесь темой следует отметить, что у калмыков есть выражение "залу кун мерн деерес цагалдго", т.е. по калмыцкому этикету вообще, вне связи с "Цаган Сар", мужчине не положено здороваться, сидя верхом на коне.

Если перекинуть обратно от цагалх к цаган семантический мост, то слово цаган будет иметь значение не "белый", а "приветствие, поздравление; здоровье". Такой вывод подтверждается материалами родственных тюркских языков. Например, в туркменском языке есть слово сагат "здоровый, крепкий", сагат едом "здоровый человек", сагат болмак "быть здоровым, креп-

ким", сагатлык "здоровье".⁵

Если принять во внимание закономерность чередования ц/с, свойственную тюрко-монгольским языкам, то обнаружим здесь один и тот же корень цаба /цага/ сага.

Итак, слово цаган, кроме вышеуказанных, имеет еще значение "здоровый, крепкий, здоровье, приветствие, поздравление". Отсюда название "Цаган Сар" соответственно должно переводиться как "месяц приветствий, месяц поздравлений". Тем более ни на каком другом празднике калмыки так не поздравляют друг друга как на "Цаган Сар". Может возникнуть резонный вопрос: при чем здесь слово сар? - При том, что этот праздник, вернее поздравления, приветствия друг друга, может длиться дватри недели, а то и месяц.

С н о с к и

- 1 Джангар. М., 1958, с.359
- 2 Банзаров Д. Собр.соч., М., 1955, с.42
- 3 Приблизительно IX в.н.э., см. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы. СПб., 1880, с.91
- 4 Книга Марко Поло. М., 1956, с.II2-II3
- 5 Туркменско-русский словарь. Под общей редакцией Баскакова Н.А., Карыева Б.А., Хамзаева М.Я. Изд-во "Советская энциклопедия". М., 1968, с.554

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

За последние десятилетия появился ряд работ по изучению фразеологии монгольских языков. Впервые этой проблеме посвящена специальная статья "Об устойчивых фразеологических выражениях (на материале современного бурят-монгольского языка)" Т.А.Бертагаев.¹ Затем появились исследования языковедов - Г.Ц.Цырбеева,² Ц.Б.Будаева,³ Ч.Дувсанжав⁴ и других.

Наряду с разработкой теоретических вопросов монгольской фразеологии, много усилия затрачено исследователями на составление фразеологических словарей монгольских языков. К ним относятся "Орос-монгол авермец хэллэгийн толь" (Русско-монгольский словарь фразеологизмов) Ч.Дувсанжав⁵ и "Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов" Г.Ц.Цырбеева.⁶

В связи с тем, что лексикографическая работа по созданию фразеологических словарей монгольских языков приобретает интенсивное развитие, необходимо разработать принципы их составления. Данная проблема мало изучена в монголоведении.

В этой статье делаем попытку осветить проблему составления фразеологических словарей монгольских языков, анализируя и учитывая положительные и отрицательные моменты лексикографических работ Ч.Дувсанжав и Г.Ц.Цырбеева.

При решении поставленной задачи Ч.Дувсанжав употребляет, на наш взгляд, правильный и вполне приемлемый принцип составления фразеологического словаря. В составлении рассматриваемого словаря использован алфавитный метод расположения фразеологизмов. Как известно, кроме него существуют другие методы, например, фразеологизмы в словаре могут быть распределены по стержневым словам, либо же по устойчивым компонентам. Составление фразеологических словарей такими способами ограничивает круг их пользователей: не все смогут определять стержневые и устойчивые компоненты фразеологизмов, представляющих одну из самых сложных явлений языка. Тем более даже среди языковедов существуют разногласия по опреде-

лению стержневого и устойчивого элемента фразеологизмов.

Конечно, фразеологические словари, имеющие чисто научную цель и узкоспециальное назначение для филологов, могут быть составлены подобными методами расположения сочетаний и выражений. А фразеологические словари, предназначенные для широкого круга людей в практических целях, должны быть доступными для понимания и удобными для пользования, что составляет основные их достоинства. Именно таким требованиям соответствует словарь Ч. Дувсанжава.

В словаре Ч. Дувсанжава содержится обширный фразеологический материал, характеризующий все разновидности фразеологического богатства современного монгольского языка.

В данной работе значения фразеологизмов русского языка в переводе на монгольский передаются в основном путем подбора им нескольких равнозначных сочетаний и выражений. В частности, идиома русского языка днем с огнем не найдешь в словаре имеет такие монгольские соответствия, как "эрээд шлогтуу эрдэнэ, суураад олодгуу сууд, нунднй гэм, нунднээр хөлө гэрэн ч алга, бугь буулгах согоо суулгах, үзээд өгье гэсэн ч нунднй гэм, нунднй гецгий мэт ховор". Наличие в словаре определенного выбора эквивалентов для переводимого фразеологизма создает возможность подобрать среди них соответствующий ему вариант в зависимости от особенностей стиля его текстового окружения. В редких случаях Ч. Дувсанжав значения фразеологизмов русского языка в переводе на монгольский передает путем смыслового и буквального перевода и этимологических разъяснений.

Следует заметить, что Ч. Дувсанжав иногда неправомерно включает в словарь словосочетания нефразеологического характера. К ним относятся сочетания русского языка на устах, на час и другие, которые не являются фразеологизмами. Как известно, сочетания одного и более служебных слов с одним знаменательным словом не причисляются к названной категории языковых единиц. Это объясняется тем, что отдельные знаменательные слова являются объектами исследования лексики, а не фразеологии. Служебные слова не обладают лексической самос-

тождественностью и как префиксы являются грамматическими показателями отдельных слов, поэтому сочетания одного или двух служебных слов с одним знаменательным словом не являются объектами последования фразеологии и должны рассматриваться в языкознании как одно слово с его грамматическими изменениями. Кстати, данный вопрос является проблематичным и окончательно не решенным в общем языкознании. И некоторые языковеды включают в состав фразеологии словосочетания вышеназванного типа. В частности, в "Фразеологическом словаре русского языка" Л.А.Войнова, В.П.Жукова, А.И.Молоткова и А.И.Федорова (М., 1967) встречаются сочетания до безумия, в зле и при виде, которые не составляют фразеологизмов.

При составлении указанных словарей Ч.Дувсачжав и Г.Ц.Пурбеев руководствовались, главным образом, одинаковыми принципами.

В лексикографической работе Г.Ц.Пурбеева заявлено богатство глагольных фразеологизмов калмыцкого языка. Калмыцкие примеры приведены с цитатами, являющимися употреблением фразеологизма в контексте и с подбором синонимов и антонимов. Значения калмыцких фразеологизмов на русский язык передаются путем подбора эквивалентов и аналогичных по смыслу фразеологизмов, посредством их смыслового (описательного) и буквального перевода и при помощи этимологических разъяснений некоторых сочетаний и выражений. Многозначные фразеологизмы приводятся в разных контекстуальных окружениях для выяснения всех его значений. Например, фразеологизм көлд орх дается в различных цитатах, что позволяет обнаружить и переводить на русский язык все его прямые и переносные значения "начинать ходить" (о ребенке), "встать на ноги после длительной болезни и скрепнуть материально" (о хозяйстве).

Кроме того, помимо калмыцких фразеологизмов в словаре часто приводятся их фразеологические варианты монгольского и калмыцкого языков. В частности, наряду с калмыцким нохан дун оорих "о приближении конца, завершении какого-либо дела" в словаре представлены монгольский нохойн дун ойтох и бурятский нохсйн дун ойтохо, употребляющиеся в одинаковых значениях и имеющие общее происхождение с ним. Привлеченное

словаре такого материала позволяет изучать фразеологизмы близкородственных языков в сравнительном плане.

Таким образом, автор много внимания уделяет правильному выявлению разных значений фразеологизмов и их переводу на русский язык. Это вполне естественно, так как многие фразеологизмы из-за их многозначности и специфичности иногда бывают малопонятными и создают трудности для их правильного перевода на другие языки.

Вместе с тем, в работе имеются отдельные недочеты. В некоторых местах словаря, как нам представляется, приводится лишний иллюстративный материал. В частности, фразеологизм *сүмс авх* "напугать, вызвать страх, смятение" без надобности представлен в трех разных контекстах в одном и том же значении. В данном случае достаточно было бы одного иллюстративного примера.

Словарь Г.Ц.Пурбеева не дает полного представления о всех разновидностях фразеологии калмыцкого языка, охватывая только ее глагольные фразеологизмы, оставляя остальные типы фразеологизмов калмыцкого языка.

Иллюстративный материал этого словаря, содержащий примеры фразеологизмов, на наш взгляд, нуждается в переводе с калмыцкого на русский.

Итак, словари Ч.Дувсанжава и Г.Ц.Пурбеева представляют большую ценность в теоретическом и практическом отношении. Их опыт лексикографической работы в дальнейшем послужит необходимым руководством в монголоведении для составления различных фразеологических словарей. Ведь перед монголоведами ставится неотложная задача: составить разные типы фразеологических словарей. Ввиду того, что по мере расширения и укрепления братского сотрудничества русского и монгольских народов с каждым годом увеличивается объем переводческой работы между их языками, нужно в первую очередь создать двуязычные монгольско-русский, русско-монгольский, бурятско-русский, русско-бурятский, калмыцко-русский и русско-калмыцкий фразеологические словари. Они необходимы в деле общения народов и взаимообогащения языков.

Нам представляется, что при составлении подобного бурятско-русского или калмыцкого словаря следовало бы придерживаться следующих принципов:

1/ при отборе материала для словаря соблюдать критерии выделения фразеологизмов от других видов сочетаний слов, определяя их понятийные и родовые признаки: воспроизводимость из памяти в готовом виде, наличие в лексико-грамматическом составе двух и более знаменательных слов, актуальность общего и целостного значения и устойчивость структуры. Такие особенности присущи фразеологизмам старомонгольского и современных монгольских языков;

2/ для правильного перевода, выявления стилистической окраски и выяснения точного значения многозначных фразеологизмов, приведенных в словаре, показать их в контексте. Приведем пример: Нүдэ бүглэхэ а/ "пускать пыль в глаза", б/ "обманывать", в/ "притворяться, делать вид" (букв. "закрыть глаза"). Нүдэ бүглэхэн ябадал гэжэ хэлэбэл зохихо байгаа хаш ⁷ "Видимо, можно считать это обманом";

3/ для сравнительного анализа фразеологизмов привлекать дополнительный материал близкородственных языков. Пример: Ама аддахэ а/ "клясться", б/ "проговориться о ком-либо, о чем-либо" (букв. "уронить рот"). Ср. древнемонгольское аман кэлэн влдаху "клясться" (букв. "уронить рот, язык"); халхаское ам шүд аддах "клясться, божиться" (букв. "уронить рот, зубы"); калмыцкое ам адх а/ "случайно, ненароком проговориться о ком-либо или о чем-либо", б/ "намеренно проболтнуться, выдать, разгласить какую-либо тайну" (букв. "уронить рот");

4/ значение бурятских фразеологизмов передать на русский язык путем подбора аналогичных по смыслу фразеологических оборотов и эквивалентных слов, посредством их смыслового (описательного) и буквального перевода и при помощи этимологических разъяснений некоторых сочинений и выражений;

5/ при составлении фразеологических словарей, предназначенных для широкого круга людей в практических целях, использовать алфавитный метод расположения фразеологизмов.

В настоящее время появилась острая необходимость в сос-

тавлении фразеологических словарей монгольских языков, так как фразеологизмов, представляющих неисчерпаемое богатство народного творчества и отражающих его духовную культуру, нужно постоянно собирать и фиксировать в словарях, ибо в связи с постоянным изменением фразеологического фонда языков отдельные из них выходят из употребления и забываются. Создание фразеологических словарей всех монгольских (в частности, бурятского и калмыцкого) языков имеет огромное научно-практическое значение для филологов, этнографов, историков, писателей, журналистов и других специалистов.

С н о с к и

- 1 Бертагаев Т.А. Об устойчивых фразеологических выражениях. "Сб.тр.по филологии", вып.2, Улан-Удэ, 1949, с.64-119
- 2 Пюрбеев Г.Ц. Глагольные фразеологические единицы в монгольских языках. Диссертация на соискание ученой степени канд.фил.наук. М., 1969
- 3 Будзев Ц.Б. Фразеология бурятского языка. Улан-Удэ, 1970
- 4 Лувсанжав Ч. Фразеология монгольского языка. Будапешт, 1966
- 5 Лувсанжав Ч. Орос-монгол эвермец хэллэгийн толь. Улан-Батор, 1970
- 6 Пюрбеев Г.Ц. Краткий калмыcko-русский словарь глагольных фразеологизмов. Москва - Элиста, 1971
- 7 Дамдинжапов Ц. Битыхан расказууд. "Буряад үнэн", 1963, 7 апреля

О КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

/в порядке обсуждения/

Освещение научных проблем калмыцкого языкознания на калмыцком языке, изучение и преподавание родного языка в высших и средних специальных учебных заведениях, в общеобразовательных школах республики трудно представить без широкой и основательно разработанной терминологии, общепринятой всеми языковедами и специалистами. Речь идет о создании лингвистического словаря по калмыцкому языку. Дело это требует большой подготовительной работы, предполагающей сбор фактического материала и вдумчивого его анализа. Для составления такого словаря необходимо максимально использовать все имеющиеся средства родного языка: слова, словосочетания, парные слова и аффиксы, которые представляют собой весь тот актив, на котором должна базироваться национальная терминология по языку.

Начальный этап работы — это сбор самого языкового материала. Для этого необходимо в первую очередь произвести выборку слов и других единиц языка из "Калмыцко-русского словаря" под редакцией Муниева Б.Д. и иных источников, дающих материал для создания терминов.

Здесь следует очень внимательно отнестись к обычным общеупотребительным словам, которые могут быть использованы в качестве терминов. Например, рассмотрим слово кур, которое в существующей терминологии не нашло своего отражения. Оно, как нам представляется, заслуживает соответствующего внимания. Основное значение этого слова выражает процесс говорения, диалог между людьми, собеседование. Поэтому в речи носителей калмыцкого языка нередко можно услышать выражение кур кех или кур-куундвр кех "вести с кем-либо беседу, разговор, диалог". В русском языке ему равнозначно слово речь. Поэтому грамматическое понятие "речь" следовало бы обозначить словом кур, а не келлһн, как это дано в существующей

терминология по языку, что буквально означает "произношение" /чаңһур келһн "громкое произношение", арһул келһн "тихое произношение", чик келһн "правильное произношение", хажр келһн "неправильное произношение" и т.д./, но не само говорение. Отсюда /т.е. при келһн "произношение"/ выходит, что можно говорить келһ кех /букв. "произношение делать"/, что весьма неестественно в речи. Да и нет вовсе такого выражения в языке. А есть выражение кур/-куундвр/ кех "вести беседу, речь, диалог". Принять слово кур в значения "речь" диктует и другое обстоятельство - слово келһн в различных своих вариантах в системе одной лишь лингвистической терминологии очень часто используется в разных значениях: келлт "произношение", келһн "речь", келгдһн "выражение" и т.п. По существу одно и то же слово внутри одной системы употребляется несколько раз. Это, безусловно, затрудняет степень их усвояемости и создает много путаницы. На наш взгляд, одно из этих значений, а именно значение "речь", следуя принципу экономии языковых средств, следовало бы передать слову кур. Тогда можно было бы сказать ами кур "устная речь", но не амар келһн /букв. "ртом произношение"/, что очень непохоже на термин, бичмр кур "письменная речь", киизц кур "косвенная речь", шуд кур "прямая речь", һаза кур "речь внешняя", дота кур "речь внутренняя" и т.д.

Рассмотрим другое слово - эдл. Оно в речи носителей языка находит очень широкое употребление в значения "одинаковый", кроме того содержит синонимичные значения "тождественный, идентичный, равнозначный, равный", что для нас очень кстати. В лингвистике одно из этих значений, например, первое /"тождественный"/ за ним и следовало бы закрепить. Тогда от него можно было бы вывести различные словосочетания и однословные термины: эдл девсц "тождественная степень", эдл-цун "тождество", туудлгч эдлцун "тождество историческое"/диалогическое/, угин эдлцун "тождество слов" и др. Понятие же "равно/-значно/" следует обозначить словом цацу, отсюда - цацу чимрте "равнозначный", цацу чидлтэ "равносильный".

Слово чнз из общего фонда словаря в терминологических пе-

лях уже давно нашло свое употребление. Но, к сожалению, оно весьма многозначно: янз "форма", янз "наклонение", янз "образец", янз "залог". Все эти значения следовало бы выразить разными словами, ибо термин внутри одной отраслевой системы не должен иметь столько много значений. Значение "форма" в буквальном смысле несет в себе слово кев. Дальше с определенным видоизменением, например, кевц его с успехом можно было бы использовать в значении "модель".

Понятие "образ" в литературоведческой терминологии передается словом дур, поэтому термин "образец" также должен исходить от этого же корня дур-, например, дурслур.

В связи с этим термин "вид" в калмыцком языке правильнее было бы обозначить словом үзл: үүлдэгчин үзл "вид глагола", но не дур "образ". Термин "наклонение" можно было бы заимствовать из монгольского языка - телев калм. телв "наклонение". Значение "залог" сохранить за янз. В результате всего получается янз "залог", кев "форма", кевц "модель", дурслур "образец", үзл "вид", телв "наклонение", т.е. каждое значение приобретает свою внешнюю /начертательную/ форму. Это разделение нужно для того, чтобы не придавать много значений одному слову, ибо термин не терпит многозначности. Таким образом, при внимательном подходе к исходному материалу для терминологии могут стать пригодными даже самые обычные слова, общий фонд которых в словарном составе языка составляет наибольшее число.

В данной работе необходимо обратить внимание на архаизмы и малоупотребительные единицы, которые при определенных условиях можно использовать в качестве терминов. Для этих целей такие слова даже очень удобны, так как они, в силу своей архаичности, в речевом обороте не принимают никакого участия, т.е. функционально совершенно свободны. Для иллюстрации берем следующие слова: ваглу "превосходящий" > "превосходный", отсюда: ваглу девсц "превосходящая степень", чинрлгчин ваглу девсц "превосходящая степень прилагательного"; вадм "архаизм" вадму "архаичный": вадму үг "архаичное слово" при хуучрса "устаревший" /хуучрса үг "устаревшее слово"/;

аацан "значение, смысл": үгин аацан "значение слова".

Следует дифференцировать и закрепить за терминами значения: аацан "значение", утх "смысл", чнр "качество" чнрлгч "качественный", учр "причина", уршг "обстоятельство", так как они как термины очень часто смешиваются, чего нельзя допускать.

В целях экономии языковых средств следует подумать о разбивке парных слов на отдельные элементы, которые могут быть употреблены как самостоятельные термины, например, парные — зүсн—зүүл на зүсн "тип", зүүд "разновидность": зэцгин зүсн "тип предложения", күрин зүсн "тип речи", үгин зүсн "тип слова", келнэ зүсн "тип языка", зүслиһн "типизация", зүслгдсн "типизированный", зүслвр "типология", зүслврг "типологический", зүүл: келнэ зүүл "разновидность языка", айһин зүүл "разновидность диалекта", эвэн зүүл "разновидность фонем" и т.д.

В терминологической лексике большое место занимают словосочетания. Очень важно, чтобы они в функции терминологии употреблялись в правильном синтаксическом и морфологическом оформлении. От этого зависит степень понятности и смысловая точность словосочетания. Например, считаем неправильным оформление аналитической конструкции амр делгүңгү биш зэңг /булетень № I по языку/, содержание которой трудно понять; оно становится понятным только по русскому переводу. Нам представляется, что это выражение пословно переведено из русского "простое нераспространенное предложение", но в калмыцком языке, как известно, порядок слов далеко не соответствует порядку слов в русском языке. По-калмыцки компоненты этого словосочетания должны были получить оформление в следующей последовательности: делгүңгү биш амр зэңг, в котором главным /определяемым/ членом является вторая часть — амр зэңг "простое предложение", первая часть делгүңгү биш — есть определение к главному, а именно указывает на тип предложения — нераспространенное. Ошибки подобного рода наблюдаются и в других источниках.

Огромную роль в создании терминов играют аффиксы. Чем ши-

ре они будут вовлечены в терминообразование, тем ранообразнее по форме и содержанию будут термины. При их использовании обязательно должна быть учтена семантика аффиксов, так например: -лһн всегда выражает имя действия: келлһн "произношение", бичлһн "правописание, написание"; -лт - название, выражение действия: цәэлһлт "определение", бичлт "письменность", немлт "дополнение"; аффикс -гч чаще обозначает качество, признак чего-либо: хәәкргч "восклицательный", күчлүлгч "побудительный", сюда же можно отнести аффиксы -ңгү /-ңгү/: деллгүңгү "распространенный"; -дл: зүүдл "сочинительный"; -ң: киңң "косвенный" и многие другие.

В современной лингвистической терминологии обращает на себя внимание тот факт, что аффикс родительного падежа -ин часто ошибочно употребляется со значением выражающем качество чего-либо. например, сравните: деепричастия чһнр "значение деепричастия" /оформлено правильно - родительным падежом/ и деепричастия эргч "деепричастный оборот" /оформлено неправильно/. Во втором случае должно было следовать орфографирование деепричастия "деепричастный", т.к. это - имя прилагательное.

В последнее время в общеупотребительном языке утвердился довольно продуктивный аффикс -и: зүркини дуря "сердечная любовь", күүни хув "человеческое счастье". Однако в языковых преобразованиях он все еще остается малоприменимым несмотря на то, что очень удобен для образования адъективных форм: дарани тоолгч нерн "порядковое имя числительное", но не дара, келни хадврмуд "языковые согласные", но не келнә, т.к. последние выражают форму родительного падежа: халымг келнә хадврмуд "согласные калмыцкого языка".

Требование использовать одних аффиксов лишь для одних частей речи в создании терминов должно стать обязательным.

Таковы некоторые основные вопросы, связанные с подготовкой и составлением лингвистического словаря по калмыцкому языку. Однако в статье остались незатронутыми такие важные аспекты как анализ действующей терминологии, вопросы взаимодействия, отбор аффиксов и их классификация применительно к

той или иной части речи. В этом отношении можно даже составить специальную таблицу аффиксов по значениям, дающую модель терминообразования. Эти вопросы требуют специального и частного рассмотрения с детальным изучением фактических ресурсов языка.

О СЛОВЕ ЭБЕ

Как-то в фольклорно-диалектологической экспедиции в поселке Чилгир во время записи "Кемяллеген" в исполнении Батандаева Гари обратило на себя внимание выражение "Эб-эб, би эндүржэжив". Эб-эб — что бы это могло значить?

Помог Б. Я. Владимирцов, утверждавший, что слово гуттурального ряда иногда обозначает мужской род, а слово палатального ряда — женский.¹ Руководствуясь этим положением, в словаре Г. Рамстедта мы находим слово аба "отец", противоположного эб сингармонического ряда. Если судить по аба "отец", то эб /*ebe*/ должно иметь значение "мать, матушка". Слова аба, *ebe* составили /видимо, и составляли/ сингармоническую пару. При знании семантики одного из них, не трудно было определить значение другого.

С развитием языка, в результате количественной метатезы, аба развилось в аавь, а *ebe* в результате выпадения интервокального согласного развилось в ээ, т. е. нарушилась сингармоническая пара, трудноопределяемым стал род слова ээ /< *ebe* /. Поэтому к нему /ээ/ был присоединен показатель женского рода —*я* /-*ži*, -*žin*/, ср. *ebe* > *ee.ži* > *eeži* "мать, матушка".²

Правильность определения значения слова эбе подтверждается материалами бурятского языка, в диалектах которого сохранилась форма эбь "мать, матушка".³ В киргизском языке это слово сохранилось в форме эбий /тяньш./ "старуха".⁴

Позже это слово нами обнаружено в произведениях калмыцкой художественной литературы, например, в произведениях основоположника советской калмыцкой литературы Баатра Басангова. В его пьесе "Экин туск частр" мы встречаем "эбе, би нам ирсв кергэн мел мартчкжр"⁵ Матушка, я даже забыла зачем я сюда пришла.

Здесь гласный [э] непервого слога перешел в широкий гласный [э], что вполне закономерно, т. к. в современном кал-

мыцком языке [э] в непервых слогах постоянно переходит в [ә].

В антологии калмыцкой поэзии мы встречаем: "эбэн эр...би эндү кемэдһэд орксн бээжв".⁶ Здесь, видимо, ошибочное написание в два слова, скорее всего здесь множественное число от эбе /*ebe*/ и надо его писать эбэнер "матушки, женщины", по существующей орфографии это будет эбэвр.

Интересно отметить частое употребление этого слова сказочником Батандаевым, да и вообще само обращение толкователя кости к *ebe* /матушке, женщине/, как к собеседнице, на вопросы которой он отвечает, может пролить свет на роль женщины в древнем калмыцком обществе и на время происхождения кемяллеген /"толкования кости"/.

С н о с к и

- 1 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929, с.127
- 2 *ebe* развилось и дало *ete* "женщина; самка"
- 3 Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. Изд-во "Сов.энциклопедия", М., 1973, с.753
- 4 Киргизско-русский словарь. Изд-во "Сов.энциклопедия". М., 1965, с.942
- 5 Басцһа Баатр. Бумбин орн. Элст, 1971, с.II6
- 6 Хальмг поэзин антолог. Хальмг госиздат. Элст, 1962, с.87

ЕЩЕ РАЗ К ДЕШИФРОВКЕ НАДПИСИ НА
"ЧИНГИСОВОМ /ХИРХИГИНСКОМ/ КАМНЕ"

Так называемый "Чингисов камень" с высеченной на нем надписью "восточными буквами" в русской и мировой науке стал известен с 1818 года, после того, как Г.И.Спасский опубликовал в издаваемом им журнале "Сибирский вестник" сообщение о нем.¹

Начиная с 1829 по 1927 гг., т.е. в течение почти ста лет эту надпись по-своему дешифровывали и переводили на русский язык четыре отечественных ученых: учитель монгольского /буриятского/ языка Р.Н.Ванчиков, академик И.Я.Шмидт, Дорджи Банзаров и Ин.Клюкин. Позже Г.Н.Румянцев справедливо отмечал, что ни один из этих исследователей не дал полной дешифровки и чтения надписи, хотя значительную ее часть они сумели прочесть правильно. "Перевод Д.Банзарова требует пересмотра в связи с работой Клюкина", - заметил он же. Однако своего мнения о работе последнего Румянцев не высказал.²

В свое время Дорджи Банзаров точно скопировал эту надпись:

Сартагул иргэн даулижу багужу
Хамуг моңгол улус-ун арад-и
Бугай сочигай хуригсан-дур
Исунгкэй
Хонггодур-ун гурбан загун гучин табун
алдага-тур онтола-га.³

Handwritten transcription of the inscription in Cyrillic script, showing various attempts and corrections.

Монгольский ученый Ц.Дамдинсурэн опубликовал фотоснимок надписи и дал переложение ее на старо-монгольской и современной графике. При этом он допустил разнописание в следующих четырех словах: дахулижу, Сочихай, алда, онтудлуга. Это же у Дорджи Банзарова соответственно дано: таулижу /даулижу/, Сучигай, алтаг/к/, ондулга, каковые не меняют смысла надписи, раскрытого им же. Ц.Дамдинсурэн вместо перевода надписи на русский язык ограничился изложением данных Д.Банзарова и Ин.Клюкина. Вот его переложение надписи на современную графику монгольского языка:

Чингис хан-и

Сартагул иргэн дахулижу багужу, хамуг

Монгол улус-ун арад-и Буха Сочихай

хуригсан-тур, Есунхэ Хонгодор-ун Гурбан

загун Гучин табуи алда-тур онтудду-га ⁵

А.М.Позднеев своего перевода надписи тоже не дал, ограничившись выводом о том, что "Этот памятник требует нового и основательного пересмотра" и "новых работ" над ним. ⁶ Венгерский монголовед Д.Кара находит в надписи разное начертание отдельных букв, таких, как S, Z, R, K ⁷ Покойный С.В.Киселев, по нашему мнению, без достаточных оснований писал о надписи на "Чингисовом камне", что она была высечена по случаю "награждения Чингис-ханом его племянника Исункэ", ⁸ в которой не идет речь об этом награждении. Выдающийся французский ориенталист Поль Пеллио также написал статью о "Чингисовом камне", но своего перевода также не дал.

Чтобы попытаться дать новое чтение и перевод на русский язык надписи, приводим ниже варианты перевода ее, данные четырьмя исследователями и их анализ по фразам:

Р.Н.Ванчиков /1829/: "Когда Чингис-хан соизволил овладеть сартольским народом и присоединить к дрезнему станювицу всего монгольского народа, находящиеся вообще по Онону побеждены тремя стами тридцатью пятью посланными". ⁹

И.Я.Шмидт /1834/: "От Чингис-хана, когда он покорил сартольский народ, воротился и положил конец вражде от пре-

жних времен всех монгольских народов всем трем стаи тридцати пяти *Эсуе* /демонам/ в знак изгнания".¹⁰

Д.Банзаров /1851/: "Когда Чингис-хан после нашествия на народ сартагул /хийвинцев/ возвратился и люди всех монгольских поколений собрались в "Буга-Сочихай", то Исункэ получил триста тридцать пять воинов хонгодорских".¹¹

Ин.Клюкия /1927/: "Когда Чингис-хан, по возвращению с захвата власти сартагулов, всех Нойонов народа Монгол поставил на состязание в стрельбе, то Исункэ на триста тридцать пять маховых сажень расстояния /прицела/ выстрелил из лука". /Вот транскрипция надписи, данная Ин.Клюкиным: "Чингис-хан-и сартагул иргэ дагулиджу багуджу. хамуг Монгол удус-ун нойон-и богтогочигер хоригсан-тур, Исункэ онтодор-ун гурбан загун гучия табун адлас-дур сятодолога"/.¹²

Таким образом, четыре исследователя /трое в XIX в., один в советское время/ дали четыре разных чтения и перевода надписи. Кто из них наиболее верно раскрыл содержание надписи и дал верный перевод? Для ответа на этот вопрос надо вникнуть в суть каждой фразы надписи, а их, по нашему мнению, три: а/Чингис-хан возвратился из завоевательного похода к сартагулам; б/монголы собрались в одном месте; в/Исункэ совершил действие, связанное с цифрами 335 /триста тридцать пять/.

Если расчленим надпись на отдельные слова или словосочетания, то мы получаем следующие варианты перевода по фразам:

1/ Чингис-хан-и сартагул иргэн даулиджу багуджу...

а/"соизволил овладеть сартольским народом..." /Ванчиков/, здесь нет перевода слова багуджу, т.е. о возвращении Чингис-хана, притом слово даулиджу переведено неверно - "соизволил овладеть";

б/"Когда он, покорив сартогольский народ, воротился..." /Шмидт/, здесь смысл фразы передан верно, но начальные слова фразы /перевода/ "от Чингис-хана..." неверны;

в/"Когда Чингис-хан после нашествия на народ сартогул /хийвинцев/ возвратился" /Банзаров/, это наиболее адекватный перевод /см. о "нашествии" ниже/;

г/"Когда Чингис-хан, по возвращению с захвата власти са-

ртагулов..." /Клюкин/, хотя этот вариант перевода по смыслу верный, но слова "с захвата власти сартагулов" не соответствуют слову даулидху. т.к. последнее означает "завоевать" /народ/, но не "захват власти".

2/ Хамуг монгол удус-ун арад-и Буга-сочигай хуригсан-дур: а/"...и присоединить к древнему становичу всего монгольского народа..." /Ванчиков/, как видим, здесь почти верно прочитаны слова хамуг монгол удус. остальное - неверно;

б/"...и положил конец вражде от прежних времен всех монгольских народов..." /Шмидт/, здесь тоже слова хамуг монгол удус прочтены почти правильно, остальные же надуманы, т.к. в надписи нет намека ни о какой вражде монголов между собой;

в/"...и люди всех монгольских поколений собрались в Бура-сочигай" /Банзаров/, этот перевод соответствует фразе надписи в выкопировке ученого, за исключением слова поколения, которым переведено слово удус /см. об удусе и его переводе на русский язык ниже/;

г/"...всех нойонов народа Монгол поставил на состязание в стрельбе..." /Клюкин/, вот транскрипция фразы, данная им: Хамуг монгол удус-ун нойон-и богтогучигар хуригсан-тур. Как видно из сравнения, Клюкин прочел слово арад-и, как оно скопировано Д.Банзаровым, нойон-и /обратите внимание на оформление этого слова ед.числом - Ц.К./, а слова бугасочигай /Д.Б./ он прочитал как богтогучигар. каковое явно не вяжется по смыслу с фразой, к тому же в надписи нет слова, которое надо было бы перевести "поставил на состязание..." /Ин.Клюкин слово богтогучигар выводил из монг. богтол "условие, сговор"/. Если Д.Банзаров прочитал арад-и /~~ᠠᠷᠠᠳ~~ᠠᠷᠠᠳᠠᠨᠢ/, то Ин.Клюкин - нойон-и /~~ᠨᠣᠶᠢᠨᠣᠶᠢᠨᠣᠶᠢ~~ᠨᠣᠶᠢᠨᠣᠶᠢᠨᠣᠶᠢ/.

3/ Исункэй хонггодур-ун гурбан загун гучин табун алдагатур онтолага:

а/"...находящиеся вообще по Онону побеждены тремя стами тридцатью пятью посланными" /Ванчиков/, надуманность перевода фразы видна хотя бы из того, что войска Чингис-хана сделали привал на пути возвращения из похода к сартагулам в местности Хара-заир, т.е. Хара Сайр, куда Чингис-хан вызывал

сыновей своих, ¹³ и, ясное дело, на реку Онон он не послал 335 воинов на покорение каких-то врагов.

Как видно из перевода Ванчикова, он слово арад-и / ~~арад-и~~ / прочитал как Онон / ~~арад-и~~ /, а цифры 335 прочел правильно;

б/ "...всем тремстам тридцати пяти ~~335~~ /демонам/... в знак изгнания" /Шмидт/, по этому переводу фразы выходит, что Чингис-хан в знак изгнания поставил какой-то знак 335 демо-нам. Вопрос: кого и откуда изгнал хан?, или же он изгнал 335 демонов? Это требует специальных поисков, у нас же речь об этом не идет;

в/ "...то Исункэ получил триста тридцать пять воинов хон-годорских" /Банзаров/. По этому переводу выходит, что Исункэ получал в награду 335 хонгодорских / хондогорских/ воинов, - за что? - неизвестно. Ученый принимал слово алдаг-а / ~~алдаг-а~~ / за форму мн. числа от ал ← ая / эя/, означавшее военный отряд /в данной надписи - мирных, невраждебных хонгодоров/, сло-во ондолаг-а или онтолаг-а / ~~ондолаг-а~~ /, как видно из его пере-вода, он выводил от оно / онохо, ондохо/, означающее "попасть", а в переносном смысле "приходиться, получить", где почему-то в этом случае частица тур дур оказалась не после имени Исункэ;

г/ "...то Исункэ на триста тридцать пять маховых сажен рас-стояния /прицела/ выстрелил из лука" /Клюкин/.

Таким образом, Банзаров и Клюкин по-разному прочитали и перевели последнюю фразу надписи. Первый говорит о 335 хон-годорских / хондогорских/ воинах, полученных Исункэем, а вто-рой - о 335 маховых саженях, на расстоянии которых стрелял Исункэ.

Более близки к оригиналу чтение и перевод Ин.Клюкина по части определения расстояния в саженях /гурбан загун гучин табун алдага/.

Итак, если попытаться подытожить варианты перевода над-писи четырьмя исследователями, то приходим к следующему ре-зультату:

1/ Ванчиков определил следующие слова надписи: "Чингис-хан..., сартольский народ..., весь монгольский народ..., три

ста тридцать пять /сюда можно добавить, правда, с натяжкой, слово овладел в смысле "завоевал"/. Все остальные слова переведены неверно;

2/ Шмидт сумел прочесть правильно слова: "Чингис-хан воротился, покорил сартогольский народ..., все монгольские народы..., триста тридцать пять...". Остальные слова прочтены и переведены тоже неверно;

3/ Банзаров правильно прочел слова: "...Чингис-хан... , намешствие ча народ сартагул..., возвратился..., люди всех монгольских поколений..., собрались в Буг-а сочигэй..., Исункэ..., триста тридцать пять...". Остальные слова у него прочтены тоже неверно. К тому же слова надписи даулиджу, улус-ун им переведены не адекватно оригиналу "намешствие" вместо "повоевав // завоевав" и "поколение" вместо "государства";

4/ Клюкин в соответствии со своим чтением надписи, определил слова: "...Чингис-хан..., возвращение..., сартагул..., всех..., народ Монгол..., Исункэ..., триста тридцать пять сажень расстояния выстрелил...". Вместо иргэн / иргэн / он прочел ирхэ / ирхэ / "власть" /должно же быть, если уж на то пошло, эрхэ - Ц.К./ вместо даулиджу он прочел дагулиджу и дал неверный перевод "захват" /см. выше пункт "в"/.

Следует остановиться на формуле Хамуг монгол улус / Хамуг монгол улус, т.д. исследователи по-разному перевели ее на русский язык: слово улус Ванчиков, Шмидт и Клюкин перевели "народ", Банзаров - "поколения", тогда как в разбираемой надписи наиболее соответствовало бы слову улус - "государство" /ср. Сун улус "Сунское государство", а не "сунский народ", улус-и барилдуджи "соединяя государства" - в письме иль-хань Олжайту к французскому королю Филиппу IV Красивому¹⁴/.

О создании ранне-феодального монгольского государства Чингисханом писал И.М.Мейский.¹⁵ Поэтому указанную формулу следовало бы перевести на русский язык "Всемонгольское государство".

О слове Хунгхедур-ун / Хунгхедур-ун/. Учитывая топоним Буг-а сочигэй, указывающий на географию местности, где остановился воинский монгольский лагерь, по нашему мнению, считать корнем

этого слова хонхор "глубокая долина, впадина, котловина". Учеными установлено выпадение буквы р в середине слова в монгольском языке XIII в., а также почти не допускалось написание двух р в одном слове, например, Нагаджума вместо Нагарджуна, Хойодугар вм. Хойордугар, укэчин вм. укэрчин, тэмучин вм. тэмурчин, Тэмудэр вм. Тэмурдэр. Понятна связь слов Хонгхор и Хара Саир, поэтому можно говорить о Харе-Заир / Хара-Саир/ как о глубокой долине, впадине /Хонхор/, носившее название Буг-а Сочигаг "Олений испуг", ¹⁸ а на камне было высечено Хонгходур-ун вм. Хонгхор-дур-ун /выпадение р в основном слове и присоединяется к нему частица дур/. В глубокой долине, впадине олень или другое беззащитное животное сразу не увидит издали хищника или же охотника, и при появлении у кромки впадины /долины/ хищника или же человека, испытывает испуг, в то время как в ровной местности животное видит опасность издали и сразу скрывается. Поэтому мы считаем, что был прав Д.Банзаров, прочитавший в надписи слова Буг-а Сочигаг¹ как топоним, а Клякин был прав, когда он прочел о выстреле Исункэ на 335 сажен расстояния /Алдаг-а от алд-а "сажень", ср. *Нонтосаји очовлаи еиле* "Сокр.сказ" 244, т.е. "выстрелами мог присоединять /обратно/ отделившихся"/.

О слове Арад /~~арад~~/. Ванчиков его прочел как "Онов". Лявдт не дал перевода, Банзаров прочел и перевел "Люди", а Клякин - Нойон-и. В надписи первая буква этого слова под воздействием природных факторов потеряла ясность очертания. Поэтому трудно установить в ней количество "зубцов" - то ли было их два, как это бывает в начальной а, то ли был только один, как бывает в начальной э и н. Как явствует из чтения Д.Банзарова, он принял первую букву этого слова за а, поэтому прочитал арад-и, а Клякин считал первую букву слова за н, вторую - за о, третью - за и/й/, четвертую - за о и пятую - за н конечную, и поэтому прочитал это слово нойон-и /в форме ед.числа, тогда как следовало бы читать в форме мн.числа нойод-и /нойад-и/ /~~нояд-и~~/ и, нарушая грамматические правила, дал перевод "всех нойонов..." /род.п. мн.числа/. Здесь же отмечам необоснованное отнесение слова Хамуг /~~хамуг~~/ к сло-

ву Нойон-и, тогда как ~~он~~ относится, как это давно установлено исследователями, к словам ...монгол удус - Хамуг монгол удус по типу Йеке монгол удус.¹⁸ Разбираемое слово, на наш взгляд, должно читаться Эрэд-и /~~Эрэд-и~~/, т.е. "мужчины-воины", ибо по вызову Чингис-хана в тот период военных походов монголов могли собраться только мужчины-воины из других войск хана /они могли явиться к нему с его сыновьями и братьями/. В грамматическом плане такое чтение данного слова и ему подобных подтверждается письменными источниками, когда в им.падеже мн.числа окончание слова часто было на д, так, например, в письме иль-хана Олжайту французскому корслю Филиппу IV /1305/ пишется: "вирэнуд иргэи-у султад...вярэнуд-ун султад", "долуган од..."¹⁹, т.е. окончание слова в им.падеже мн.числа в письм.-монг. языке XIII-XIV вв. было часто оформляемо на эд-ад-д. С учетом изложенных выше замечаний, перевод надписи на русский язык можно, на наш взгляд, изложить так:

"/Когда/ Чингис-хан, во завоевании сартагульского народа, возвратился, и мужчины-воины всего монгольского государства собрались во впадине Бугай сочигаи "Оленья испуг", то Исукке выстрелил /из лука/ на расстоянии трех сот тридцати пяти /335/ сажений".²⁰

С н о с к и

- 1 Журнал "Сибирский вестник", 1818, ч.IV, отд.II, с.116-124
- 2 См. Банзаров Д. Собр.соч., М., 1955, с.186-206, примечания 372 Н.Румянцева, с.336
- 3 Указ.собр.соч., с.187-206
- 4 В 1969 г. мной сверена выкопировка Д.Банзарова с оригиналом надписи на камне, хранящемся в Эрмитаже
- 5 Монголын уран зохиолын тойм. I-р давтар. XIII-XVI зууны үе. Уланбаатар, 1957, с.34-35
- 6 Падеев А.М. Избранные по истории монгольской литературы, т.I СПб., 1896-97, с.56-59
- 7 Кара Д. Книга монгольских летописей. В., 1972, с.56-57

- 8 Киселев С.В. и Мерперт И.Я. Древне-монгольские города: М., 1965, с.53-54
- 9 Приводится по Киселеву С.В. и Мерперту И.Я. см.выше, с.53-54; Банзаров Д. Указ.собр.соч., с.204
- 10 "Санктпетербургские ведомости", № 224, 1839; "Отечественные записки", т.УП, 1839, с.27-33. Приводится по Киселеву С.В. и Мерперту И.Я. Указ.работа, с.53-54; Банзаров Д. Указ.соч., с.205
- 11 Банзаров Д. Объяснение монгольской надписи на памятнике Исункэ, племянника Чингис-хана. "Черная вера... ." СПб., 1892, с.88-105; Собр.соч., М., 1955, с.167-206
- 12 Ключкин Ин. /1927/ Древнейшая монгольская надпись на Хирхиринском /Чингисовом/ камне. - "Труды Гос.Дальневосточного университета", сер.УП, № 5, Владивосток, 1927, с.168-212; Банзаров Д. Указ.соч., с.335-336 /примечания Румянцева Г.Н./
- 13 Лубсан Данзана. Алтан тоочи. В переводе Шатиной Н.П. М., 1973, с.229; также "Старинное монгольское сказание о Чингис-хане" в переводе Палладия /Кафарова/ в "ТЧРДМ" в Пекине, СПб., 1858, с.230, в котором отмечена местность Бука-суджикю, т.е. Буг-а сочигай /см.ниже/
- 14 Котвич В.Л. Поправки к разбору монгольских писем персидских иль-ханов. "Записки коллегия востоковедов", т.П, Л., 1925; Козин С.А. К вопросу о дешифровке дипломатических документов монгольских иль-ханов. "Известия АН СССР, серия УП, отд. общественных наук", М., 1935, с.641-655
- 15 Майский И.М. Чингис-хан. Статья в журнале "Вопросы истории", 1962, № 5, с.74-83
- 16 Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с.188-206. О выпадении буквы р в середине слова в монгольском языке в XIII в. - см. Примечание 24^а Ц.Н.Мункуева в его переводе книги Чжао Хуна "Мэн-да бэй-лу" /Полное описание монголо-татар/. М., 1975, с.161 /и его ссылку по этому вопросу на П.Пеллио - там же/
- 17 "Бука су-дзяку" в переводе Палладия /Кафарова/ "Старинные монгольские сказания о Чингис-хане". "ТЧРДМ", СПб., 1858, с.230

- 18 См. перевод и комментарии Мункуева Ц.Н. книги Чжао Хуна Мэн-да-бэй-лу "Полное описание монголо-татар". М., 1975, с.51, комм.93 Мункуева Ц.Н.
- 19 Котвич В.Л. и Козин С.А. "ЗКВ". Л., 1925, т.П и "Изв. АН СССР", серия УП, отд.общественных наук, М., 1935, с.641-655.
- 20 Академик АН МНР Ринчен Б. в своей "Грамматике монгольского языка" писал: "Есенкэ мэргэн 335 алд газар их наадамд сур харваж, бүх сумар онтудсан" /см. Монгол Хэлний зүй, Уланбаатор, 1964, с.213/. В связи с этим отмечу, что в надписи нет упоминания о "большом празднике" и о том, что Есункэ /Исункэ/ каждой выпущенной из лука стрелой попадал в мишень /Ц.К./, а просто отмечено, что он /Есункей/ стрелял из лука на расстояние 335 сажен.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ КАЛМЫКИИ

Взаимодействие между диалектной и литературной разновидностями языка – один из важных процессов развития любого письменного языка. В русском языке этот процесс наблюдается с момента появления первых памятников письменности /XIV./ и продолжается по сей день. Наиболее заметно его результаты отражаются в словарном составе языка, причем по-разному в отдельные исторические эпохи. В настоящее время лексическое взаимодействие между литературным языком и местными диалектами приводит к результатам двоякого рода:

а/ к заметному обогащению лексики диалектов словами современного литературного языка, особенно словами, выражающими новые понятия /таковы многочисленные советизмы, проникшие в говоры в течение последних десятилетий: колхоз, совхоз, стенгазета, комсомол, трактор, комбайн, сельсовет и т. д., а также телевизор, космодром, космонавт, нейлон, стеблеподъемник, спецхоз, автокормушка, агрохимлаборатория и множество других неологизмов 60–70 годов/. При этом обогащение сопровождается в некоторой убылью: уходят в пассивное употребление, а со временем исчезают не только слова, обозначающие устаревшие понятия, вроде трапезник – церковный сторож, восьмак – выборный землемер от восьми дворов, деха – старинная мера земли, одна двенадцатая часть десятины и некоторые другие, особенно те, которые имеют в литературном языке полные смысловые соответствия /напр., вместо анадысь говорят недавно. вместо нетуты – нет, вместо завеска – фар-тук; особенно такие замены часты в речи молодежи, получающей среднее образование/;

б/ к некоторому проникновению диалектных слов в словарный состав литературного языка; таковы, например, приводимые Н.М.Шанским /в "Лексикологии современного русского языка", М., 1972, с.122/ слова: аляповатый, притулиться, фйлин, пахать, батрак, шумиха, подоплека и ряд других, вошедших во

всенародное употребление из территориальных говоров русского языка. Известно, что в той или иной мере диалектную лексику использовали все выдающиеся русские писатели как Тургенев, Лев Толстой, Бунин, Чехов, Шолохов, Гладков и др. в своих произведениях в качестве определенных стилистических средств для речевой характеристики персонажей, описания местной крестьянской среды и т.д.

В настоящее время влияние литературного языка на местные говоры значительно преобладает над обратным влиянием на него со стороны диалектов. Это вполне понятно, если учесть, что литературный язык, концентрируя в себе огромные культурные ценности, выработанные веками общественного развития, является мощным средством просвещения, науки, искусства, социального прогресса. Престиж литературного языка громаден, его проникающая способность также очень велика. Он стремится охватить всю территорию, всю "глотофорную область" русского языка, проникая по многим каналам – через школу, периодическую печать, художественную литературу, радио, телевидение – даже в самые отдаленные уголки страны, бывшие глухие "медвежьи углы" царской России.

Слова литературного языка, попадая в словарный состав диалектов, претерпевают адаптацию, чаще всего звуковую; особенно это касается слов нерусского происхождения, внутренняя форма которых неясна для носителей говоров.

Предметом данных наблюдений являются слова, зафиксированные в Городовиковском районе Калмыцкой АССР во время летней диалектологической практики 1976 года.

Из 847 слов, имеющих в картотеке отчета по практике, выделяются 49 заимствований из литературного языка, испытавших адаптацию, что составляет около 6 общего количества. Прежде всего следует выделить случаи замены литературного ф на хв или х в диалекте: перед гласным вместо ф выступает хв: хвате вместо фата, хвиртка вместо фортка /переход о в и в закрытом слоге/ хванера вместо фанера; перед согласным выступает х: хронт, ахтанабилъ. Интересный случай представляет слово хвудиганить вместо худиганить: по всей вероятности,

оно заимствовано через предаточную инстанцию - просторечное фулиганить, судя по подстановке хв вместо ф; имеется также хуламент вместо фундамент.

Далее отметим слова с комбинаторными изменениями звуков, например:

1/ диссимиляция: дигистрироваться вместо регистраваться /здесь диссимиляция дистантная регрессивная/, кухвайка вм. фуфайка /то же/, скисняться вм. стесняться /то же/, амтобус вм. автобус /диссимиляция контактная регрессивная/, пашкет вм. паштет /диссимиляция регрессивная/, хвабрий вм. храбрый /то же/;

2/ метатеза: бутезер вм. бузотер. бульзодер вм. бульдозер, вахла вм. халва. гарнизация вм. организация. тверезный вм. трезвый. гамазин вм. магазин;

3/ отпадение начального гласного: вакуировалась вм. эвакуировалась. вакуация вм. эвакуация /здесь также эпентетическое в/, свалът вм. асфальт; отпадение начального слога: аболитировать вм. реабилитировать;

4/ прогрессивная дистантная ассимиляция гласных: табаре-тка вм. табуретка. Отмечена также и диссимиляция: стихея вм. стихия. партейцы вм. партийцы;

5/ эпентеза: перстики вм. персики;

6/ протеза: виноходец вм. иноходец;

7/ диаре́за: кватыря вм. квартира.

Имеется также случай замены одного согласного другим по неясной причине: тарантух вм. тарантул.

Некоторые слова литературного языка при заимствовании в диалект претерпели морфологическую адаптацию. Так, слово мужского рода бассейн превратилось в слово женского рода басеня: "У нас полная басеня вадн"; также - басень: "большая басень". Слово шкаф также перешло в женский род: "Колька шахву зделал" /здесь произошло такое звуковое изменение: литер. шкаф должно дать в диалекте шкахв, под воздействием конечного хв звук к выпал, затем произошло морфологическое изменение: шахв шахва; заметим, что слово комод тоже почему-то стало женского рода: "новая камода". Слово магазин встре-

тилось нам в двух разновидностях: гамазин и гамазня. Но последнее означает не торговое предприятие, а хлебный склад. Значение "склад" у слова магазин более старое; вообще в говорах нередки случаи сохранения словами былых значений; так, у слова газ в XIX веке было /среди других значений/ и такое: "керосин"; именно в этом значении отмечено слово газ в русских говорах Кавказия: "Цебарку взяла, за газом пошла" /цебарку - ведро/. Некоторые диалектные слова представляют собой контаминации: так, слово катавация есть гибрид из слов катавасия /беспорядок/ и эвакуация и означает последнее: "перевозка людей и ценностей в безопасное место во время войны или стихийного бедствия". Слово овальт контаминировано из асфальт и сваливать. виноходец - из вино и иноходец. скиснуться из скисать и стесняться и т.д. На слово адресь - "адрес" /женского рода: "А какая у него адресь?" /повлияли, очевидно, такие слова, как схожесть, горьсть. Подобные явления есть следствие "народной этимологии", т.е. попытки установить какую-то внутреннюю форму нового слова, сделать ее прозрачной на фоне связей между известными словами; и поскольку это делается без опоры на принципы научной этимологии, то сплошь и рядом такая этимологизация бывает ошибочной, опирающейся на случайные связи по звучанию. Таково отмеченное в наших материалах слово микрораон - "микрорайон" /ложная ассоциация со словом мокро, мокрый/. Относительно "народной этимологии" Е.Вандриес замечал в своей книге "Язык" /Соцэкгиз, 1937, с.172/: "Ни одно слово не стоит одиноко в сознании говорящего. Наоборот, мы всегда стремимся группировать слова, открывать новые соединяющие их связи. Слова всегда ассоциируются с каким-либо гнездом слов через свою семантику или морфему или даже через свои фонемы. Мы прекрасно чувствуем, что слова дар, подарок, дарить, даровой, даровитый связаны одним общим корнем, как бы ни были различны значения этих слов. С другой стороны, слова беловатый, красноватый, бледноватый также связаны друг с другом - через суффикс -оват-, придававший им всем значение слабой окраски. Но кроме того даритель образует группу с носитель, учитель, а да-

ровитий о дедовитий и т.д. Таким образом, мы видим, что эти словарные гнезда могут перекрещиваться. Ассоциация слов по фонемам играет большую роль в явлении, несущем название "Неродной этимологии"; сознание стремится установить связь во внешней форме слов, часто даже вопреки здравому смыслу. Слабое звуковое сходство данного слова с употребительным или более известным словом ведет за собой сближение, результатом которого являются странные искажения слов". Вендриес также определил причины комбинаторных изменений, проявляющихся особенно сильно в словах с неизвестной внутренней формой; так, говоря о диссимиляции, он заметил, что "диссимиляция не осуществляется там, где этимология слова ясна говорящему... . Комбинаторные изменения протекают от недостатка координации между мыслью и органами речи. Она результат недостатка внимания. Либо внимание перенапрягается, концентрируется с избытком на одном пункте за счет других или неровно распределяется среди различных элементов слова. Либо оно отвлекается, предоставляя органы речи их природной инертности" /там же, с.70/. Итак, речь не успевает за развертыванием мысли, отсюда всякие обмолвки, перестановки, забегания вперед, и чаще всего они осуществляются в словах с неясным этимологом.

Еще одно замечание. Большинство носителей правильной литературной речи /не лянгистов, а представителей иных специальностей/, слыша в устах носителей говоров слова вроде скисняться, бульзодер или мскрораон, испытывают внутренний протест, у них возникает своеобразный "синдром неприязни" к таким словам, как к "порче языка". Такой протест вполне оправдан при нормативной точке зрения на язык. Вот что писал в свое время А.М.Пешковский: "Литературное наречие не только объединяет различные части народа, говорящие на разных наречьях, как межрайонное, понятное всюду, оно и непосредственно воздействует на местные наречья и говоры, нивелируя их своим влиянием и задерживая процесс дифференциации... Притягивая ребенка, посредством нормирования его языка, к национальному центру - Москве, школьный учитель охраняет

внутреннее, духовное единство нации, как солдат на фронте охраняет территориальное единство ее". /"Объективная и нормативная точки зрения на язык", цит. по хрестоматии "История языкознания XIX-XX веков", ч. II, Просвещение, с. 294/. Но, замечает А. М. Пешковский, лингвисту должна быть свойственна не только нормативная, но и объективная точка зрения на язык. "... народные наречия и говоры не только не могут игнорироваться при таких условиях лингвистом, а, напротив, они для него и составляют главный и наиболее захватывающий, наиболее раскрывающий тайны языковой жизни объект исследования ... Таким образом какое-нибудь вчера будет для него не погорчанным вчера, а образованием чрезвычайно древнего типа ... Какие-нибудь текет, пекет, багит, силло, видю, кусто не вызовут в нем улыбки, а наведут его на глубокие размышления о влиянии I-го лица ед. числа на остальные лица всех чисел и об обратных влияниях последних на I-ое ... Вот, конечно, в народных говорах и не заморозные факты, а заимствования из литературного наречия, которое в силу своих культурных преимуществ всегда оказывает крупное влияние на народные говоры. Сюда относятся такие факты, как сумлеварсь, антиресний, дидектор, а человек удиваеший, выдающе новости и т. д. На первый взгляд уж эти-то факты как будто должны определяться как "искажения" литературной речи. Но и тут наука подходит к делу с объективной меркой и определяет их как факт сменения языков и наречий /в данном случае местного с литературным/, находя в каждом отдельном факте сменения свои закономерные черты /сумлеварсь - народная этимология, дидектор - диморфизация плавных и т. д./ и рассматривая само сменение как один из наиболее общих и основных процессов языковой жизни" /там же, с. 290-291/.

Вот почему предметом данных наблюдений явилось диалектные факты, отражающие взаимодействие между литературным языком и бесписьменными народными говорами. Остается сказать, что отмеченные факты наблюдаются в настоящее время лишь у людей старшего поколения, в силу ряда причин не способных получить достаточного образования и постоянно проживающих в се-

льской местности. Молодежь избегает употреблять речи слова вроде амтобус или кухвайка. Я им предстоит, видимо, в недалеком будущем быть замененными повсеместно на нормированные автобус и буфайка. Пока диалектные факты не исчезли, их надо собрать и изучить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
БАРДАЕВ Э.Ч. Вопросы лексикологии калмыцкого языка	3- 42
ПЮРБЕЕВ Г.Ц. Терминологизация слова в современном калмыцком языке	43- 48
ДАРВАЕВ П.А. К вопросу о формировании корневых гнезд в тюркских и монгольских языках	49- 59
МОНРАЕВ М.У. Меры длины в калмыцком языке	60- 65
МАНДИКОВА Б.Б. Именное словообразование изобразительных слов	66- 72
БИТКЕЕВА Г.С. Постфиксальное образование личных имен	73- 88
ОЧИР-ГАРЯЕВ В.Э. Междометия калмыцкого языка	89-101
ДАМДИНОВ Д.Г. О названиях рыб в монгольских языках	102-106
УБУШАЕВ Н.Н. "Цэган сар"	107-109
ЦЫДЕНБАГОВ Ш.Р. К вопросу о принципах составления фразеологических словарей монгольских языков	110-115
БАРДАЕВ Э.Ч. О калмыцкой лингвистической терминологии	116-121
УБУШАЕВ Н.Н. О слове эбе	122-123
КОРСУНКЬЕВ Ц.К. Еще раз к дешифровке надписи на "Чингисовом /Хирхиринском/ камне"	124-133
ЖИТНИКОВ В.Ф. Заимствования из литературного языка в лексике русских говоров Калмыкии	134-140

Калмыцкий научно-исследовательский институт
истории, филологии и экономики
г.Элиста, ул.Революционная, 8

Исследования по лексике калмыцкого языка

Редакция Э.Ч.Бердаев /ответ.редактор/, Н.Н.Убушев

Подписано к печати 21 августа 1981 г.

К - 00235

Формат 60 x 90^I/16

Бумага типографская № 3

Печать офсетная

Физ.печ.л. 9,0

Уч.-изд.л. 7,1

Тираж 500 экз.

Заказ 2157

Цена I руб.10 коп.

Республиканская типография Государственного комитета
Калмыцкой АССР по делам издательства, полиграфии и книжной
торговли

г.Элиста, ул.Ленина, 245

Цена 1 руб. 10 коп.